

Смирновские чтения

Доклады научной конференции,
посвящённой 80-летию
Переславского музея-заповедника,
28—29 мая 1999 года

Переславль-Залесский
2023

ББК 79.1(2Рос) + 63.3(2)
УДК 069(47) + 94(47)
С 50

Под общей редакцией
директора Переславского музея-заповедника О. Н. Пычина.

Редакционная коллегия:

Н. Р. Герасимова, Т. В. Гузилова, Н. Ю. Кондратьева,
Н. В. Левицкая, Г. М. Петровнина, Н. Л. Сергеева,
О. Б. Сокольская, С. И. Сотникова, Л. Б. Сукина.

Редактор А. Ю. Фоменко.

С 50 Смирновские чтения: Доклады научной конференции, посвящённой 80-летию Переславского музея-заповедника, 28—29 мая 1999 года / Под общей редакцией директора Переславского музея-заповедника О. Н. Пычина. — Переславль-Залесский: Переславский музей-заповедник, 2023. — 1 DVD-диск (PDF): ил., указ. — Текст: электронный.

ISBN 978-5-6051266-0-7

Опубликованы доклады научной конференции. Их тематика: местная история, музейное дело, памятники архитектуры, культуры и природы. Для широкого круга читателей.

Системные требования: программа чтения PDF.

УДК 069(47) + 94(47)
ББК 79.1(2Рос) + 63.3(2)

© Авторы статей, 2023.

ISBN 978-5-6051266-0-7

© Переславский музей-заповедник, 2023.

Публикация докладов научной конференции,
посвященной 80-летию
Переславского музея заповедника,
приурочена к 155-летию со дня рождения
первого директора музея
Михаила Ивановича Смирнова

Предисловие

Настоящий сборник статей сформирован на основе докладов, подготовленных для научной конференции «Смирновские чтения», посвящённой 80-летию Переславского музея-заповедника, которая прошла 28—29 мая 1999 года в Переславском музее-заповеднике. Многие участники профессионального сообщества откликнулись на предложение опубликовать свои научные труды.

Научно-исследовательская деятельность началась с первых дней музея. 15 марта 1919 года заведующий музея Михаил Иванович Смирнов сообщал в отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Комиссариате просвещения: «1) точное название музея: „Переславль-Залесский художественно-исторический и краевой музей“; 2) подробный адрес: г. Переславль-Залесский Владимирской губ., быв. Горицкой монастырь». ¹ Занимавшая помещения бывшего духовного училища 3-я советская школа была выведена в мае месяце, поэтому с конца мая 1919 года в бывшем Горицком монастыре разместился музей в составе пяти отделов: художественного, художественно-бытового, отдела родинovedения, библиотеки, исторического архива. ²

Переславский музей открылся в новых помещениях 28 мая 1919 года. ³ В 1924 году штат музея пополнился должностью научного сотрудника естественно-исторического отдела. «Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея» выходили с 1927 года. В этом году появились первые четыре выпуска, затем труды музея печатались несколько раз в год до 1929 года.

В 1933 году в музее появляется отдел природы. Однако почти десять лет (до 1934 года) в штате музея оставался всего один научный сотрудник. При этом исследовательскую деятельность вёл директор музея Константин Иванович Иванов, уделяя большое внимание историко-революционному прошлому края, для чего он «выезжал в г. Владимир и производил там работу в городском архивном бюро по сбору документального материала». ⁴ В 1934 году возникает отдел

¹ Ростовский филиал ГАЯО. Ф. Р-1268. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

² Там же. Д. 12. Л. 33.

³ Там же. Д. 5. Л. 165.

⁴ Переславский музей-заповедник. Архив. Оп. 1. Д. 35 (Планы и отчёты, 1929—1935). Л. 33.

социалистического строительства. К 1935 году в музее было уже два научных сотрудника. Развернулась обычная исследовательская работа: научные экспедиции, изучение родного края, пополнение фондов. В 1939 году сотрудники подготовили ряд научных статей, часть из которых написаны по результатам экспедиций.

В отчётах 1948 года указана издательская деятельность — в местных и областных газетах опубликован ряд статей. В этом же году создан музейно-краеведческий совет.

В пятидесятых и шестидесятых годах научно-исследовательская деятельность продолжается: открываются выставки и экспозиции, печатаются статьи, проходят экспедиции, работает учёный совет музея, идёт активное сотрудничество с научными учреждениями. В семидесятых и восьмидесятых годах идёт активная работа, сотрудники печатаются в газетах, выступают на радио, занимаются собирательской деятельностью, изучают коллекции.

В 1992 году была организована всероссийская научная конференция «Когда Россия молодая мужала с гением Петра», посвящённая 300-летию юбилею отечественного флота. Опубликованы два сборника. На следующий год, в 1993 году, проводится научная конференция, посвящённая 125-летию со дня рождения Михаила Ивановича Смирнова, по её итогам опубликован сборник.

Научная деятельность музея не затихала. В 2016 году прошла научная конференция «Творчество Д. Н. Кардовского и его учеников в контексте российской культуры XX века», но публикации осуществлялись не сотрудниками нашего музея.

Всероссийская научная конференция «Смирновские чтения» состоялась в музее в 1999 году. К сожалению, её доклады не были опубликованы, хотя многие из представленных результатов научно-практической деятельности учёных актуальны до сих пор.

Конференция 1999 года проходила в рамках 80-летнего юбилея музея. Наш музей собрал коллег из многих городов Российской Федерации — из Вологды, Иванова, Калуги, Костромы, Москвы, Ростова, Сергиева Посада, Ярославля. Издать труды этой конференции не удалось, поэтому мы исправляем эту несправедливость и выпускаем их теперь.

Большая часть работ представлена по секциям «История, теория и практика музейного дела» и «Региональная история и археология». Авторы первой секции осветили такие вопросы, как роль традиционных ремёсел в современной культуре Южной Кореи, методологические аспекты сохранения культурного наследия, обращение

современного музееведения к идеям и опыту первой трети XX века, московский Симонов монастырь и его музей в 1920-е годы, наследие академика А. А. Ухтомского в воспитании поколения XXI века, формирование исторических коллекций Переславского историко-художественного музея. Авторы второй части подробно раскрыли темы о земельных переделах в Переславском уезде в начале XVII века, о льяловских сверлёных «мотыгах» с Ивановского болота, о находках средневековой керамики, о Сергее Ивановиче Смирнове и монашеском служении миру, о подходе источниковеда к музейной экспозиции, о переславском колоколе 1649 года мастера Андрея Савича, о документах личных фондов музея-заповедника «Московский Кремль», о переславском евангелии 1389—1425 годов.

Все эти темы актуальны, значимы и интересны.

Третья и четвёртая секции — «Исследования русского искусства и архитектуры», «Естественно-исторические исследования», — представлены меньшим количеством трудов, однако их материалы важны для национальной культуры и историко-культурного наследия страны. Мы рассчитываем, что эти секции будут представлены в следующих научно-практических конференциях на базе нашего музея и расширены в будущих сборниках.

Переславский музей-заповедник выражает огромную благодарность всем участникам этого сборника. Мы надеемся на дальнейшее сотрудничество, на расширение секций и списка участников наших будущих научно-практических мероприятий.

Настоящий сборник — это подъём и начало научного, творческого и практического взаимодействия, путь к новым открытиям, новым совместным проектам в области историко-культурного наследия и просвещения.

Олег Николаевич Пычин,
директор Переславского музея-заповедника,
член Совета по профессиональным
квалификациям в сфере культуры.

Предисловие 1999 года

28 мая 1999 года исполнилось 80 лет Переславль-Залесскому историко-архитектурному и художественному музею-заповеднику. Основателем его был выдающийся исследователь Переславской земли Михаил Иванович Смирнов.

В 1918 году коллегия по делам музеев Наркомпроса поручила ему организацию в Переславле музея и библиотеки. Смирнов обследует покинутые имения и отбирает вещи музейного значения, спасая их от разграбления и гибели. Благодаря их самоотверженной работе в музее оказались ценные документы, книги, гравюры, акварели, картины, фарфор, мебель, ткани. Из Румянцевского музея в Переславль поступают 45 работ из коллекции купца Ивана Петровича Свешникова. В результате напряжённой работы в бывшем Горлицком монастыре (упразднённом ещё при Екатерине II) сконцентрировался значительный музейный фонд.

28 мая 1919 года состоялось открытие музея. Его первые отделы заняли 8 залов — картинная галерея, художественно-бытовой отдел, родиноведение.

В начале двадцатых годов при музее работали библиотека, архив, метеостанция, естественно-научная лаборатория. При дальнейшем пополнении фондов в ходе собирательской и научно-экспозиционной работы структура музея неоднократно менялась. Появились отделы церковных ценностей, археологический, ленинский уголок, постоянно совершенствовались старые экспозиции. Огромное внимание уделялось научной и просветительной работе. Лекции, краеведческие кружки, конференции собирали в музее любителей истории со всех уголков Переславской земли.

30 марта 1919 года было создано Переславль-Залесское научно-просветительное общество (Пезанпроб). Его участники занимались изучением края, его истории, культуры, природы, распространяли научные знания среди жителей города и района. Материалы заседаний общества публиковались в сборниках докладов.

С 1927 года музей выпускает собственные «Труды». Многие результаты исследований тех лет актуальны и в наши дни. Их до сих пор используют в краеведческой работе и специальных научных исследованиях. В этом же 1927 году решением Главнауки Переславский музей был признан одним из лучших музеев России.

В начале тридцатых годов Михаил Иванович Смирнов разделил судьбу многих ведущих историков и краеведов: его осудили к ссылке в Западную Сибирь сроком на 3 года. Директором музея стал рабочий Константин Иванович Иванов. Достижения предшественников, как и в других музеях страны, были отвергнуты, научная работа уступила место политико-просветительной. Все экспозиции перестроили в соответствии с курсом партии, решениями I музейного съезда. Лишь в пятидесятые годы в переславские экспозиции начали возвращаться многие подлинники. Предпринимались попытки научного обоснования экспозиций, строящихся в 1958—1965 годах, которые с небольшими изменениями просуществовали до конца семидесятых годов.

Сегодня Переславский музей — один из крупнейших музеев России. Ежегодно его экспозиции посещают многочисленные туристы со всех концов России, из стран СНГ и дальнего зарубежья. У специалистов пользуются заслуженным вниманием богатые коллекции музея.

В свой 80-летний юбилей наш музей собрал в Переславле коллег из Москвы, Вологды, Иванова, Костромы, Ростова, Сергиева Посада, Ярославля и других городов. На юбилейную конференцию приехали исследователи из НИИ и вузов. В настоящей книге собраны доклады, прозвучавшие 28—29 мая 1999 года.

Наталья Васильевна Левицкая,
заместитель директора по науке
Переславского музея-заповедника
(в 1998—2010 гг.)

Секция 1

История, теория и практика
музейного дела

Роль традиционных ремёсел в современной культуре Южной Кореи

В. Г. Белозёрова

Роль традиционных ремёсел в современных культурах стран Дальневосточного региона, прошедших в XX веке через сложности модернизации традиционных культурных институтов, заметно большая и качественно иная, чем в странах Западного мира. Наше сообщение можно рассматривать как предварительную заявку на исследование значения традиционных ремёсел в культурной жизни Республики Корея. В западном востоковедении эта тема полностью не изучена. В публикациях корейских авторов информация даётся по отдельным ремёслам, теоретические выводы разрознены, многие необходимые для западного восприятия аспекты остаются не объяснёнными. Однако корейские издания предоставляют западному исследователю достоверную информацию, соответствующую научным стандартам, и превосходный иллюстративный материал.

Корейскую культуру отличает высокая способность к регенерации в условиях глобальных социальных катастроф, которые случались в истории Кореи неоднократно. В XIII веке корейцам удалось сохранить собственный этнос и восстановить национальную культуру после нашествия монголов, прервавшего расцвет корейского искусства двух предшествующих столетий. Развитие национальной культуры не смогло оборвать и японское вторжение конца XVI века, сопровождавшееся почти полным уничтожением культурных ценностей, находившихся на поверхности земли, массовым истреблением и пленением мастеров. Первая половина XX века в Корее отмечена особым драматизмом. Сорокалетие колониального террора милитаристской Японии (1906—1945 годы) сменилось оккупационным разделением страны и разрушительной Корейской войной 1950—1953 годов. Проведённая после окончания войны бурная модернизация экономики в Республике Корея и изменение на западный манер всех общественных институтов оставляли чрезвычайно мало шансов на сохранение преемственности в культурном развитии страны. Тем удивительнее, что корейский народ в очередной раз сумел максимально полно использовать то немногое, что уцелело после десятилетий тотального разрушения, и благодаря этому с честью отстоять и продолжить национальную культурную тради-

цию в условиях активного проникновения современной западной культуры.¹

Чем объяснить столь завидную устойчивость национальной культуры в Корее? Большое значение имеет этническая однородность населения Корейского полуострова (99% его числа составляют этнические корейцы) и его относительная малочисленность (44 млн человек в РК) при достаточно компактном проживании в условиях гористой местности.² Хотя этническая чистота и национальная сплочённость являются важными условиями успешной культурной регенерации после социальных катастроф, основные и глубинные причины заключены в самой структуре корейской культуры, а точнее, в организующих её временных параметрах и моделях исторического развития.

Историческое время в Корее представляется по аналогии природного годового цикла,³ поэтому даже масштабные культурные потери воспринимаются как обратимые на этапе национального возрождения. Любой минимум культурных навыков и знаний оценивается как достаточный для воссоздания утраченных областей культуры и их дальнейшего развития. Умение не заикливаться на реальности утраченного, а воспринимать происшедшее как драматическую паузу, за которой неизбежно продолжение, является свойством национального характера корейцев. Как бы ни менялась при этом жизнь, культурная преемственность мыслится по модели природной регенерации, что делает корейскую культуру наиболее традиционной среди прочих культур Дальневосточного региона.

Корейская культура ориентирована на возможность повторения творческого акта наподобие того, как зерно, прорастая, воспроизводит колос. Подобная культурная установка позволила корейцам без колебаний заново и полностью отстроить погибшие во время бомбёжек Сеула дворцовые комплексы, постоянно восстанавливать монастырские ансамбли и оборонительные сооружения XVII—XIX веков. После шестивекового забвения было возрождено производство корейских селадонов. Так как технология их изготовления с XIV

¹ Глухарёва, О. Н. Искусство Кореи с древнейших времён до конца XIX века / О. Н. Глухарёва. — М.: Искусство, 1982.

² Корея: справочник. — Сеул: Корейская служба информации для зарубежных стран, 1993. — С. 14.

³ Троцевич, А. Ф. Миф и сюжетная проза Кореи / А. Ф. Троцевич. — СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996.

века была забыта, её «открыли» заново, что позволяет современным корейским мастерам делать довольно точные и многочисленные копии памятников XI—XII веков. Возобновлён и белый фарфор периода Чосон, расцвет которого приходился на XVII—XVIII века. Корея является единственной на Дальнем Востоке страной, где при реставрации древних памятников полностью удаляются все следы времени: археологический металл начищается до блеска, доделываются утраченные части старинных скульптур и обновляется их покраска. Особенно показателен в этом плане скальный храм Соккурам, скульптурное убранство которого, датируемое VIII веком, выглядит после реставрации как только что сделанное, но без восстановления полихромного окраса.

Другое существенное свойство корейской культурной традиции связано с её реципиентным характером, сформировавшим умение быстро овладевать заимствуемым культурным опытом. Смена «культурного донора» (с древности им был Китай, с конца XX века — страны Запада) только активизировала эти адаптационные навыки. Для сравнения скажем, что в Китае по причине его этноцентризма модернизация прошла значительно сложнее. Ситуация культурного диалога с Западом, появление современных видов культурной деятельности придала традиционным формам дополнительные социальные задачи. Традиционные искусства стали пониматься как средство национальной идентификации, как способ трансляции культурных архетипов новым поколениям корейцев, получающим преимущественно единообразное научно-техническое образование.⁴

Для положительной самооценки этноса в послевоенное время потребовалось определить национальный вклад Кореи в мировую культуру. С этой целью открываются современные научно-исследовательские центры, подготавливаются фундаментальные публикации и многочисленные видеоматериалы на многих языках мира. Показательно, что именно процесс модернизации XX века помог корейцам осознать основную специфику национальной культурной традиции, которая до этого не поддавалась интеллектуальной рефлексии. Дело в том, что в структуре корейского космоса человек не имел самостоятельного онтологического статуса (как в Китае), вследствие чего не возникало противопоставления деяний

⁴ Ahn Hwi-joon. Korean Art Tradition: A historical survey / Ahn Hwi-joon, Kim Won-yong, Kim Young-na; ed. Lew Young Ick. — Seoul: Korea Foundation, 1994.

человека и рождаемого природой. Наиболее плодотворно эту особенность национальной культуры во второй половине XX века выразило направление «органической абстракции» в живописи и скульптуре.

Различные виды традиционных искусств оказались в неодинаковой мере задействованными в Республике Корея. К концу XX века обозначилась следующая иерархия этих видов. На первом месте, безусловно, стоит искусство национальной кухни, далее можно назвать музыку, пение и танец, затем — традиционные ремёсла: текстиль, керамика, мебель, резьба по нефриту, инкрустация перламутром и прочее. Если национальной кухне привержены все без исключения, национальный костюм носят преимущественно по праздникам, а национальная музыка успешно конкурирует с современной эстрадой, то продукция традиционных ремёсел по своей цене доступна не всем. Из предмета каждодневного быта ремесленное изделие превратилось в туристический сувенир или ценный, приобретённый на выставке подарок.

Как и в других странах, традиционные ремёсла широко используются в региональном и международном туристическом бизнесе. Однако в Корее традиционные ремёсла имеют дополнительное и очень важное для национального восприятия значение. Ремесленное изделие, являющееся результатом ручного труда, в контексте корейской культуры воспринимается ещё и как способ контакта с природой, что особенно ценно в условиях современного городского быта. Поэтому дизайнеры стараются включать изделия национальных ремёсел в интерьеры офисов и прочих присутственных мест. Иногда их заменяют промышленными имитациями или поточными копиями.

В старой Корее общественный статус ремесленника был в полном смысле низок (труд крестьянина ценился выше). Если кто-либо из дворян-янбанов проявлял исследовательский интерес к народным ремёслам, его подвергали осмеянию за внимание к подобным «заработкам ради прожития».⁵ Поэтому в Корее, в отличие от Китая, отсутствуют трактаты и записи, освещающие историю и технологию прикладных искусств. Ремесленная традиция передавалась устно от мастера к ученику, как правило, только среди членов ремесленной династии. Для того, чтобы сохранить традиционные ремёсла

⁵ Korean Cultural Heritage / Korea Foundation. — Seoul: Son Chu-hwan, 1994. — Vol. 1: Fine arts. — С. 109.

в условиях современной системы образования, в Республике Корея в конце 50-х годов обучение ремёслам включили в программы вновь создаваемых по западным стандартам университетов и колледжей. Данное решение оказалось плодотворным. Оно обеспечило широкий приток учеников к немногим уцелевшим старым мастерам, унаследовавшим умение и стиль работы от своих предков. Таким образом, ценный ремесленный опыт был защищён от случайностей клановой преемственности. Молодёжь, получая полноценное высшее образование, крайне престижное в современной Корее, одновременно непосредственным образом перенимала профессиональные навыки, рабочую этику и эстетические принципы от своих старых наставников. Своё уважение к этим людям, сумевшим вопреки всем социальным катаклизмам сохранить национальную традицию, корейское общество наших дней выражает присвоением почётного звания «Живое национальное достояние». В дипломе о награждении этим званием важен его порядковый номер: чем он меньше, тем раньше получил его мастер, тем он старше и, следовательно, тем важнее его вклад в продолжение традиции.

Однако общественные стереотипы менялись не сразу. Ещё в начале 70-х годов сохранялось прежнее пренебрежение к ремеслу как к чисто физическому труду. Ситуация кардинально изменилась только в 80—90-е годы, когда в традиционные ремёсла пришло новое поколение мастеров с высшим художественным образованием. Именно они при широкой государственной поддержке создали ту атмосферу глубочайшего уважения, которой в наши дни окружены старые мастера.

Сам факт включения обучения национальным ремёслам в систему высшей школы отразил изменение их общественных функций. Утилитарное предназначение традиционных ремёсел окончательно ушло в прошлое. Они стали символами национальной культурной традиции, формой реализации исторической преемственности и способом понимания собственного прошлого.

В Республике Корея были созданы эффективные организационные структуры, обеспечившие возрождение национальных ремёсел. В 1954 году открывается Центр исследования корейского искусства и культуры.⁶ Создаются Ассоциация корейских керамистов, Ассоциация корейских мастеров по металлу, Ассоциация корейских

⁶ Там же. — С. 134.

художников-ремесленников и Национальная ассоциация мастеров декоративно-прикладного искусства. С 1968 регулярно проводится Выставка корейского дизайна, крупный раздел которой посвящён художественным ремёслам. Изделия ремесленников пропагандирует Точжонская выставка и специализированная Выставка традиционных ремёсел. Государство и частные фонды щедро субсидируют систематическое проведение общенационального конкурса народных художников и ремесленников. Важно, что выставочной деятельностью, помимо Сеула, охвачены провинциальные центры и города. Организаторами выставок часто становятся крупные газеты и телерадиовещательные компании. Осуществляется обмен выставками народных промыслов с другими странами.⁷

Накануне Азиатских игр 1986 года возникла идея совмещения мастерской ремесленника и выставочного помещения в одном центре, чтобы посетители могли видеть не только готовое изделие, но и сам процесс его изготовления. Данная идея была с успехом реализована в проекте «Деревня традиционного искусства». Деревню построили сразу за чертой города Кёнджу, являвшегося с I века до н. э. по X век н. э. столицей королевства Силла. Местоположение Деревни рассчитали экономически точно. Она стоит на пути к крупнейшей туристической достопримечательности Кореи — монастырю Пульгукса, так что мимо мастерских проходит многочисленный поток отечественных и зарубежных туристов. Деревня находится в экологически чистой зоне на склоне живописнейших гор. Постройки служб туристического сервиса тактично спрятаны в зелени парка, а облик мастерских точно воспроизводит традиционные сельские строения с их соломенными крышами, оклеенными бумагой окнами и глинобитными стенами. В сочетании с каменной пагодой, крупными керамическими корчагами для засолки овощей и приготовления соевой пасты, жерновами и прочими атрибутами крестьянского быта атмосфера Деревни переносит городского туриста в мир традиционной крестьянской жизни. В самой концепции ремесленного центра как «деревни» заключено традиционное для корейской культуры предпочтение жизни в деревне, что делает этот проект особенно привлекательным для национального туризма.

Модель деревни как места непосредственного контакта человека и природы к концу XX века становится весьма популярной в Корее.

⁷ Корея: справочник. — Сеул: Корейская служба информации для зарубежных стран, 1993. — С. 244.

Даже мастера нетрадиционных видов искусства стараются перенести свои мастерские за город. Например, художественной элите полюбилась «Деревня искусств Ансон» в провинции Кёнгидо, где в настоящий момент проживают двести современных художников, скульпторов, литераторов, музыкантов и танцоров.⁸

«Деревня традиционного искусства» в Кёнджу была основана в марте 1986 года, накануне Летней Олимпиады 1988 года, с целью поддержания и развития традиционных художественных промыслов. Финансирование проекта взяло на себя правительство в доле с мастерами, имеющими мастерские на территории Деревни. При создании проекта использовали опыт «Фольклорной деревни», построенной в 1973 году в сорока километрах к югу от Сеула. Там были воссозданы первые мастерские кузнеца, плотника и гончара. Зрительский успех и высокий пропагандистский эффект, связанный с присутствием туристов при работе мастеров, вдохновил авторов проекта Деревни под Кёнджу. Главный администратор деревни Ким Чонгджин следующим образом определяет задачу проекта: «Главная цель создания деревни заключалась в том, чтобы познакомить корейских и иностранных посетителей с корейскими традиционными промыслами и показать им всю красоту национального прикладного искусства».⁹

В деревне работает восемнадцать мастерских, специализирующихся на металлических, гончарных и ювелирных ремёслах, работах по камню, вышивке, гравированию и других. Разрешение на открытие мастерской можно получить, только если вход в неё будет открыт для посетителей и мастера найдут время на пояснения экскурсантам. Честь иметь мастерскую в деревне предоставляется только признанным специалистам своего дела. Некоторые ремесленники известны на всю Корею, как то мастер декоративной мебели Хан Су-чанг и мастер колчанов Ким Донг-хак, чьи изделия признаны «ценными культурными объектами» на национальном уровне. Среди мастеров Деревни трое удостоены звания «мастер ремесла», которое является наивысшим в сфере прикладного искусства.

Мастера деревни должны сохранять верность традициям своих промыслов и не поддаваться соблазну коммерциализации, то есть

⁸ *Kim Min-a. Ansong Artist Village. A Haven for Artists / Kim Min-a // Seoul. — 1997. — July. — P. 40—45.*

⁹ *Ким Мин-а. Поддерживая жизнь традиционного искусства / Ким Мин-а // Сеул. — 1997. — Лето. — С. 4.*

модернизировать технологию, этику и эстетику работ. Образцом верности традиции является мастерица гончарного дела Чой Ча-ран. В свои семьдесят лет она продолжает пользоваться ручным гончарным кругом. В Деревне реконструированы и функционируют дровяные печи для обжига керамики (в других местах они заменены эффективными газовыми печами). В мастерской Чой Ча-ран под названием «Садунгё» имеется чайная комната, в которой гости могут получить уроки проведения корейской чайной церемонии, во время которой наиболее полно раскрываются эстетические достоинства внешне простой корейской керамики.

Авторы проекта пошли на серию тонко разработанных культурно-исторических компромиссов. Некоторые представленные в Деревне традиционные ремёсла (прежде всего ювелирные) были в старину чисто городскими. В гончарной мастерской на глазах посетителей изготавливают копии археологической керамики, о которой средневековые мастера не имели никакого представления. Многие мастера деревни увлечены различными версиями археологических памятников, формы которых воспроизводятся достаточно точно, зато свободно меняются размеры, чаще всего их увеличивают. Спрос на версии археологических памятников (особенно периода неолита) в 90-е годы возрос в связи с интересом корейцев к проблеме этногенеза и желанием доказать, что их нация одна из древнейших в регионе.

Некоторые из мастерских Деревни специализируются на реставрации произведений прикладного искусства. Вещи на реставрацию присылаются со всех концов страны, как из частных, так и из государственных собраний. При этом конечный результат реставрации понимается только как полное восстановление первоначального облика памятника. Один и тот же мастер занимается и реставрацией и копированием произведений. Например, в мастерской Кочонгса мастер во втором поколении Юн Кван-джу делает копии и реставрирует каменные памятники эпохи Силла (VII—X века). Ювелир во втором поколении Ким Джин-бэ из мастерской Самсонбанг специализируется на золотых коронах древних корейских династий. Им восстановлено десять золотых корон, включая корону из гробницы Чанмачонг в Кёнджу (V—VI века).

В комплекс Деревни входят музей и сувенирные лавки, пользующиеся, несмотря на высокие цены, особой популярностью иностранных туристов. Музейная экспозиция в информационном плане очень насыщена и рационально организована. Национальная эсте-

тическая традиция предпочтения простого сложному, практичного чисто декоративному ориентирует дизайнеров на создание лаконичных и ясных экспозиционных композиций, быстро воспринимаемых и легко запоминающихся.

Администратор Деревни Ким Чонг-джин стремится увеличить число мастерских и превратить Деревню в хорошо организованную школу традиционных ремёсел. Уже сейчас очевиден успех образовательных программ Деревни, рассчитанных как на молодых мастеров, так и на подрастающих зрителей. Особую любознательность к работе мастеров проявляют школьники младших классов, для которых ручной ремесленный труд есть нечто невиданное. Уже одним этим проект Деревни вносит неоценимый вклад в современную корейскую культуру и её будущее.

Наследие академика А. А. Ухтомского в воспитании поколения XXI века

Н. Н. Бикташева

20 сентября 2000 года исполняется десять лет со дня открытия в городе Рыбинске Мемориального дома-музея академика Алексея Алексеевича Ухтомского (1875—1942), принадлежащего к плеяде блестящих русских естествоиспытателей, составивших славу русской науки и культуры. Его учение о доминанте — междисциплинарное по своему характеру, имеет большое значение для «расшифровки» многих явлений, которые изучают медицина, психология, педагогика. Закон доминанты даёт возможность науке войти в тайны творчества. Творческая доминанта показательна тем, что, укрепившись в сознании писателя, художника, учёного, она непроизвольно привлекает материал отовсюду, из самых неожиданных сфер. В данном случае доминанта действует как магнит, улавливающий нужное и оставляющий за бортом внимания всё, не относящееся к теме. Она даёт творческому человеку «то маховое колесо, „руководящую идею“, „основную гипотезу“, которые избавляют мысль от толчков и пестроты и содействуют сцеплению фактов в единый опыт».¹

Сам Ухтомский являл собой пример исключительно цельной творческой личности, поставившей перед собой главную задачу — познать природу человека. В научном и эпистолярном наследии учёного есть много ценного и полезного, что необходимо использовать в становлении личности, в гуманизации школы, в воспитательном и учебном процессах.

Именно поэтому коллектив Дома-музея, помимо традиционных форм работы с детьми (лекции, экскурсии), пошёл по пути тесного сотрудничества с центром дополнительного образования «Молодые таланты» и «Центром туризма и краеведения». Этот контакт выразился в организации на базе Дома-музея (с 1992 года) детско-юношеских творческих групп. С этой целью была разработана учебная программа «Воспитание личности на основе научного наследия

¹ Ухтомский, А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров / А. А. Ухтомский // *Русский физиологический журнал*. — 1923. — Т. 6 (выпуски 1—3). — С. 31—45.

академика А. А. Ухтомского». Основными задачами учебной программы, разработанной для разновозрастных творческих групп, являлось стремление помочь молодому человеку разбудить интерес к знаниям, овладеть навыками научно-исследовательской работы, научиться воспринимать человека рядом с собой, то есть ставить «доминанту на лицо другого», а значит, воспитывать у себя тенденцию — уметь слушать другого, считаться со взглядами своего собеседника, уважать их, не навязывать своих, а если и критиковать, то так, чтобы не обидеть, ибо всё это есть воспитание в себе «заслуженного собеседника». С того момента, когда человек встаёт на путь воздвигания этой доминанты, его впервые можно назвать «лицом» (то есть личностью). По определению Ухтомского, «двойник» — это тип организации нетворческого человека, неспособного к «озарению другим», когда твой собеседник заперт для тебя за семью печатями. Подобный индивидуализм — путь к самоуничтожению личности и снижению творческой функции мозга.

Целесообразность объединения молодёжи в разновозрастные творческие коллективы (школьников, студентов, молодых рабочих) была обусловлена тем, что мышление различных возрастных групп обладает качественным различием, а их объединение в творческой исследовательской работе способствует развитию более оригинальных и разнообразных форм мышления. В разновозрастном коллективе лучше происходит усвоение общественно-исторического, научного, социального опыта и человеческих взаимоотношений.

Для творческих групп была разработана программа из 12 семинаров с методическими рекомендациями и списками литературы. Каждый из семинаров был рассчитан на 6—8 занятий с учётом трёх уровней подготовки.

Данные занятия, помимо сотрудников музея, проводились также доцентами Рыбинской авиационной технической академии (РГАТА) Виктором Михайловичем Садчиковым и Татьяной Владимировной Голубевой, врачами Татьяной Алексеевной Серебряковой и Сергеем Васильевичем Семёновым, нами были организованы встречи с заслуженными и интересными людьми города: с поэтом Юрием Михайловичем Кублановским, звонарём Александром Владимировичем Михайловым и другими. Они проводились в форме живой беседы, споров, иногда бурных дискуссий, пили все вместе чай.

На практике постигали законы Ухтомского, законы общения, его размышления о коллективном укладе работы, которую Ухтомский считал «поистине прогрессивным началом в науке и жизни»,

поскольку только там, где в самом деле дороже всего общее дело, весь коллектив «приветствует и вынашивает в себе появившиеся внутри его дарования».

У юного исследователя, пришедшего в Дом-музей, имеется уникальная возможность поработать с книгами из личной библиотеки учёного, с его пометками на полях. Именно дневники, письма, рукописи, пометки на полях книги позволяют отнести А. А. Ухтомского, помимо учёного-филолога, ещё и к выдающимся социальным мыслителям XX века. Его наследие помогает «ставить на ноги мысль».

Принцип доминанты, открытый академиком А. А. Ухтомским, определяет текущую направленность человека во внешней среде. «Чтобы не стать жертвой доминанты, надо быть её командиром», — говорил учёный. Этот принцип о возможности управлять своими доминантами и лёг в основу авторской программы средней школы № 19, находящейся рядом с Домом-музеем.

Сотрудники Дома-музея принимали участие в разработке этой программы. Данная школа ставит перед собой цель воспитать в учащемся осознанное и целенаправленное улучшение личности самого себя. Главная задача школы — подготовить выпускника, который представляет собой личность, способную к оптимальной адаптации и выживанию в условиях нового демократического общества, к творческой деятельности на нравственной основе. Цель — организация внешней части педагогического процесса. Это создание следующих типов условий:

- осознание личностью целей, задач, возможностей своего развития,
- участие личности в самостоятельной творческой работе, адекватного фона и стиля внешних воздействий и уклада школьной жизни.

Данная программа разработана с учётом привлечения к работе с детьми музейных работников, педагогов, преподавателей РГАТА. Мемориальный дом-музей А. А. Ухтомского рассматривается как микросреда формирования творческой личности учащегося, в Доме-музее с 1994 года был создан «класс Ухтомского» для учащихся одного из начальных классов школы № 19. Для них была разработана особая программа (рассчитанная на 3 года), предусматривающая расширение кругозора ребёнка и формирование нравственного сознания на основе святоотеческих традиций воспитания детей. Сам А. А. Ухтомский был человеком глубоко верующим, по семейному

воспитанию — старообрядцем. Его тётка, княжна Анна Николаевна Ухтомская, воспитывала Алёшу в духе святоотеческой веры, по её принципам Веры, Любви и Земли.

Использовались следующие формы работы с детьми:

- чтение вслух тех книг, которые когда-то читали маленькому Алёше Ухтомскому;
- изучение детских рисунков и дневников будущего учёного, дореволюционных учебников и так далее.

С детьми 2—3 классов проводятся тематические занятия: «История Выгонной улицы», «В гостях у княжны Анны Николаевны Ухтомской», «Детство Алёши Ухтомского», «Ухтомский и земляки». Дети выполняют практические задания, делают рисунки по пройденному материалу, составляют родословную своей семьи (своё древо).

Формы работы со старшеклассниками: проведение тематических уроков-экскурсий по литературе, биологии, истории. Популярны следующие темы: «Ухтомский и Павлов», «Ухтомский и медицина», «Ухтомский и писатели XIX века» (Достоевский, Толстой, Салтыков-Щедрин), «Род князей Ухтомских» (всего около 30 разработок). Старшеклассники школы пишут рефераты по истории и культуре края, по наследию Ухтомского, а затем выступают с ними на школьных, городских и областных конференциях.

В городе стала традиционной детско-юношеская конференция памяти академика Ухтомского, организатором которой выступает центр дополнительного воспитания «Молодые таланты». Дом-музей всегда принимает участие в её организации, в подготовке школьных докладов (консультации и подбор литературы, работа учащихся в самом Доме-музее). Сотрудники Дома-музея работают в жюри краеведческой секции и секции по психологии этой конференции.

Актуальность этических взглядов А. А. Ухтомского для теории и практики нравственного воспитания несомненна. Воспитание представлялось Ухтомскому процессом, включающим в себя целую систему воздействия на личность с целью выработки физических и духовных качеств. Очень важно было приобщить городских учителей к пониманию великого наследия Ухтомского. С этой целью в Доме-музее прошёл ряд учительских семинаров, на которых мы раскрывали педагогическое наследие учёного и его концепцию по воспитанию творческой личности. Музей способствует приобщению учителей к изучению учения Ухтомского о доминанте, особенно

психологов, преподавателей биологии, основ медицинских знаний и многих других.

Для учителя, преподающего психологию в школе, было полезно узнать, что выдающиеся психологи Лев Семёнович Выготский и его ученики Леонтьев, Лурия, Рубинштейн и Ананьев были горячими сторонниками учения о доминанте. Выготский в 1926 году определял ценность принципа доминанты для психологов в том, что дал ответы на основной вопрос психологии — «что придаёт поведению единство и целостность, что превращает сумму реакций в поведение, имеющее, как новое химическое тело, целый ряд новых свойств, не данных в его составных частях, и утерявшее целый ряд свойств, которыми обладали его составные части».² Многие педагоги в школах прибегают к трудам Выготского, который в свою очередь сумел разглядеть ценность принципа доминанты Ухтомского.

Ухтомский в своём наследии обращает внимание педагогов на то, что очень важно передавать знания по этике и естествознанию. Насчёт последнего он говорил: «Оно обязательно для нравственного развития человека, ибо надо знать, где, среди чего, благодаря чему и по милости чего живёшь и испытываешь благо жизни».

Воспитать творческую личность возможно лишь на примере реальной морали, а личность великого учёного-гуманиста, человека высокой гражданственности и нравственности является именно такой, что служит уникальным средством для духовного воспитания и становления нравственного человека, входящего в XXI век.

² *Выготский, Л. С. Проблема доминантных реакций / Л. С. Выготский // Проблемы современной психологии / Под ред. проф. К. Н. Корнилова. — Л.: Государственное издательство, 1926. — С. 104.*

Московский Симонов монастырь и его музей в 1920-е годы

Д. Г. Давиденко

Симонов монастырь был одним из наиболее значительных духовных центров Москвы и России. В его стенах жили и воспитывались видные подвижники Русской православной церкви — архиереи, настоятели монастырей, духовные писатели. Монастырь имел богатую ризницу, интересную строительную историю. К началу XX века он представлял собой выразительный архитектурный ансамбль.

Октябрьская революция коренным образом повлияла на судьбу монастыря и его построек. В 1918 году был принят декрет об отделении церкви от государства. С этого времени началась национализация монастырского имущества, в том числе и зданий.

О том, как использовались постройки и владения Симонова монастыря в 1917—начале 1920-х годов, источники говорят отрывочно. В ноябре 1917 года монастырь ещё сдавал свои земли в аренду, о чём свидетельствуют документы, сохранившиеся в ЦИАМ.¹ Спустя месяц власть стала проявлять интерес к хранящимся в монастыре вещам. Так, в том же фонде сохранились документы, содержащие требование, предъявленное к властям монастыря комиссаром 3-го Рогожского участка, допустить его в келью монастырского послушника для проведения обыска. Ему было дано право снять печать с кельи, наложить арест на продукты и вещи.²

30 декабря 1918 года община верующих Симонова монастыря и Московский Совет рабочих и красноармейских депутатов заключили договор, согласно которому последние «приняли от Московского совдепа в бессрочное бесплатное пользование» здания Симонова монастыря. Община взяла их в аренду на следующих условиях: беречь народное достояние и пользоваться им «исключительно соответственно его назначению, принимая на себя всю ответственность за целость и сохранность... имущества», не допускать «политических собраний враждебного Советской власти направления», распространения печатной продукции, направленной «против Советской

¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 420. Д. 1107.

² ЦИАМ. Ф. 420. Д. 1106. Документы не содержат сведений о результатах обыска.

власти или её представителей», «произнесения проповедей или речей, враждебных Советской власти», «совершения набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти», а в связи с последним «подчиняться всем распоряжениям местного совдепа относительно распорядка пользования колокольнями». Члены общины также обязаны были иметь у себя «опись всего богослужебного имущества, в которую должны были вносить все вновь поступающие (...) предметы религиозного культа, не представляющие частной собственности отдельных граждан», «беспрепятственно допускать во вне богослужебное время уполномоченных совдепом лиц к периодической проверке и осмотру имущества». Ремонт, отопление и страхование вверенных зданий и предметов община должна была производить за свой счёт.³

Архивные документы также содержат сведения об изъятиях монастырского имущества и перемещениях его в другие хранилища. Так, опись ценного имущества, переданного на хранение в Оружейную палату 19 марта 1918 года из ризницы Симонова монастыря, насчитывает 25 наименований, главным образом предметов декоративно-прикладного искусства из драгоценных металлов. Против некоторых из них указаны проба и вес.⁴ В апреле 1922 года из монастыря было вывезено большое количество церковной утвари (оклады, сосуды, облачения), выполненной из драгоценных металлов и украшенной жемчугами и бриллиантами. Общий вес вывезенного составлял 26 пудов, 13 фунтов, 40 золотников, 48 долей.⁵ Среди документов ЦМAM имеется несколько списков изъятых из Симонова монастыря вещей. В одном из них отмечены предметы, изъятые Помголом, а в другом — Главнаукой. Изъятые вещи представляли собой главным образом церковную утварь. Общее их число достигало почти 350 единиц.⁶ Кроме того, в апреле 1924 года из монастыря было

³ Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМAM). Ф. 1215. Оп. 3. Д. 90. Л. 10—13 об. Имеется полный текст договора.

⁴ Там же. Л. 17—18 об. Иногда в одном названии указано несколько предметов.

По другим сведениям, в марте 1918 года туда было взято 32 предмета.

Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 966. Оп. 3. Д. 71. Л. 28—28 об.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 54. Д. 829. Л. 47.

⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 289. Л. 3, 44—49.

⁶ ЦМAM. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 90. Л. 15—16 об. Возможно, документ из ЦГАМО (дело 289) фиксирует изъятие тех же вещей (или некоторых из них, конкретно они в документе не расписаны), которые отмечены в одном из этих списков.

изъято архиерейское облачение.⁷ Описание изымавшихся вещей велось непрофессионально: крайне редко указывается размер вещи; сюжет, иконография, техника изготовления и состояние фиксировались очень обобщённо, зачастую без указания индивидуальных особенностей. В связи с этим трудно проследить судьбу вещи после её изъятия из монастыря. Но в 1917—начале 1920-х годов изъяли ещё не всё: часть предметов находилась в пользовании общиной.⁸

Монахов, вероятно, первоначально не выселяли, но уплотнили. Некоторые из них, по-видимому, подверглись выселению. К 1923 году в зданиях Симонова монастыря проживало около 15 монахов.⁹

Некоторые сведения о церковной жизни монастыря мы узнаём из собранных М. Е. Губониным документов и комментариев к ним, опубликованных в 1994 году. М. Е. Губонин сообщает, что в 1923 году настоятелем Симонова монастыря был архимандрит Пётр (Руднев), сторонник «максимальной уставности монастырских богослужений». По сведениям Губонина (что для нас особенно интересно), архимандрит Пётр «затеял на ту пору создание грандиозного исторического исследования о Симоновом монастыре». Он собрал «необъятный и интереснейший фактический материал, добывавшийся им с поразительным рвением и умением из разного рода государственных, архивных и церковных хранилищ... (Этот действительно обширный труд окончен так и не был, погибнув в самом зачаточном и сыром виде в Самаре, после ареста архиепископа Петра (Руднева) в 1934 году, который затем уже не появлялся на церковной поверхности)». Согласно М. Е. Губонину, стремлением к строгости монастырской жизни архимандрит Пётр породил себе оппозицию в лице некоторых представителей монашеской братии, «идейно» возглавлявшихся игуменом Антонином, ризничим. Последние пытались «саботировать все требования настоятеля» и затевали против него различные интриги. Внутри братии произошёл конфликт, который рассматривался в высших церковных инстанциях. По мнению М. Е. Губонина, он «не имеет общецерковного исторического значения», но любопытен «в церковно-бытовом отношении».¹⁰

⁷ ЦМММ. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 90. Л. 24—26.

⁸ ЦМММ. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 90. Л. 19—22 об. Опись имущества общины.

⁹ Там же. Л. 6 об.—7 об. Документ, по видимому, относится к 1922—1923 годам.

¹⁰ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943 гг. / Составитель М. Е. Губонин. — М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. — С. 288, 292—294, 296, 297, 738—742.

В 1920-е годы здания монастыря находились в ведении Главнауки и в стенах некоторых из них был развёрнут музей древнерусского военного, гражданского и церковного зодчества. Это был интересный эпизод в истории архитектурного ансамбля монастыря. Кроме того, это была, пожалуй, важнейшая мера в деле популяризации архитектурного наследия древней московской обители из всех когда-либо предпринимавшихся. Устройство музеев в памятниках древнерусского зодчества было одним из наиболее распространённых видов их охраны в советское время. Эта тенденция возникла в 1920-е годы. Музей неоднократно упоминался в различных газетных и журнальных заметках, опубликованных в 1920-е годы, а также в некоторых путеводителях по Москве, изданных тогда. В них сообщается главным образом об истории Симонова монастыря, особый акцент делается на описании архитектурных памятников. Про музей говорится крайне мало: упоминается сам факт его существования и в самых общих чертах характеризуется экспозиция.¹¹

Из работ, напечатанных в это время, следует отметить статью Н. Н. Померанцева «Музеи-монастыри Московской губернии».¹² Искусствовед-реставратор пропагандирует идею создания музеев-монастырей, даёт краткую характеристику некоторым из них. Музей Симонова монастыря заслужил похвалу от автора публикации.

Резкой критике подвергся музей в публицистике конца 1920-х годов.¹³ Музейщиков упрекали в консерватизме, нежелании вести атеистическую работу, прямо говорилось о непопулярности музея.

¹¹ *Арендт, В.* Музей древней русской архитектуры / В. Арендт // *Строительство Москвы*. — 1927. — № 6.

В. А. Симоново / В. А. // *Огонёк*. — 1927. — № 32. — С. 14—15.

Музеи и достопримечательности Москвы: Путеводитель. — М.: Издательство Московского коммунального хозяйства, 1926.

Троицкий, В. И. Симонов монастырь / В. И. Троицкий, С. А. Торопов. — М.: Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки НКП, 1927.

Епифанский, А. Через пять веков / А. Епифанский // *Красная газета. Вечерний выпуск*. — 1927. — 30 июля (№ 203). — С. 6.

¹² *Померанцев, Н. Н.* Музеи-монастыри Московской губернии / Н. Н. Померанцев // *Московский краевед*. — 1928. — № 7—8.

¹³ *Кандидов, Б. П.* Монастыри-музеи и антирелигиозная пропаганда / Б. П. Кандидов; Союз безбожников СССР Главполитпросвет. — М.: Безбожник, 1929.

Нижний, А. Музейные люди / А. Нижний // *Вечерняя Москва*. — 1929. — 26 ноября. — С. 2.

Поповское гнездо в «музее» Симонова монастыря // *Безбожник (газета)*. — 1928. — № 13. — С. 6.

Эти статьи и заметки ярко характеризуют положение музея на общем культурном фоне эпохи. С 1930-х годов о музее в Симоновом монастыре практически не писали.

Лишь с конца 1980-х годов, в связи с развитием краеведческого движения, появились работы, в которых в той или иной степени освещались история и культура старой Москвы, а также история разрушения некоторых памятников. В таких публикациях даются отрывочные сведения по истории Симонова монастыря-музея. Среди них надо назвать работы В. Ф. Козлова.¹⁴ Излагая историю разрушения зданий московских монастырей в 1920—1930-е годы, автор приводит некоторые сведения об их использовании накануне сноса. Его публикации содержат интересные факты по истории интересующего нас музея, взятые главным образом из материалов ЦМAM и ЦГАМО. Из статей В. Ф. Козлова мы узнаём о борьбе общественных организаций с музеем, о предпринимавшихся попытках Наркомпроса сохранить его, о тяжбах вокруг монастырских зданий, которые велись между музеем и рабочими, поселившимися в них. Интересная информация о судьбе монастырских памятников и о проблемах их сохранения в 1920-е годы содержится в исследовании Д. М. Абрамова.¹⁵

Основным источником по истории музея-монастыря являются архивные материалы. Это — отчёты музея,¹⁶ переписка по различным административно-хозяйственным вопросам,¹⁷ описи фондов музея.

В отчётах указывалось, что музей существует с 1920 года, но первые известные нам упоминания о Симоновом монастыре-музее от-

¹⁴ Козлов, В. Ф. Истоков / В. Ф. Козлов // *Архитектура и строительство Москвы*. — 1990. — № 7. — С. 15.

Козлов, В. Ф. Трагедия монастырей: год 1929-й / В. Ф. Козлов // *Московский журнал*. — 1991. — № 1. — С. 33—34, 36—39.

Козлов, В. Ф. Вакханалия. 1929—1930 годы / В. Ф. Козлов // *Московский журнал*. — 1991. — № 5. — С. 48—50.

Козлов, В. Ф. Музеи-монастыри в Советской России (1917—нач. 1930-х гг.) / В. Ф. Козлов // *Мир источниковедения: сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта*. — Москва, Пенза: Историко-архивный институт, 1994. — С. 341—343.

¹⁵ Абрамов, Д. М. Проблемы сохранения средневековых памятников русского оборонного зодчества с 1917 г. до середины 30-х гг. Диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии / Д. М. Абрамов. — М., 1997.

¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 829. Л. 47—62.

¹⁷ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1054, 1060. Ф. 4341. Оп. 1. Д. 255, 538.

носятся к 1923 году.¹⁸ Другие источники, подтверждающие его существование в самом начале 1920-х годов, нам неизвестны. В мае 1925 года в архиве монастыря-музея работали исследователи. В том же году музей принимал посетителей.¹⁹ Выставка-экспозиция появилась несколько позднее, около 1926 года.²⁰ Музей был организован Главнаукой и до конца 1927 года находился в её ведении, в конце 1927 года перешёл в ведение Московского отдела народного образования (МОНО).²¹

Музей имел большую коллекцию карт, планов, архитектурной графики. Этот изобразительный материал касался прежде всего истории Симонова монастыря: почти вся архитектурная графика касалась его построек. Всего коллекция насчитывала около 100 единиц хранения. Кроме того, имелось собрание памятников русского искусства и материальной культуры, куда входили окладные Евангелия, иконы XVI—XIX веков, ткани XVII—первой половины XIX века, резьба по дереву XVIII века. Это собрание насчитывало около 400 предметов.

Кроме того, были библиотека и архив. Библиотека насчитывала более 1 000 книг различных наименований (некоторые издания имели несколько десятков различных томов), архив — 761 единицу хранения.²² Книги, составлявшие библиотеку, были, как правило, религиозного и богослужебного содержания, изданные в прошлых столетиях. Были и европейские издания XIX века. Архив музея составляли (судя по описи) главным образом приходно-расходные книги Симонова монастыря и другие материалы, также хозяйственного характера.

Предметы, книги, архивные и изобразительные материалы, составлявшие фонд музея, происходили, по-видимому, в основном из Симонова монастыря и достались ему «в наследство».

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 829. Л. 47.

¹⁹ ЦИАМ. Ф. 420. Д. 1840. Л. 1.

²⁰ Музеи и достопримечательности Москвы: Путеводитель. — М.: Издательство Московского коммунального хозяйства, 1926. — С. 464.

²¹ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1054. Л. 176.

Ф. 66. Оп. 18. Д. 1286. Л. 1.

Ф. 4341. Оп. 1. Д. 255. Л. 4 об.

²² Цифры даны приблизительно, с течением лет они менялись, однако весьма незначительно. О фондах сказано в отчётах. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 829. Л. 51, 58—60.) См. также ЦГАМО. (Ф. 966. Оп. 3. Д. 71.) Опись библиотеки, архива, коллекции чертежей, карт, планов есть в ЦИАМ. (Ф. 420. Д. 1840, 1841, 1843, 1844.)

Музейные работники просили другие ведомства предоставить им различные предметы и книги, связанные с древнерусской историей, архитектурой и особенно военным делом,²³ которому планировалось посвятить специальную экспозицию. В ряде случаев их просьбы удовлетворялись и в музей поступали вещи из других собраний. Согласно описи, в 1925 году музей получил около 50 предметов из других хранилищ.²⁴ Некоторое пополнение музей получил в 1927 году: из Оружейной палаты поступило 2 пороховницы, железный шлем, 6 каменных ядер.²⁵

Иногда сами работники музея пытались избавиться от некоторых своих предметов. Так, в ноябре 1928 года, следуя господствовавшим идеологическим установкам, директор музея просил изъять из фондов портреты царствовавших особ и Иоанна Кронштадтского.²⁶

В музее велась научная работа. С деятельностью музея были связаны известные историки, искусствоведы, краеведы: В. И. Троицкий (заведующий музеем с 1923 по 1928 год), П. Д. Барановский, С. А. Торопов,²⁷ В. В. Арндт.²⁸

Экспозиция размещалась в ныне сохранившемся здании трапезной палаты конца XVII века. В ней были представлены планы и старинные изображения Симонова монастыря, образцы строительных материалов XV—XVII века, предметы вооружения, документы, освещающие социально-экономическую историю обители.²⁹ Экспозиция

²³ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1054. Л. 21, 27 и др.

Ф. 4341. Оп. 1. Д. 255. Л. 7, 9 и др.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 420. Д. 1841. Л. 1 об.—3.

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 829. Л. 60.

²⁶ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1054. Л. 36.

²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 621. Л. 13—14.

О научной работе музея и охране монастырских памятников см.:

Абрамов, Д. М. Проблемы сохранения средневековых памятников русского оборонного зодчества с 1917 г. до середины 30-х гг. Диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии / Д. М. Абрамов. — М., 1997. — С. 125, 126, 128, 142, 143, 159.

Давиденко, Д. Г. Погубленный музей / Д. Г. Давиденко // *Московский журнал*. — 1997. — № 11. — С. 40.

²⁸ ЦГАМО. Ф. 4341. Оп. 1. Д. 255. Л. 154.

О нём см.: Кирпичников, А. Н. В. В. Арндт — историк оружия и военного дела / А. Н. Кирпичников // *Вопросы истории*. — 1999. — № 1.

²⁹ Троицкий, В. И. Симонов монастырь / В. И. Троицкий, С. А. Торопов. — М.: Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки НКП, 1927. — С. 36—37.

Арндт, В. Музей древней русской архитектуры / В. Арндт // *Строительство Москвы*. — 1927. — № 6.

в целом имела историко-архитектурный характер. Для обозрения одно время была открыта башня «Дуло». Иногда посетителей музея допускали на колокольню.³⁰

В конце 1927 года было решено создать отдел, посвящённый ратному быту, и разработана программа этой выставки. Идею поддерживало военное ведомство. Экспозицию организовали и выделили под неё подходящее помещение.³¹ Она, вероятно, пользовалась популярностью у посетителей.³²

В зданиях Симонова монастыря, помимо музея, размещались иные учреждения. Некоторые неиспользуемые помещения музей сдавал в аренду. На этой почве часто возникали сложности. Различные клубы и заводы пытались захватить у Главнауки здания монастыря, первоклассные памятники древнерусского зодчества, с целью их утилитарного использования, и Главнаука в большинстве случаев вынуждена была соглашаться. Утилитарное использование памятников зодчества отрицательно сказывалось на их состоянии. Так, работа мотора в нижнем этаже трапезной конца XVII века явилась причиной разрушения и обвала верхней части крыльца здания.³³

Заведующий музея и научный сотрудник проводили экскурсии, читали лекции. Музей был открыт три дня в неделю: по вторникам, пятницам и воскресеньям с 13:00 до 17:00, летом до 19:00.³⁴

Отношения музейных работников с церковью были вполне благополучными до 1928 года. Пока мы не обнаружили ни одного свидетельства о конфликте между музейными работниками и верующими за этот период. Напротив, община спокойно пользовалась Тихвинским храмом (который составляет одно здание с трапезной XVII века, где размещалась экспозиция) и даже обеспечивала платную охрану монастыря-музея. Летом община пользовалась также Успенским собором.³⁵ Верующие принимали участие в ремонтных

³⁰ ЦИАМ. Ф. 420. Д. 1840. Л. 3.

ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 829. Л. 60.

³¹ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1054. Л. 40.

Оп. 10. Д. 102. Л. 6 об.

³² Голицын, С. М. Как в Москве разрушали памятники старины? (Из воспоминаний) / С. М. Голицын // *Московский вестник*. — 1989. — № 1. — С. 336.

³³ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1054. Л. 66, 152—153, 160 и др.

³⁴ Музеи и достопримечательности Москвы: Путеводитель. — М.: Издательство Московского коммунального хозяйства, 1926. — С. 464.

³⁵ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1054. Л. 128 об.

работах, производившихся в монастыре (покраска крыши собора и других зданий).³⁶

Атеистическую общественность такое положение вещей приводило в возмущение. Она агитировала за то, чтобы развернуть в музеях-монастырях и музеях-церквях экспозиции, пропагандирующие антицерковную идеологию. Работники Симонова монастыря-музея поначалу не стремились ни притеснять церковь, ни посвящать экспозицию антирелигиозной пропаганде, за что подвергались резкой критике со стороны атеистической общественности.³⁷

С 1928 года отношения музея и церкви перестали быть столь благополучными, что, видимо, было обусловлено активизацией атеистической пропаганды в СССР и, в связи с этим, борьбой музеями, которые её не вели. Вероятно, осложнило ситуацию переподчинение музея и смена заведующего. Определённую трудность внесло и последовавшее летом 1928 года решение о ликвидации церкви Рождества Богородицы в Старом Симонове, многочисленная община которой просила МОНО предоставить для богослужения один из храмов Симонова монастыря. В конце 1928 года МОНО в лице директора монастыря-музея и община заключили договор на аренду последней церкви Александра Свирского.³⁸ С этого времени на территории Симонова монастыря располагались две церковные общины — община Симонова монастыря и община закрытой церкви Рождества Богородицы.

О борьбе музейщиков с церковью мы узнаём из письма МОНО в Московскую рабоче-крестьянскую инспекцию (МРКИ). Там говорится, что в 1928 году в монастыре была уничтожена часовня, выведена община из Тихвинской церкви и собора, выселено 11 монахов, упразднено кладбище и срыты (уничтожены) могилы.³⁹

³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 829. Л. 56—57 и др.

ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1054. Л. 128.

Поповское гнездо в «музее» Симонова монастыря // *Безбожник (газета)*. — 1928. — № 13. — С. 6.

³⁷ Давиденко, Д. Г. Погубленный музей / Д. Г. Давиденко // *Московский журнал*. — 1997. — № 11. — С. 42.

³⁸ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1054. Л. 20, 28, 45, 46, 92—93 и др.

³⁹ ЦГАМО. Там же. Ф. 4341. Оп. 1. Д. 255. Л. 4 об.

Мехов, А. Вскрытие могилы схимника Алексея / А. Мехов // *Безбожник*. — 1928. — № 23. — С. 12.

В журнале «Безбожник» указано, что после революции в Симоновом монастыре была разрушена часовня Алексея, а 16 октября 1928 года вскрыты мощи старца. Никаких указаний на роль музея в этих акциях в журнальной заметке нет.

Несколько позднее, в 1929 году, Главнаука «явилась одним из инициаторов закрытия последних церквей в трёх монастырях-музеях», в том числе и в Симоновом.⁴⁰ 9 марта административный отдел Мосгубисполкома (АО МГИК) писал в президиум Мосгубисполкома письмо, в котором ссылался на предложение Главнауки закрыть действующие храмы на территории Симонова монастыря и соглашался с ним. 19 апреля президиум Моссовета постановил «все церкви, в коих ещё происходит богослужение на территориях монастырей Донского, Новодевичьего и Симонова, закрыть, а предметы культа, не имеющие музейного значения, передать группе верующих близлежащих церквей». Спустя примерно месяц постановление было объявлено группе верующих.⁴¹ После этого 17 мая 1929 года от имени общины бывшего Симонова монастыря было отправлено заявление в АО МГИК. Верующие, «не желая обжаловать это распоряжение», просили взамен закрытой церкви передать им церковь Никиты мученика на Швивой горке. Из документа видно, что община Симонова монастыря в это время молилась в Никольской церкви, располагавшейся над воротами. Община храма Рождества Богородицы была более настойчива и «на постановление Моссовета о ликвидации храма Александра Свирского в бывшем Симоновом монастыре» направила жалобу во ВЦИК.⁴² Там не удовлетворили просьбы верующих.⁴³

Таким образом, с лета 1929 года богослужение в стенах Симонова монастыря было прекращено. Большая часть монастырского имущества была изъята в 1918—начале 1920-х годов, поэтому имущество общин к тому времени составляло незначительную часть имущества Симонова монастыря.⁴⁴ Во второй половине 1929 года оно распределялось по разным хранениям. Часть поступила в госфонд. Некоторые предметы были сданы Центральному антирелигиозному музею. Здание церкви Александра Свирского передали музею.⁴⁵ Тогда же, в конце 1920-х годов, музей перестал сохранять и исторические реликвии: по инициативе музея гробница Пересвета

⁴⁰ Козлов, В. Ф. Трагедия монастырей: год 1929-й / В. Ф. Козлов // *Московский журнал*. — 1991. — № 1. — С. 36.

⁴¹ ЦМММ. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 109. Л. 38—39 об., 33, 35.

⁴² Там же. Д. 90. Л. 67, 70—71.

⁴³ Там же. Д. 109. Л. 30, 32.

⁴⁴ Там же. Д. 90. Л. 69—69 об.

⁴⁵ Там же. Д. 90. Л. 72—78, 80—83, 85, 86.

и Осляби из церкви Рождества в Старом Симонове была продана как металлический лом.⁴⁶

В одном документе, написанном в конце 1928 или в начале 1929 года, указывается на решение комиссии МОНО о создании в музее антирелигиозного отдела.⁴⁷ Этот антирелигиозный отдел, по мнению его устроителей, должен был характеризовать причины и обстановку роста монастыря. Возможно, указание о создании антирелигиозного отдела явилось не более чем обещанием, данным для МРКИ в надежде, что последняя, получив его, откажется от своего решения ликвидировать музей.

Выселение монахов было не на пользу музею, так как он лишился квартплаты, взимаемой с них. В одном документе писалось: «Получали большую квартплату с монахов, которые теперь выселены, тем самым сократился приход на 1604 рублей».⁴⁸

Здания Симонова монастыря пытались получить представители других религиозных конфессий. Ещё в 1926 году союз баптистов пытался арендовать Свирскую и Никольскую церкви, а также часть келарского корпуса для создаваемого ими Библийского института, но Главнаука выступила против. Против выступил также Союз рабочих-металлистов, мотивируя свою позицию желанием открыть в стенах монастыря школу.⁴⁹

После 1928 года осложнились отношения музея с государственной властью. С конца 1928 года МРКИ выступала с требованием ликвидировать музей. Эти попытки не сразу увенчались успехом, в 1929 году он продолжал существовать. Ликвидацию музея, вероятно, временно приостанавливала поддержка со стороны Политуправления Красной Армии.⁵⁰ Осенью 1929 года, как видно из документов, заведовать музеем стал П. Д. Барановский.⁵¹ Но до ликвидации музея оставалось совсем немного времени, к концу 1929 года он был уже

⁴⁶ Козлов, В. Ф. Дело об ограблении церкви. 1920—1930-е годы / В. Ф. Козлов // *Московский журнал*. — 1991. — № 7. — С. 21.

⁴⁷ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 10. Д. 102. Л. 7.

⁴⁸ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 10. Д. 102. Л. 4. Документ относится к концу 1928 года.

⁴⁹ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1060. Л. 10, 13, 23.

⁵⁰ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1054. Л. 3 об., 34. Ф. 4341. Оп. 1. Д. 255. Л. 41, 76 и др.

См. также: Козлов, В. Ф. Трагедия монастырей: год 1929-й / В. Ф. Козлов // *Московский журнал*. — 1991. — № 1. — С. 41.

⁵¹ ЦГАМО. Ф. 4341. Оп. 1. Д. 255. Л. 195, 208.

закрыт. Союз рабочих-металлистов требовал передачи в его ведение большей части территории монастыря, которая нужна была для строительства пролетарского клуба. Президиум Моссовета пошёл навстречу рабочим. Решением от 28 августа 1929 года он постановил оставить за МОНО стены, башни и монастырское здание «Сушило» для развёртывания военно-исторического музея. Остальные здания должны были перейти в ведение рабочих организаций для строительства клуба «Пролетарская кузница». ⁵² Так возникли серьёзные предпосылки для ликвидации памятников монастыря и разместившегося в них музея. Против этого выступали П. Д. Барановский и И. Г. Клабуновский. Однако их выступления не получили поддержки, а напротив, подверглись резкой критике в газете «Вечерняя Москва». ⁵³

21 января 1930 года приступили ко взрыву Успенского собора и, возможно, других построек монастыря. ⁵⁴ Понимая безнадёжность ситуации, 8 февраля 1930 года музейный подотдел МОНО решает упразднить музей.

Через месяц президиум Моссовета передал все здания Симонова монастыря Пролетарскому райсовету для культурно-бытовых целей. По тому же решению экспонаты музея следовало передать в музей Донского монастыря. В тот же день музейный подотдел МОНО создал комиссию по ликвидации музея.

Почти все фонды, в соответствии с решением Моссовета, были переданы в Антирелигиозный музей искусства (Донской монастырь). Пять картин Аполлинария Васнецова были переданы в Московский

⁵² Там же. Л. 161, 168, 180 и др.

⁵³ *Нижний, А. Музейные люди / А. Нижний // Вечерняя Москва. — 1929. — 26 ноября. — С. 2.*

⁵⁴ Дальнейшая судьба монастырских построек требует специального исследования. Некоторые сведения по этому вопросу содержатся в работах В. Ф. Козлова и Д. М. Абрамова.

Козлов, В. Ф. Вакханалия. 1929—1930 годы / В. Ф. Козлов // Московский журнал. — 1991. — № 5. — С. 48, 50.

Козлов, В. Ф. Трагедия монастырей: год 1929-й / В. Ф. Козлов // Московский журнал. — 1991. — № 1. — С. 41.

Козлов, В. Ф. Чёрные годы московских обитателей / В. Ф. Козлов // Московский журнал. — 1991. — № 11. — С. 8—9.

Абрамов, Д. М. Проблемы сохранения средневековых памятников русского оборонного зодчества с 1917 г. до середины 30-х гг. Диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии / Д. М. Абрамов. — М., 1997. — С. 176, 210, 211, 226—230.

областной краеведческий музей.⁵⁵ Часть предметов была вывезена П. Д. Барановским в музей «Коломенское»: древний иконостас церкви Происхождения Честных Древ, часть надгробий монастырского некрополя, изразцы.⁵⁶ Ткани, не имеющие музейного значения, были отправлены в Центральные государственные реставрационные мастерские как реставрационный материал.⁵⁷ Некоторые документы монастырского архива, доставшиеся музею, сохранились в фонде Симонова монастыря в ЦИАМ (фонд 420).⁵⁸

⁵⁵ ЦГАМО. Ф. 4341. Оп. 1. Д. 538. Л. 2, 8, 9, 15. Д. 249. Л. 21—22.

⁵⁶ Козлов, В. Ф. Чёрные годы московских обитателей / В. Ф. Козлов // *Московский журнал*. — 1991. — № 11. — С. 8.

Баранова, С. И. История создания коллекции керамики Государственного музея-заповедника «Коломенское» / С. И. Баранова // Коломенское. Материалы и исследования / Редакторы Л. А. Беляев, В. Е. Суздалев. — М.: Музей-заповедник «Коломенское», 1993. — Вып. 5, часть 1. — С. 106, 116, прим. 19.

⁵⁷ ЦГАМО. Ф. 4341. Оп. 1. Д. 538. Л. 1.

⁵⁸ В 2005 году Центральный муниципальный архив Москвы переименован в Центральный архив города Москвы. В 2013 году создан Центральный государственный архив города Москвы, в него вошли Центральный исторический архив Москвы и Центральный архив города Москвы (номера его фондов получили литеру Р). — (Позднее примечание.)

Обращение современного музееведения к идеям и опыту первой трети XX века

М. Е. Каулен

Позволю себе начать с цитаты.

Казалось, уже навсегда исчезла наша прежняя жизнь со всей её неправдой... Но вместе со старым злом были поколеблены и самые устои государства, права и порядка, и стала распадаться русская земля... Но Россия, наша родина, должна быть спасена... должна восстать из бедствий и падения для новой лучшей жизни. Это возрождение возможно только в том случае, если весь русский народ, ежечасно напрягая волю, не останавливаясь перед жертвами, начнёт заботиться о восстановлении потрясённой жизни, об устройении народного хозяйства, о развитии труда.

Эта цитата — не из современной публицистики. Это — из написанной в 1919 году статьи крупного искусствоведа и музейного деятеля Николая Ильича Романова.¹ Эта — до полного совпадения — схожесть мыслей интеллигенции конца десятых и конца девяностых годов, обеспокоенной судьбой России и её культурного наследия, не случайна, но определена сходством социокультурных процессов в условиях смены культурной парадигмы. Отказ от старой идеологии и идеалов, стремительное падение в сознании общества одних ценностей и столь же поспешное возвеличивание других, существенные, нередко трагические перемены в судьбе культурного наследия и его хранителей — музеев можно без труда усмотреть в обоих периодах. В двадцатые годы насильственно и поспешно подвергались закрытию, расформированию, распылению древлехранилища, церковно-археологические и частные музеи. Сегодня исчезают историко-революционные музеи, отделы советского искусства, общественные музеи. В начале двадцатых годов десятки храмов обращались в музеи — сегодня ещё более поспешно музеи изгоняются из ими же сохранённых и отреставрированных памятников церковной архитектуры.

¹ Романов, Н. И. Местные музеи и как их устраивать / Н. И. Романов // Музейное дело: Сборник научных трудов / Музей Революции. — М., 1997. — Вып. 24: Музееведение России в первой трети XX в. — С. 88.

Музееведческая мысль 1900—1920-х годов при всём многообразии представляет собою определённую цельность. В течение по крайней мере десятилетия после 1917 года развитие музейной теории и практики являлось в значительной мере продолжением предшествующего развития. Современное музееведение обратилось к практическому и теоретическому опыту своих предшественников уже потому, что исчез негласный (или гласный) запрет на его объективный анализ. Сегодня выходят книги о музейных деятелях и мыслителях, издаются их исследования (наиболее значительная подборка отрывков издана Музеем революции в 1997 году под заглавием «Музееведение России в первой трети XX века»). Начав изучать и сравнивать, сегодняшние музеологи были удивлены «современностью» мыслей своих предшественников. За всё время развития музейного дела не было другого периода, столь созвучного своими идеями нашему времени. Цитирование особенно современно звучащих мыслей музейщиков 1900—1920-х годов успело стать модой, в то же время исследователями ещё отнюдь не обобщён, не проанализирован и не оценён опыт наших коллег, не только мысливших, но и воплощавших мысли в дела в неимоверно сложных условиях, их удивительная прозорливость, далеко опережавшая своё время.

Настоящая работа призвана ещё раз заострить на этом внимание. Цель, поставленная автором — выявить и сопоставить только некоторые сходные идеи и явления, возникшие в тот и другой период внутри музейного мира, и попытаться поставить вопрос о причинах имеющего место сходства. Является оно совпадением, заимствованием или же возникает в ответ на сходные процессы? Может ли сегодня быть использован опыт наших предшественников?

Одно из таких «параллельных» явлений — повсеместное и бурное развитие музеефикации. Сегодня российское музейное дело во второй раз переживает период, когда не коллекционирование, но музеефикация становится ведущим методом сохранения и включения в современную действительность историко-культурного наследия. Но если сегодня этот процесс совпадает с магистральным направлением развития мирового музейного дела, то для двадцатых годов это было беспрецедентное явление.

Массовая музеефикация, связанная с изменением культурной парадигмы, началась в России после 1917 года. В музеи превращались храмы, усадьбы, монастыри, особняки. Эти музеи-памятники, переходящие в «музейное состояние» практически без перемен в облике, возникали повсеместно в разных регионах, хотя, естественно,

можно выделить регионы, где их было наибольшее количество. В условиях массового насильственного отчуждения объектов наследия от изначальных функций музеефикация стала оптимальным путём включения в новую культуру и спасения от физической гибели целых культурных пластов. Это движение «за всеобщую музеефикацию» описал в 1925 году путешествовавший по России лорд Конвей,² с недоумением английского сноба зафиксировавший нелепое, с его точки зрения, стремление музейных работников тех лет сохранить, описать, превратить в музейные объекты всё: тысячи окладов икон, старых кофейников, сотни особняков и храмов. По документам прослеживаются даже попытки сохранения музейными средствами традиции, элементов образа жизни, самих живых носителей уходящей культуры (как это было, например, в музее Оптиной пустыни). «Комплексное понятие памятника», провозглашавшее необходимость сохранения интерьеров памятников архитектуры в целом, без изъятия и «распыления» более поздних предметов, было разработано в те годы музейными деятелями общества «Старый Петербург».³ Подавляющее большинство возникших таким путём музеев было уничтожено в конце двадцатых и в тридцатых годах.

Казалось бы, это стремление к «сплошной» фиксирующей музеефикации навсегда ушло из жизни вместе с экспериментами двадцатых годов. Но наступает вторая половина 1980-х годов — тяжёлое в экономическом отношении, отнюдь не самое благоприятное для создания многочисленных музеев время. И в разных концах России вспыхивают «очаги» музейного дела, нацеленные на превращение максимального числа объектов наследия в музейные, ставящие и решающие при этом сложные проблемы теории, методики, практики музейного дела, включающие в орбиту своей активности объекты, никогда ранее не привлекавшие внимание музейных работников. Всё более бурным становится количественный рост музеев-памятников, музеев-заповедников, а главное, расширяется круг включённых в их орбиту объектов: развитие идёт от музеефикации отдельных архитектурных памятников и ансамблей — к музеефикации ландшафта, традиций и процессов, элементов образа

² Conway, W. M. *Art Treasures in Soviet Russia* / W. M. Conway. — London: Edward Arnold & Co., 1925.

³ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 54. Д. 775.

жизни и далее — к целостной музеефикации историко-культурной среды. Характерным примером может служить музейное дело Свердловской и Кемеровской областей, весьма далеко продвинувшихся в осознании культурного наследия всего региона как ценности, подлежащей передаче потомкам, проектирующих и осуществляющих актуализацию через музей таких нетрадиционных элементов наследия, как, например, несколько километров сибирского тракта с десятками сопутствующих объектов.

Начиная с 1970-х годов по всей России один за другим возникают музеи городского быта. Иногда их тема определяется более конкретно: «Музей купеческого быта», «Минувших дней очарование» и подобные. Назовём музеи Владимира, Суздаля, Вологды, Тотьмы, Твери, Нижнего Тагила; в проекте — бытовые музеи Архангельска и Екатеринбурга. Интерес к быту как самоценному объекту музейного показа, как опредмеченному выражению основ жизни народа, его мировосприятия возродился после нескольких десятилетий игнорирования этой темы. Предшествовавший период, проявлявший к этому типу музеев особое внимание — двадцатые годы.

Основная разница между современными историко-бытовыми музеями и музеями двадцатых годов состоит в том, что в двадцатые годы памятники с полностью сохранившимися интерьерами переходили «в музейное состояние» непосредственно из среды бытования. Современные музеи быта являются результатами длительной работы по исследованию, сбору материала, реконструкции, являя скорее наше представление о картине жизни определённой эпохи, чем саму эту картину. Это естественно: превращаемые в музеи особняки, храмы, усадьбы давно перестали выполнять свои изначальные функции и не могли сохраниться в изначальном виде. Но необходимо отметить, что в наше время вновь появилась тенденция музеефикации памятников непосредственно после изъятия из среды бытования, а иногда даже без полного изъятия. Этот метод применяется прежде всего к относительно новому для российского музейного дела кругу объектов — памятникам индустриального наследия.

Только в 1980-е годы музейное дело нашей страны подошло к осознанию необходимости выявления, сохранения и музеефикации памятников индустриального наследия, значительно отставая в этом отношении от многих других стран. В 1987 году в Нижнем Тагиле создаётся первый в России завод-музей, с этого момента происходит стремительное вовлечение индустриального наследия Свердловской области в орбиту музеефикации. Сегодня число музее-

фицированных памятников до нескольких десятков, среди них — находящиеся в разной степени подготовки к музейному показу заводы, рудники, карьеры, пристани.

Разрабатывая концепции музейного использования индустриального наследия, нашим музейным теоретикам и практикам приходится перенимать опыт у западноевропейских коллег, имеющих в активе уже немало разработанных и реализованных проектов и самых разнообразных подходов к музеефикации — от небольших музеефицированных памятников промышленной археологии или действующих цехов до гигантских проектов, подобных градостроительному проекту рекультивации, музеефикации и решению проблем использования северной части Рурского бассейна. Но вновь обратившись к нереализованным идеям российских музейных работников двадцатых годов, мы узнаём, что с предложением об организации заводов-музеев выступил ещё первый (в советский период) директор Нижнетагильского музея Александр Николаевич Слоцов. При этом предложенный им подход к музеефикации, включавшей инфраструктуру, среду, природное окружение, представляется весьма прогрессивным даже с современных позиций.

«Зеркальным отражением» ситуации 1900-х годов являются сегодняшние непростые отношения музеев и церкви. Первопричина, корень сегодняшних конфликтов лежит в том времени, когда власти насильственно закрывали церкви и монастыри, а музейные работники спасали их от распыления и уничтожения, превращая в музеи. Музеефикация становилась часто единственным спасительным выходом, и документы сохранили сведения о многочисленных примерах взаимопонимания и сотрудничества музеев и церкви по сохранению православного наследия. Различные формы совместного использования памятников, сближение функций действующего храма и музея, взятие монастырских общин под защиту музеями — характерные приметы музейной жизни двадцатых годов. На почве сотрудничества с церковью нередко имели место конфликты музейных сотрудников с властями, как правило, трагически заканчивавшиеся для первых. К сожалению, сегодня эти страницы истории почти не известны широкой общественности.

Эта сложная проблема и сегодня (к сожалению, очень редко) разрешается там, где ставится вопрос не об экономических и идеологических интересах, но о спасении и сохранении культуры. Один из самых выразительных примеров возможности доброго и взаимовыгодного сотрудничества музея и церкви довелось наблюдать

в глухом зауральском посёлке. Великолепный нижнесинячихинский Спасо-Преображенский собор постройки 1794—1823 годов был действующим до 1937 года, потом на три десятилетия в нём поселились чуждые культуре и равнодушные к сохранности памятника организации. С 1967 по 1978 год шла реставрация, а в 1978 году в Нижней Синячихе был создан музей-заповедник, организатором и вдохновителем деятельности которого стал И. Д. Самойлов. В интерьере собора размещается экспозиция, посвящённая народному искусству Среднего Урала. Одновременно по просьбе местных жителей (церковь — единственная в округе) был освящён алтарь и в тёплом нижнем храме стали проходить службы.

Интерьер храма велик и места хватает всем: у стен — витрины с памятниками местной культуры (как не вспомнить «культ предков» музея-храма Н. Ф. Фёдорова), в алтарной части — иконы, престол с антиминсом, готовый к освящению святых даров. С точки зрения строгого анализа, такое совмещение вполне самостоятельной экспозиции светского искусства и действующего храма может быть подвергнуто критике. Однако жители Нижней Синячихи эту проблему решили именно так — музей и церковь по сей день существуют рядом, не соперничая и не вытесняя друг друга, равно необходимые жителям села.

От музейной практики двадцатых годов обратимся к теории. Не имея возможности проанализировать всю достаточно обширную музееведческую литературу того периода, выберем для краткого анализа уже упоминавшуюся выше весьма показательную работу Н. И. Романова.

Как достижение последних десятилетий рассматривается современными исследователями коммуникационный подход в музееведении, сформулированный Д. Камероном в 1968 году. Обратившись к работе 1919 года Н. И. Романова «Местные музеи и как их устраивать», мы обнаружим, что в основе взглядов автора на музеи и их роль в обществе лежит «подход к институту музея как средоточию и хранителю духовности и как к некой точке соприкосновения трёх её носителей». ⁴ Именно это «соприкосновение» — то есть коммуникация, общение, — составляющее, по мысли Романова, суть музея,

⁴ Вакулина, Е. Н. Из истории музееведческой мысли в России в первой трети XX века / Е. Н. Вакулина // Музейное дело: Сборник научных трудов / Музей Революции. — М., 1997. — Вып. 24: Музееведение России в первой трети XX в. — С. 15

происходит между «духовной сущностью» организаторов музея, с одной стороны, её посетителей — с другой, и между собранными и храняемыми в музее произведениями человеческого духа иных эпох и культур. «Все эти памятники, церкви, картины, разные украшения или многоцветные вышивки — всё это... связывает нас с предками, с прошлым, с окружающим и со всеми людьми в общих мыслях и чувствах».⁵

Несмотря на краткость и неразработанность этого положения, на использование иной терминологии, нельзя не признать, что автор использует при исследовании музея и в практических рекомендациях по его организации подход, который можно охарактеризовать как «протокоммуникационный». Весьма наглядным представляется сравнение «триады» Романова с одной из последних моделей музейной коммуникации, предложенной Эйлин Хупер-Гринхилл.⁶

Уместно также вспомнить, что мысль о том, что под видом старых вещей музей занимается собиранием и хранением «душ отошедших», что он есть не собрание вещей, но «собор лиц», писал ещё Н. Ф. Фёдоров. Приведённые высказывания как бы предвосхищают коммуникационную модель, согласно которой субъектами музейной коммуникации являются, с одной стороны — посетители, с другой — стоящие за музейными предметами представители иной культуры, создатели или владельцы представленных предметов.

У Романова же находим мысль, сопоставимую с современным тезисом о роли экспозиции как центрального звена музейной коммуникации: «хранить произведения человеческого духа значит не только ограждать их от внешних разрушений, но и создать благоприятные условия, которые помогут всем понять и оценить внутреннюю сущность и значение каждого предмета, представляющего плод духовного творчества».⁷

⁵ Романов, Н. И. Местные музеи и как их устраивать / Н. И. Романов // Музейное дело: Сборник научных трудов / Музей Революции. — М., 1997. — Вып. 24: Музееведение России в первой трети XX в. — С. 90.

⁶ Волькович, А. Ю. Модель музейной коммуникации в концепции зарубежных музееведов / А. Ю. Волькович // Музей в современной культуре: Сборник научных трудов / Санкт-Петербургская государственная академия культуры. — СПб., 1997. — С. 71.

⁷ Романов, Н. И. Местные музеи и как их устраивать / Н. И. Романов // Музейное дело: Сборник научных трудов / Музей Революции. — М., 1997. — Вып. 24: Музееведение России в первой трети XX в. — С. 91.

Вчитываясь далее в теоретические построения Н. И. Романова, мы обретаем драгоценные крупницы мысли, как бы предвосхищающие споры о роли музея как транслятора или генератора культуры, и вывод о том, что, будучи хранителем и ретранслятором наследия, музей тем самым определяет облик культуры будущего, то есть выступает как её генератор: «Необходимо всем признать как истину, что, только бережно храня создания и труды предыдущих поколений, сумеем мы и сами создать долговечные духовные и материальные ценности, сможем возродить нашу страну, её глубоко потрясённую жизнь».⁸ Не правда ли, звучит более чем современно?

Ритуальность посещения музея — тоже один из подходов, разрабатываемых современным музееведением. Разве не о том же — у Николая Ильича: «Наблюдение природы, истины науки, умная хорошая книга, красивая картина, древний храм, памятник замечательному человеку сближают и объединяют, как церковная молитва, всех людей в общих мыслях и чувствах, которые каждый человек и весь народ считают самыми святыми и заветными».

А вот — высказывания о рекреационной функции музея, жаркие споры о признании которой наряду с функциями «документирования» и «образовательно-воспитательной» звучали совсем недавно: в музее Романова «поучение и отдых так тесно связаны между собой, что грань, разделяющая все эти понятия, теряет всякую определённости и значение».⁹ Эти слова Романов относил к музеям под открытым небом, которые считал наиболее прогрессивной формой музеев, объединяющей «жизнь и театральное действие, создание творческого духа и действительность, человека и природу». Напомним, что эти мысли высказаны в том году, когда ещё 10 лет оставалось до первой робкой попытки П. Д. Барановского создать в Коломенском российский «скансен», и 40 лет — до первых постановлений об организации музеев-заповедников. А заповедники «нового поколения», сосредоточившие «творческий дух и действительность», «жизнь и театральное действие», появятся ещё много позже.

В завершение попытаемся обобщить сделанные наблюдения.

Многочисленные «параллели» между конкретной музейной практикой и теоретическими построениями 1900—1920-х годов и наших

⁸ Там же. — С. 90.

⁹ Там же. — С. 88, 117.

дней обусловлены следующим. В первой трети XX века в российском музейном деле наблюдались явления, свидетельствующие о быстром прогрессе и, во многих случаях, об опережении процессов, происходивших в зарубежных музеях. С одной стороны, они были обусловлены развитием теории, начавшейся задолго до 1917 года и продолжавшейся после победы социалистической революции. С другой стороны, после установления советской власти самой ситуацией, поставившей под угрозу дальнейшее физическое существование значительной части наследия, были инициированы инновационные направления в музейной практике, некоторые из которых («сплошная» фиксирующая музеефикация, включение в сферу музейного внимания нетрадиционных объектов наследия, попытки сохранения в условиях музея образа жизни «in situ») далеко опередили своё время и не могли быть по достоинству оценены современниками. Большинство начинаний музейных работников двадцатых годов постигла печальная участь — их теоретическое обоснование было подвергнуто критике и предано забвению на долгие годы, а почти всё реализованное в музейной практике — уничтожено к концу рассматриваемого периода.

Сегодня наше музейное дело, получив возможность более свободного развития и новые импульсы, вынуждено вернуться к решению проблем, которые остались нерешёнными в результате насильственных изменений в развитии музеев, произошедших в конце двадцатых годов. Теперь мы вынуждены «догонять» зарубежных коллег, перенимая их опыт сохранения и актуализации наследия музейными средствами. Следует предположить, что обнаруженное нами сходство разновременных процессов вызвано близостью ряда стоящих перед музеями задач. Если теоретическое наследие музееведения 1910—1920-х годов сегодня изучается и активно используется, то богатый и подчас поражающий неординарностью решений и новизной подходов опыт практической музейной работы изучен лишь в незначительной степени и для выявления и актуализации требует, прежде всего, кропотливой работы с архивными материалами. В этом плане чрезвычайно полезным следует признать обращение многих музеев к своей истории и опыту предшествующих поколений музейных работников.

И ещё одно замечание. Сегодня в российском музейном деле мы ещё раз переживаем период, когда с необыкновенной интенсивностью работающая музееведческая мысль генерирует множество новых ярких идей, столь новых, необычных, не укладывающихся

в привычные рамки, что в большинстве случаев они с самого зарождения уже обречены длительное время оставаться нереализованными. Сегодня мы можем представить, сколько объектов культурного наследия могло бы быть сохранено, сколько интересна, многообразна и богата была бы практика и теория нашего музейного дела, не оказались проекты и начинания первой трети XX века в забвении на многие годы. Быть может, сама история нереализованных или забытых проектов, погубленных музейных начинаний наших предшественников, к которым российское музееведение вновь обращается на новом витке развития, — тоже часть опыта, который следует осознать и учесть?

Современные тенденции сохранения культурного наследия: методологический аспект

М. А. Полякова

Культурное наследие как интеллектуальный потенциал нации ориентирован не только на сохранение традиций, воспоминание и актуализацию культурной памяти, но играет и созидательную роль в современном обществе. Это вызывает необходимость совершенствования методики его изучения в соответствии с новейшими достижениями гуманитарного знания.

В данной статье будет сделана попытка выявления основных тенденций в сохранении культурного наследия на современном этапе. Термин «сохранение» имеет довольно широкие границы, в него входят проблемы выявления, изучения и использования наследия. Акцент будет сделан на изучении памятников «недвижимых» («in situ») — исторических, архитектурных, монументального искусства.

На протяжении не одного десятка лет традиционное направление в исследовании культурного наследия исходило из «точечного» подхода, в основе которого находился единичный объект, архитектурные и историко-художественные особенности которого подробно анализировались. Необходимость подобных «моно» исследований очевидна и сегодня, так как именно они являются основой для новых научных подходов и обобщений на современном этапе развития гуманитарного знания.

Одной из тенденций современного познания являются системные представления об обществе и природе, что предполагает их единство и целостность. Архитектурные и исторические объекты ныне воспринимаются только во взаимодействии с окружающей средой. Причём природное окружение рассматривается не только необходимым «обрамлением», подчёркивающим архитектурно-художественные достоинства памятников или ансамблей, но зачастую имеет самостоятельный статус заповедного пространства, устойчивость которого создают именно памятники. То есть единство и взаимовлияние природного и культурного наследия очевидны.

Эта тенденция отчётливо проявилась в определении понятия «памятник». Его узкие рамки единичного объекта значительно расширены, что отразилось в законодательных актах, в частности,

конвенциях и рекомендациях ЮНЕСКО, документах неправительственных организаций ИКОМОС, ИФЛА и других. В них фигурируют более ёмкие определения «исторические или традиционные ансамбли», «достопримечательные места», «центры сосредоточения культурных ценностей», «исторические сады». Конвенция ЮНЕСКО 1972 года оперирует понятием «культурное и природное наследие». Показателен в этом отношении и «Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО». Из российских уникальных объектов в него включены как единичные памятники (церковь Вознесения в Коломенском), так и крупные ансамбли и природные территории (Кизи, Соловецкие острова).¹

Отечественные исследователи различают понятия «памятник» и «наследие». Второе значительно шире понятия «памятник» и включает в себя «систему материальных и интеллектуальных духовных ценностей, сбережённых или созданных предыдущими поколениями, несущих в себе историческую память и представляющих исключительную важность для сохранения культурного генофонда Земли».²

Различное толкование понятия «культурное наследие» ведёт ко многообразным формам его использования. Это и музеи, и музеи-усадьбы, и музеи-заповедники, и заказники и прочее. Хотелось бы подчеркнуть, что всё чаще в качестве единицы охраны выступает не объект, а территория, на которой в уникальной природной среде сохраняются памятники, традиционные технологии и формы хозяйствования. Показательным является широкое распространение понятия «уникальная историко-культурная и природная территория» (УИКПТ), основными факторами формирования которой являются природоохранный, историко-культурный, рекреационный и экономический. Именно это понятие составляет основу ряда региональных программ возрождения национального достояния.³

Значительно расширяет наши представления о наследии системно-функциональный подход к изучению культуры как целостной

¹ Международное право и охрана культурного наследия: документы, библиография / Под редакцией С. И. Сотниковой, И. М. Вандулакиса; авторы-составители М. А. Полякова, А. А. Александров. — Афины, 1997. — С. 26, 109, 125, 180 и др.

² Культурное и природное наследие России. Выпуск 1. — М.: Биоинформсервис, 1996. — С. 27.

³ Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. — М.: РНИИ культурного и природного наследия, 1994. — С. 32—33.

системы общественной жизни. Один из методологических аспектов этого подхода — это изучение общественно-культурной среды определённого периода. Понятие общественно-культурной среды включает в себя «совокупность факторов, которые определяют наполненность и многообразие сферы духовной жизни общества, его интеллектуально-нравственный и социально-активный потенциал», то есть это сфера существования и взаимодействия культурных новаций и традиций.⁴ Неотъемлемыми элементами этой среды являются город, деревня, усадьба, которые рассматриваются в контексте взаимодействия различных факторов, как объективных — экономических, социальных, административных, так и субъективных — связанных с жизнью государственных деятелей, учёных, творческой интеллигенции.

Для такого «средового» подхода характерно глубокое познание единичных объектов во всём многообразии их архитектурно-градостроительных и историко-культурных характеристик. Знаменательно, что изучение памятников как элементов целостного культурного пространства предполагает обращение не только к уникальным постройкам, но и к рядовым объектам, формирующим своеобразие изучаемой среды. Вполне логично при таком подходе использование и метода исторической реконструкции несохранившихся уникальных историко-культурных и природных памятников как необходимых недостающих элементов.

В проблеме воссоздания утраченных объектов (проблеме «макета») как элементов культурного пространства хотелось бы выделить несколько аспектов. Большинство специалистов негативно оценивают практику целостного воссоздания уникальных памятников.⁵ И с точки зрения исторической достоверности это действительно так. Памятник как «документ эпохи» перестаёт существовать.

Ярким примером является воссозданный несколько лет назад Казанский собор на Красной площади. Он не имеет никакого отношения ни к культурному пространству предвоенных лет, ни к XIX веку,

⁴ Очерки русской культуры XIX века. — М.: Издательство МГУ, 1998. — Т. 1: Общественно-культурная среда. — С. 7.

⁵ Михайловский, Е. В. Реставрация памятников архитектуры / Е. В. Михайловский // Восстановление памятников культуры. — М.: Искусство, 1981.

Мильчик, М. И. Возможно ли воссоздание утраченных памятников архитектуры и истории? / М. И. Мильчик // Памятники в изменяющемся мире (материалы международной научно-практической конференции) / Научный редактор и составитель Э. А. Шулёпова. — М.: Российский институт культурологии, 1993. — С. 50—53.

так как облик его был совершенно иным, ни тем более к XVII веку, когда он был построен, так как окружающая его среда претерпела с того времени кардинальные изменения. Его можно рассматривать скорее как градостроительную доминанту, логично завершившую эту часть Красной площади, некогда утратившую свою гармонию. Кроме того, этот собор — памятник нашему времени, нашей отечественной реставрационной школе, которая обеспечила его строительство в результате выполнения определённого политического заказа.

Характерным примером, на котором видна эффективность «средового» подхода к изучению наследия, является усадьба как устойчивый элемент культурного пространства России XVIII—XIX веков. Большинство исследователей пишут о «полифонизме» усадебного мира, связанного с экономическими, социальными, политическими, художественными и историко-культурными тенденциями развития российской действительности.⁶

Центральное место в этом мире занимал владелец усадьбы, от которого во многом зависел процесс формирования усадебного пространства, причём не только зрительного образа, для чего нередко приглашались известные архитекторы, художники и садоводы, но и самой его сущности во всём многообразии личностных взаимоотношений и пристрастий. Это во многом определяет эффективность одного из направлений изучения усадебной среды, которое условно можно обозначить как «историко-антропологическое», позволяющее, по словам Г. Ю. Стернина, приблизить нас к пониманию личного участия человека в созидании материальных и духовных ценностей.⁷

Кроме того, изучение усадьбы как элемента общественно-культурной среды XVIII—XIX веков невозможно без обращения к тем новым тенденциям — экономическим, социально-политическим,

⁶ Мир русской усадьбы: Очерки / Институт российской истории РАН. — М.: Наука, 1995. — С. 3.

Каждан, Т. П. Художественный мир русской усадьбы / Т. П. Каждан. — М.: Традиция, 1997.

Архитектура русской усадьбы. — М.: Наука, 1998.

⁷ *Стернин, Г. Ю.* Русская загородная усадьба в современных историко-культурных интересах / Г. Ю. Стернин // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы / Научный редактор-составитель Л. В. Иванова. — М.: Жираф, 1998. — Т. 4. — С. 249.

историко-культурным, которыми характеризуется это время. В этом своеобразный «дуализм» усадьбы: с одной стороны — замкнутость и верность традициям, с другой — открытость и восприятие всего нового. Будучи по своей сути самодостаточным пространством, в какой-то степени даже «антиподом» городской жизни, она в то же время была связана прочными нитями с городом — его культурой и бытом.

В связи с этим очень важен вопрос удалённости или близости усадьбы от столиц, губернских или уездных городов. Бесспорно, что жизнь крупных загородных резиденций, располагавшихся вблизи столиц и изначально предназначенных играть репрезентативную роль (Останкино, Кусково, Архангельское), протекала по своим законам, на которые оказывала существенное влияние близость «двора».

Среди среднепоместных и мелкопоместных усадеб российской глубинки, которых было подавляющее большинство, выделялись своеобразные общественные и культурные центры («культурные гнёзда», по словам Н. К. Пиксанова), благотворно воздействующие на общественно-культурную среду своего региона — губернии или уезда. Это могли быть не только благотворительность или участие в работе земских учреждений, но определённые усилия по возрождению промыслов, сбор фольклора и прочее. Если владелец подобной усадьбы был человеком одарённым, то несомненным будет влияние народной культуры и окружающей природы на его творчество. Таким образом, очевидно взаимовлияние и взаимообогащение среды и усадьбы.

Таковы некоторые аспекты изучения усадьбы — целого самодостаточного мира, и в то же время отдельного элемента общественно-культурной среды.

Эффективен «средовой» метод изучения наследия на примере памятников монументального искусства. Очевидно, что они являются результатом определённого социального заказа, и изучение этой группы памятников невозможно без анализа общественных настроений, политической и идеологической ситуаций. В периоды подъёма национального самосознания воздвигаются памятники полководцам, национальным героям, известным писателям и поэтам. Достаточно напомнить о памятнике Минину и Пожарскому в Москве (1818 год), памятнике «Тысячелетию России» в Новгороде (1862), Ивану Сусанину в Костроме (1851), Алексею Кольцову в Воронеже (1864) и прочие. Явлением отечественной культуры стало открытие

памятника Александру Пушкину в Москве (1880). Очень важны политический и идеологический аспекты. Без них невозможно оценить памятники российским императорам, монументы в честь «учителей революции» первых послереволюционных лет, всю монументальную скульптуру советской истории.

Необходимо отметить и ещё одну, очень важную тенденцию в изучении культурного наследия, отчётливо демонстрирующую плодотворность системно-функционального или «средового» метода. Как известно, памятники — это наиболее устойчивые элементы культурного пространства, они имеют конкретную привязку к местности, если так можно выразиться, они «топографичны». Поэтому исследование культурного наследия определённого региона с учётом всего многообразия социальных, административных, экономических факторов может привести к освещению малоизученных страниц региональной истории, характеристике культурного потенциала региона, что в целом сыграет важную роль при прогнозировании его развития. О важности подобного регионального направления в изучении наследия писали отечественные учёные.⁸

Важно подчеркнуть, что изучение культурного наследия в пределах одного региона (области, города) может быть ограничено как хронологическими, так и тематическими рамками. То есть в общем культурном пространстве региона более глубоко будет исследоваться какая-либо обособленная среда, в то же время органично связанная с этим пространством. Тематика для подобного рода научных работ может быть различна.

Так, группа учёных Института христианской культуры Средневековья (среди которых А. Л. Баталов, Л. А. Беляев, Г. И. Вздорнов, Л. И. Лифшиц и другие) разрабатывает тему «Сакральная топография средневекового города», основным аспектом которой является глубокое изучение конкретных культовых памятников, их престолов, системы служб и религиозных процессов, различных форм церковного управления. Естественно, что это исследование неотделимо от общего изучения города, истории его зодчества. Называя себя «фактопклонниками», эти учёные основой своей работы считают комплексный анализ письменных источников и археологических

⁸ Комплексные региональные программы сохранения и использования культурного и природного наследия / Отв. ред. П. М. Шульгин. — М.: РНИИ культурного и природного наследия, 1994.

данных, а целью — «восстановление сакрального городского пространства с хроно-топографической привязкой».⁹

Перспектива для подобного рода исследований, как в рамках крупных городов (Москвы, Петербурга, Новгорода, Смоленска), так и малых, необычайно широка. Характеристика тематически обусловленной общественно-культурной среды того или иного региона с выявлением и анализом различных взаимосвязей, закономерностей, широкой палитрой событий может стать важным этапом не только в совершенствовании методологии региональной истории, разработке её инструментария и понятийного аппарата, но даст богатый материал для новых обобщений по различным проблемам российской истории в целом. Уместно вспомнить одно из высказываний И. Е. Забелина конца XIX века. «Пока областные истории с их памятниками не будут раскрыты и подробно рассмотрены, — писал учёный, — до тех пор все наши общие исторические заключения о существовании нашей народности и её различных исторических и бытовых проявлениях будут голословны, шатки, даже легкомысленны».¹⁰

⁹ Сакральная топография средневекового города / Редакторы-составители А. Л. Баталов, Л. А. Беляев. — М.: Издательство ИХКС, 1998. — Т. 1. — С. 15.

¹⁰ Забелин, И. Е. История и древности Москвы / И. Е. Забелин // Опыт изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи Ив. Забелина. — М.: К. Солдатенков, 1873. — Т. 2. — С. 109.

Проблема периодизации в российской музеологии (к началу дискуссии)

А. А. Сундиева

В музейном деле и в культуре в целом происходят сегодня интересные процессы, которые важно осмыслить и включить в систему музееведческих знаний. К сожалению, период активных научных споров по ключевым проблемам музееведения, обсуждения предмета науки, этапности и основных вех в её развитии остался в прошлом. Временами поднимаемые на конференциях методологические вопросы не завершаются широкими дискуссиями. Между тем музееведение, как формирующаяся и развивающаяся научная дисциплина, остро нуждается в саморефлексии. Разработка периодизации является методом саморефлексии и эффективным способом «настраивания» системы знаний. В данной статье анализируются периодические схемы, приводимые в крупнейших отечественных музееведческих изданиях 1950—1990-х годов, и предлагается авторский вариант решения проблемы.

Сборник научных трудов «Музеи мира», посвящённый теоретическим вопросам музееведения, открывается статьёй известного музеолога З. Странского. Автор, рассматривающий музееведение как формирующуюся самостоятельную научную дисциплину, считает самой ранней теоретической работой в области музееведения произведение бельгийского врача Самуэля фон Кичберга, изданное в 1565 году в Мюнхене. А работой, в которой музееведение впервые было представлено в качестве системы знаний, называет «Основы советского музееведения», изданные в 1955 году.¹ Именно там предложена если ещё и не периодизация, то некоторая схема, последовательность развития музейного дела и собственно российских музеев. Отмечалась их тесная связь на протяжении многих веков с соответствующими научными дисциплинами. Развивались они «вместе с наукой, удовлетворяя потребности общества».²

¹ Странский, З. Понимание музееведения / З. Странский // Музееведение. Музеи мира. Сборник научных трудов. — М.: НИИ культуры, 1991. — С. 15.

² Основы советского музееведения / Научно-исследовательский институт музееведения. — М.: Госкультпросветиздат, 1955. — С. 18.

Следующая схема появляется в известных «Очерках по истории музейного дела в России».³ Огромный фактологический материал в очерках анализируется в соответствии с господствовавшей в исторической науке периодизацией по общественно-экономическим формациям. Наиболее подробное обоснование классового подхода дано в статьях С. А. Овсянниковой (Каспаринской). В её очерках по истории коллекционирования намечаются два основных периода: период дворянского коллекционирования (XVIII и первая половина XIX века) и буржуазного коллекционирования (вторая половина XIX и начало XX века). Автор указывает основные черты и особенности каждого периода, отмечает теснейшую связь частного коллекционирования с историей русской культуры.⁴ Отметим, что в «Очерках» речь идёт не об этапах развития науки музеологии, а об этапах развития музейного дела в России.

В 1991 году под редакцией С. А. Каспаринской публикуется сборник «Музей и власть».⁵ Издание вышло в период острейшего политического кризиса в стране, и это обстоятельство придавало особую актуальность анализу государственной музейной политики, которая рассматривается за 300-летний период. Впервые одна из важнейших для российского музейного дела проблем была изучена в столь широких хронологических рамках. Этот коллективный труд бесспорно явился этапным музееведческим исследованием. Собственно музееведческая периодизация находится внутри статей, написанных в хронологических рамках традиционной периодизации истории СССР. Акцент, сделанный на анализе идеологических установок и государственных задач в области музейного дела, позволил сделать её более подробной, особенно на этапе советской истории.

Итак, до 1917 года отчётливо выделяются два основных этапа — XVIII—первая половина XIX века и вторая половина XIX—начало XX века. Каждый из них в свою очередь делится на два периода — XVIII век и первая половина XIX века в пределах феодальной эпохи,

³ Очерки истории музейного дела в России / НИИ музееведения. — М.: Советская Россия, 1957—1971. — Вып. 1—7.

⁴ Овсянникова, С. А. Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861—1917 гг.) / С. А. Овсянникова // Очерки истории музейного дела в России / НИИ музееведения. — М.: Советская Россия, 1960. — Вып. 2. — С. 66.

⁵ Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII—XX вв.). Часть I / НИИ культуры. — М., 1991.

Музей и власть. Из жизни музеев. Часть II / НИИ культуры. — М., 1991.

вторая половина XIX века, конец XIX—начало XX века в пределах буржуазной эпохи.⁶ Советская история традиционно дробится на три периода: 1917—1941, 1941—1945, 1945—середина 1980-х годов. В последнем периоде выделялись в свою очередь три этапа: 1945—середина 1950-х годов, середина 1950—середина 1960-х годов, середина 1960—середина 1980-х годов.⁷ Особого внимания заслуживает схема, предложенная для членения первого этапа советской истории. В её основу положен анализ соотношения «политической власти и компетентной силы», то есть государственных органов и профессионалов в конкретной области. Это соотношение в значительной степени определяло отношение государства к культурному наследию и к музею как социальному институту и оно было различным в 1917—1918 годах, 1918—1923 годах, 1923—1930 годах, 1930—1941 годах.⁸ Кроме того, в двухтомник вошли материалы, представлявшие некоторые важнейшие события в истории музейного дела, значение которых не учитывала сложившаяся схема. Имеется в виду прежде всего очерк А. М. Разгона о Предварительном съезде музейных деятелей, состоявшемся в 1912 году.⁹

Создание периодизации музееведческой мысли и истории музейного дела стало абсолютно необходимо в связи с развитием в 1980-е годы музееведческого образования. В эти годы музееведение начинают преподавать в ряде университетов и вузов страны, возникает аспирантура по музееведению. Эта деятельность предполагает наличие научных программ, курсов лекций, учебных пособий, подготовка которых крайне затруднена без научно обоснованной периодизации.

В 1989 году одной из первых опубликована программа учебного курса по «Истории и теории музейного дела в СССР», составленная

⁶ Каспаринская, С. А. Музеи России и влияние государственной политики на их развитие (XVIII—нач. XX в.) / С. А. Каспаринская // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII—XX вв.). Часть I / НИИ культуры. — М., 1991. — С. 10.

⁷ Златоустова, В. И. Государственная политика в области музейного дела (1945—1985 гг.) / В. И. Златоустова // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII—XX вв.). Часть I / НИИ культуры. — М., 1991. — С. 226—299.

⁸ Кузина, Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917—1941 гг. / Г. А. Кузина // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII—XX вв.). Часть I / НИИ культуры. — М., 1991. — С. 164.

⁹ Разгон, А. М. Предварительный музейный съезд — итоги развития музейного дела в России / А. М. Разгон // Музей и власть. Из жизни музеев. Часть II / НИИ культуры. — М., 1991. — С. 5—26.

А. И. Фроловым в НИИ культуры.¹⁰ Затем в 1994 году, уже с учётом опыта преподавания этого курса на факультете музеологии РГГУ и в других учебных заведениях, он же разработал программу курса «История музейного дела в России».¹¹ В основе программ — вполне приемлемая периодизация, апробированная во многочисленных работах по истории музейного дела, издававшихся в НИИ культуры. Некоторые смещения хронологических рамок внутри советского периода вызваны, скорее всего, особенностями учебного плана. Но из неё изъято социально-экономическое наполнение, применительно к данной проблеме действительно ставшее сегодня некоторым анахронизмом, отчего схема превратилась в простое членение всего материала на примерно равные отрезки времени по полвека: XVIII век, первая половина XIX века, вторая половина XIX века и прочее.

Отсутствие столь необходимой для преподавания учебных курсов стройной и обоснованной структуры вызвало также, на первый взгляд, бесхитростные попытки возврата к дореволюционной историографической традиции, зачёркивающие почти вековой опыт развития отечественной исторической науки. Основанием периодизации у таких последователей стиля «ретро» служит время правления российских императоров: эпоха Петра Великого, эпоха дворцовых переворотов, эпоха Екатерины II, царствование Александра I, царствование Николая I и так далее.

Самое фундаментальное на сегодняшний день учебное пособие, активно используемое вузами, — «Музееведение. Музеи исторического профиля», — не даёт периодизации, отмечая только «важнейшие шаги в развитии исторических музеев».¹² Однако, не имея научной периодизации, мы в учебных курсах рассказываем не столько о процессах, сколько о событиях, а в исследованиях отвлекаемся на второстепенные, а то и посторонние объекты, «не дотягиваем» до осознания закономерностей, установление которых и есть смысл научной деятельности. Разработка научной периодизации является сегодня важнейшей методологической задачей, такая работа и есть научный метод музеологии, наряду, например, с разработкой языка

¹⁰ История и теория музейного дела в СССР Программа курса / НИИ культуры; составитель А. И. Фролов. — М., 1989.

¹¹ История музейного дела в России. Программа курса / Российский государственный гуманитарный университет; составитель А. И. Фролов. — М.: РГГУ, 1994.

¹² Музееведение. Музеи исторического профиля / Под редакцией К. Г. Левыкина, В. Хербста. — М.: Высшая школа, 1988.

науки. В понятиях и терминах науки отражаются и концентрируются достигнутые результаты познания; научная периодизация придаёт этим знаниям системность и иерархичность.

Между тем музееведение всё шире вводится в учебные программы вузов, причём не только в Москве и Петербурге, но и в регионах. Возникает ощущение, что музееведческая мысль в провинции работает сегодня более активно и более плодотворно, чем в центре.

Так, в конце 1980-х годов появились работы Н. А. Томилова. Учёный этнограф, много работавший с музейными коллекциями и хорошо знающий музееведческую литературу, выступил с интересными публикациями, посвящёнными теоретическим проблемам музеологии.¹³ Он констатировал отсутствие научной периодизации музееведения, обращал внимание на то, что периодизация музееведения имеет свои самостоятельные основы в отличие от периодизации музейного дела как отрасли культуры, и предлагал примерно следующую схему развития музееведения.¹⁴

I период (донаучный): с XVI века до середины XIX века. На этом этапе производятся первые описания музейных предметов и коллекций, появляются записи учёта коллекций музеев.

II период: середина XIX века—1917 год. Возникновение музееведения в рамках буржуазной науки как самостоятельной отрасли научных знаний. В это время разрабатываются концепции отдельных музеев, некоторые теоретические понятия и методики музейного дела, анализируются отдельные виды музейных источников.

III период: с 1917 до конца 1980-х годов. Появляется марксистское музееведение. До начала 1930-х годов исследователь отмечает большую разобщённость музееведов и накопление музееведческих знаний в самих музеях. Затем музееведение существует и отдельно от музеев, музееведческие знания получают теоретическую направленность, формируется учебная дисциплина «музееведение».

¹³ Богомолов, В. Б. Разработка формы научного описания для музейных материалов / В. Б. Богомолов, Л. И. Копытова, Н. А. Томилов // Проблемы этнографического музееведения. Тезисы докладов. Всесоюзная научная конференция «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний». — Омск: ОмГУ, 1987.

Томилов, Н. А. Музееведение и его предмет / Н. А. Томилов // Музееведение Западной Сибири. Тезисы докладов / Омская областная научная конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири». — Омск: ОмГУ, 1988.

¹⁴ Томилов, Н. А. К вопросу о периодизации музееведения / Н. А. Томилов // Музееведение Западной Сибири. Тезисы докладов / Омская областная научная конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири». — Омск: ОмГУ, 1988. — С. 11—13.

Хотя внешне предложенная схема страдает излишней идеологизацией, что вообще свойственно литературе 1980-х годов, но характеристика этапов даётся автором на основе анализа развития не политических и даже не общекультурных процессов, а музейно-ведческих знаний. Н. А. Томилов также делает попытку вписать отечественное музееведение в историю мировой науки и, на наш взгляд, совершенно справедливо связывает следующий возможный этап развития музеологии со внедрением в музейное дело и саму науку музееведение новых информационных технологий.

Значительным шагом в осмыслении периодизации музейного дела и музейно-ведческой мысли стала подготовка «Российской музейной энциклопедии», развернувшаяся с конца 1980-х гг. Сегодня работа над рукописью завершена, и хотя книга пока не издана, можно обсуждать научные итоги этой деятельности.¹⁵

Практически все статьи имеют исторические преамбулы. Каждое явление авторы стремились рассмотреть в развитии, проследить эволюцию понятий, объяснить динамику процессов, причём не только внешними причинами, но и через изменения имманентно присущих музеям качеств. Во всех случаях, где это было возможно, мы не давали жёсткой и однозначной периодизации, осознавая многочисленные пробелы в музейно-ведческом знании и тот факт, что любая генерализация сопряжена с упрощением, выпрямлением, в то время как реальная жизнь оказывается несравненно сложнее и противоречивее. Периодизация по общественно-экономическим формациям в нашем случае не работала, и от неё вынуждены были отказаться. Сегодня уже очевидно, что политические, экономические, культурные процессы протекают, как правило, в разных ритмах. Факты свидетельствуют также, что события 1861 года и 1917 года, ставшие важными рубежами в политической и экономической истории страны, оказав серьёзное, но чуть более опосредованное влияние на музейное дело, не являются знаковыми в развитии музееведения. В статьях «музееведение», «музейное дело», «история музейного дела», а также в очерках, посвящённых отдельным профильным группам музеев от момента возникновения этих музеев и до сегодняшнего дня, авторы стремились выделить определённые этапы развития и важнейшие события. Так, XI Генеральная конференция ИКОМ, проходившая в Москве и Ленинграде в 1977 году

¹⁵ Российская музейная энциклопедия: в 2 т. / Российский институт культурологии МК РФ и РАН. — М.: Прогресс, Рипол классик, 2001. — (Позднее примечание.)

и основавшая Международный комитет по музеологии (ИКОФОМ), оценивается как важнейшая веха в самоопределении музеологии во всём мире.

В ходе работы над энциклопедией был аккумулирован, проанализирован и систематизирован колоссальный фактологический материал. Вся предшествующая литература, включая самые крупные и фундаментальные труды, значение которых велико и бесспорно, являлась всё-таки исследованием отдельных проблем или определённого этапа развития.¹⁶

Энциклопедия, впервые представив музейный мир России в целом и за весь исторический период его существования, дала возможность осмыслить музейное дело России на принципиально ином уровне. Опираясь на него, мы можем предложить вниманию читателей один из возможных вариантов периодизации музейного дела в России.¹⁷ В её основу положен процесс саморефлексии внутри музейного мира, осознание представителями этого мира достигнутого ими на каждом этапе развития и формулирование новых задач. Крайние даты больших хронологических периодов, указанные с точностью до года, являются большой условностью, «привязкой» к определённому событию, подчёркивающей принцип, положенный в основу периодизации.

В истории музейного дела России можно, на наш взгляд, выделить три больших и примерно равных по продолжительности периода.

I период: 1714—1817 годы, от появления первого российского музея Петербургской кунсткамеры и до опубликования первого проекта российского национального музея. Рождение этого и последующих проектов произошло на волне необыкновенного подъёма национального самосознания, вызванного победоносным завершением Отечественной войны 1812 года, но было подготовлено всем ходом векового развития музейного дела и коллекционирования в стране.

¹⁶ Во всех крупных статьях Г. Л. Малицкого, А. Д. Маневского, многочисленных и интереснейших статьях А. М. Разгона, А. Б. Закс, Д. А. Равикович и других содержатся научно обоснованные периодизации изучения отдельных проблем музееведения или указываются этапы развития конкретных явлений или процессов.

¹⁷ Российская музеология теснейшим образом связана с общим состоянием музееведческого знания в мире. Но в энциклопедии обобщён опыт российского музейного дела и музееведческой мысли. Достижения и тенденции зарубежной музеологии лишь обозначены, работа над общей схемой развития музееведческой мысли не завершена.

II период: 1817—1912 годы. Состоявшийся в 1912 году Предварительный съезд музейных деятелей подвёл итог всего предшествующего этапа, определил направления дальнейшего поиска в области теории и практики музейной деятельности. Но начавшаяся Первая мировая война прервала восходящую линию развития российской культуры. XIX век для культуры России в целом — время становления национальных культурных форм, а для музейного дела — это время его обособления в самостоятельную форму культурной деятельности, формирование музейного дела как особой отрасли культуры.

III период: 1912—1996. Он завершился с распадом СССР, вызвавшим серьёзные геополитические изменения в мире, в том числе нарушение многолетних культурных контактов и традиций. Все области музейного дела страны претерпели серьёзные изменения (структура музейной сети, управление и финансирование музеев, ценностные приоритеты и прочее). Закон 1996 года «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» зафиксировал новую ситуацию в музейном мире.

Все значимые события XVIII века можно перечислить в ходе одной лекции, назвав и возникнувшие музеи, и крупнейших деятелей, и главные проблемы, и важнейшие завоевания. Но был и небольшой рубеж, пришедшийся примерно на середину 50-х годов XVIII столетия. До этого времени Кунсткамера оставалась первым и единственным музеем в стране, а в 1750-е годы возникает сразу несколько протомузейных учреждений, типа Достопамятного зала Петербургского арсенала и, самое важное, Академии художеств. Здесь начинают готовить профессиональные кадры для российского искусства и российского музейного дела.

В XIX веке следует выделить несколько этапов, каждый из которых будет отличаться качественными и количественными параметрами, заметным ростом числа и профильного разнообразия музеев. Важной вехой на этом этапе также оказываются 1850-е годы, когда и во властных сферах, и в обществе победила идея общедоступного музея. Два крупнейших музея страны (Эрмитаж в 1852 году и Оружейная палата в 1858 году) стали публичными. Следующий этап наступит в 1890-е годы, богатые яркими музейными событиями. В 1893 откроется Московский музей национальной живописи (Галерея Третьяковых), а в 1895 — Русский музей императора Александра III. Кроме того, музеи приобретут значительное общественное и научное признание. По поводу открытия Галереи

Третьяковых созовут I съезд русских художников, труды по истории музеев включают в общенаучную историографию.¹⁸

В XX веке картина менялась каждое десятилетие: 1920-е годы не похожи на 1930-е, 1930 — на 1940-е, а 1950 — на 1960-е. Но если ориентироваться на научное самоосознание, то важнейшими рубежами станут 1919 год и 1930 год. Первая Всероссийская музейная конференция приняла программу развития музеев в Советской России, опирающуюся на международный опыт и на итоги музейного строительства в дореволюционной России. Последующие годы стали очень ярким и творческим периодом в музейном деле страны. Перелом наступил в конце 1920-х годов. Всероссийский музейный съезд 1930 года закрепил окончательное подчинение музейной деятельности политической конъюнктуре и его дальнейшее развитие как части партийной пропагандистской работы.

Можно представить эту же схему более лаконично и образно: в XVIII веке в России появился музей, в XIX веке — музейное дело, в XX веке — музееведение. В целом она соответствует общенаучным представлениям о процессах развития, которые идут от единичных явлений к многообразию форм, и на определённом этапе возникает желание и потребность в их осмыслении и познании. Если, напротив, попытаться данную периодизацию детализировать, то она наглядно показывает, что наши представления о развитии музейного дела не противоречат тезису об ускорении темпов развития общественных процессов от века к веку, музейное дело не было в этом смысле исключением. В первой и небольшой публикации схема приводится лишь в общих чертах, в объёме, достаточном для обсуждения и дискуссии. В дальнейшем предполагается дать подробное и детальное обоснование и характеристику содержания каждого из этапов.¹⁹

¹⁸ Иконников, В. С. Опыт русской историографии / В. С. Иконников. — Киев: Типография Императорского университета святого Владимира, 1891—1892. — Т. 1, кн. 1—2.

¹⁹ В дальнейшем, после 1999 года, автор продолжала работать над периодизацией истории музейного дела, уточняла аргументацию и границы выделенных периодов.

Сундиева, А. А. Из истории музееведческой мысли в России: XX век: Учебное пособие / А. А. Сундиева. — М.: РГГУ, 2022. — С. 16—19.

Формирование исторических коллекций Переславского историко-художественного музея (1920—начало 1950-х годов)

Н. Б. Ямщикова

Переславль-Залесский, заложенный в 1152 году Юрием Долгоруким, является одним из старейших городов северо-восточной Руси. Пути истории не обходили город, он переживал времена славы и падения, годы процветания чередовались с периодами разорения и увядания.

Здесь были созданы замечательные памятники древнерусской литературы: «Моление Даниила Заточника» и «Слово о погибели земли русской».

Ризницы переславских монастырей являлись местом, где на протяжении веков откладывались уникальные произведения древнерусской живописи, ювелирного и декоративно-прикладного искусства.

На долю Переславля в конце XVII века выпала большая честь стать родиной военно-морского флота. Созданная в 1689—1893 годах потешная флотилия Петра I была первым учебным отрядом, положившим начало регулярному кораблестроению в России.

В Переславлe можно составить представление почти обо всех основных периодах развития русского зодчества, наглядно проследить историю отечественной архитектуры.

Первый музей исторического плана был открыт на переславской земле 1 августа 1803 года на холме Гремяч в усадьбе «Ботик Петра I». Здесь в небольшом, специально построенном на средства местных жителей каменном павильоне поместили бот «Фортуна», а также сосредоточили другие подлинные предметы петровской эпохи. Но всё же назвать его музеем в полном смысле достаточно трудно. Это скорее было просто хранилище, поскольку никакой деятельности, присущей музеям, не велось.

Богатая история Переславского края издавна привлекала внимание русских археологов. В 1853—1854 годах здесь работала экспедиция графа А. С. Уварова, многочисленные находки которой пополнили коллекцию Исторического музея, а предметы, найденные во время раскопок под руководством П. С. Савельева в 1854 году, поступили в основном в Эрмитаж.

Церковную старину из города забирали для Владимирского епархиального древлехранилища. Таким образом, материальные памятники, связанные с историей Переславского края, вывозились из города, он лишался своего культурно-исторического наследия.

Ещё больше обострилась обстановка в 1917—1918 годах, когда скупщики, пользуясь невежеством церковных старост и бесхозностью дворянских имений, стали вывозить из уезда старинные вещи.

Лишь создание историко-художественного музея помогло убедить от окончательного распыления замечательные памятники — свидетельства многовековой истории края. Как научное и культурно-просветительское учреждение, по характеру своей работы музей нуждается в постоянном и систематическом пополнении коллекций. Комплектование музейных фондов, несомненно, один из основных видов музейной деятельности. Только при помощи подлинных предметов можно построить действительно интересную, неповторимую экспозицию.

В первые годы Советской власти в Переславском уезде активно идёт национализация помещичьих имений. Именно они стали в это время источником пополнения исторических коллекций музея.

Процесс отбора вещей подробно отражён в документах, хранящихся в Ростовском филиале Государственного архива Ярославской области.¹ В фонде есть акты обследований усадеб и списки взятых на хранение в музей вещей за 1918—1921 годы.

Плохая сохранность большинства документов не даёт возможности воссоздать целостную картину. Акты, составленные карандашом, в настоящее время трудно читаемы. Поэтому мы обратились и к другому источнику — дневникам М. И. Смирнова, на плечи которого легла основная работа по выявлению и отбору материалов исторического характера.² Преимущество дневниковых записей состоит ещё и в том, что Михаилом Ивановичем предварительно давалась краткая биографическая справка о владельцах имений и описывалось их состояние на момент обследования.

Первый транспорт прибыл в музей 30 октября 1918 года из села Семендяйка — имения Журавлёвых, оттуда были привезены: мебель красного дерева (диван, два кресла, бюро, стол), 12 предметов фарфоровой посуды, книжные раритеты, документальные материалы

¹ Ростовский филиал ГАЯО. Ф. 1268. Д. 1. Лл. 5, 12, 17, 27, 36, 45.

² Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 191. Д. 65. Л. 53—77.

(дела переславского ополчения за 1854—1855 годы и переславского предводителя дворянства).³

Важную роль в сборе материалов, представляющих музейную ценность, сыграла Комиссия по охране памятников истории и старины, созданная 17 декабря 1918 года постановлением Переславского совета народных депутатов. На неё возлагалось наблюдение за историческими памятниками и архивами в городе и уезде. Персонально в комиссию вошли: В. Магер-Паули от исполкома и уездного комитета РКП(б), Г. П. Альбицкий от отдела народного образования, возглавил комиссию М. И. Смирнов. Такое стечение обстоятельств для музея было очень благоприятным.

Имея широкий круг полномочий, данных советской властью, и обладая глубокими знаниями по местной истории, Смирнов мог беспрепятственно отбирать для хранения в музей наиболее ценные и интересные вещи.

Успеху собирательской работы на первом этапе во многом способствовала его организация, в чём также несомненная заслуга М. И. Смирнова. Предварительно им был составлен список усадеб и разработаны оптимальные маршруты их осмотра и описания. Предполагалось посетить село Бектышево — имение Самсоновых, Заболотье — имение Арманд, Загорье — имение Нарышкиных, Новосёлку — имение князей Гагариных, Семендяйку — имение Журавлёвых, Трёхселище — имение Леонтьевых.

Эту работу следовало провести в максимально сжатые сроки, так как крестьяне, разоряя усадьбы, растаскивали и уничтожали вотчинные архивы, книги и ценные вещи. Приезжая на место, сотрудники наблюдали печальное зрелище, типичным примером чего стало село Семендяйка. «Из двух барских домов один был без окон и дверей, а в другом доме был полный беспорядок: весь пол устлан был бумагами... мебель и обстановка сохранились только частью».⁴

За зиму и лето 1919 года все усадьбы были обследованы. Оттуда в музей поступили преимущественно бытовые предметы, как правило, разрозненные, положившие начало коллекциям керамики, мебели, одежды, рукописей и нумизматики.

Одновременно из усадьбы Ботик в музей были перевезены наиболее ценные вещи, относящиеся к петровской эпохе: указ Петра I

³ Там же. Лл. 54—55.

⁴ Там же. Л. 61.

об охране кораблей, остатки царского дворца и служебных помещений, корабельные снасти.

Новая волна массового пополнения исторических коллекций музея связана с ликвидацией переславских монастырей. Начиная с 1922 года, в городе и уезде один за другим закрываются монастыри и большинство церквей. В музей передаются наиболее ценные, порой уникальные в своём роде вещи. В основном это предметы культового назначения: церковная утварь, предметы облачения, рукописные книги, которые в значительной мере были вкладами представителей царской династии, родовитых князей и бояр. В их числе древнейший образец ювелирного искусства — потир XII века из Спасо-Преображенского собора, замечательные образцы лицевого шитья XVI века.

В двадцатые годы была заложена основа большинства исторических коллекций Переславского музея. Вещи, поступившие в этот период, по сей день представляют собой наибольшую ценность музейного собрания.

В первые годы существования музей выполнял в определённой мере и функции исторического архива, являясь местом, где собирались документальные материалы государственных и общественных учреждений, находившихся на территории уезда: полицейского управления, духовного училища, съезда мировых судей и земских начальников, земства, землеустроительной комиссии, Горицкого, Данилова, Никитского, Сольбинского и Фёдоровского монастырей, духовного правления.

В музей были привезены частные архивы переславских помещиков: Журавлёвых, Нарышкиных, князей Гагариных, Е. И. Волкова. Вероятно, это был значительный по объёму комплекс документальных материалов. Его описания в музее не обнаружено, скорее всего, его никогда не существовало, так как из ряда делопроизводственных записей следует, что документы свозились в музей, складывались в отдельном помещении, но не разбирались.⁵ Исключение составили монастырские архивы, которые М. И. Смирнов изучал при работе над монографиями.

В 1923 году в соответствии с положением о Едином государственном архивном фонде большая часть рукописей была передана во Владимирский губернский архив.

⁵ Переславский музей-заповедник. Архив. Оп. 1. Д. 32 (Музейное строительство, 1928). Л. 26, 52.

С тридцатых по начало пятидесятих годов в музее происходят значительные изменения. Политизация общественной жизни особенно сильно отразилась на формировании исторических коллекций, на содержании экспозиции исторического отдела музея.

Кардинально меняется соотношение собирательской и экспозиционной работы. Если ранее экспозиции создавались на базе уже собранного и систематизированного материала, то теперь новые темы стали диктовать направление поиска экспонатов. Ведущее место отводилось освещению советской действительности, поэтому в музей поступают преимущественно предметы, характеризующие производительные силы и социально-экономические стороны жизни района за годы Советской власти. Упор делался не на вещественные, а на документальные материалы. Стремление собрать как можно больше и учесть практически всё приводило к накоплению второстепенных материалов и загромождению фондов, то есть говорить о научном подходе к отбору в этот период вообще не приходится.

Основным источником пополнения музейных коллекций стали организации и промышленные предприятия, колхозы и совхозы, а наиболее распространённым способом комплектования — получение от них всевозможных сведений о работе, справок о работниках, образцов товарной продукции.

Экспедиции на предприятия часто приурочивались к юбилейным датам: годовщинам Октябрьской революции, партийным съездам. Задачи экспедиций состояли в документировании событий, поэтому в музей передавались диаграммы выполнения производственных планов, графики загрузки оборудования, портреты передовиков.

В начале тридцатых годов с ведома музейных органов совершается грабительский обмен между Переславским музеем и Государственным историческим музеем. Из города забирают потир XII века, а взамен дают 5 предметов мебели (диван и 4 кресла) и 12 предметов фарфоровой посуды.⁶ Теперь потир хранится в Оружейной палате. Несомненно, что в Москве ему гарантировалась лучшая сохранность, но всё же в Оружейной палате он воспринимается всего лишь как уникальное произведение древнерусского прикладного искусства, а в Переславле он нёс бы ещё и местную историческую нагрузку.

⁶ Переславский музей-заповедник. Архив. Оп. 1. Д. 31 (Музейное строительство, 1930). Л. 185.

Кроме того, для укрепления Ивановского областного музея передаётся водосвятная чаша 1680 года и евангелие 1689 года.⁷

Такие неравнозначные сделки существенно обедняли краеведческие музеи, лишая и без того не избалованного провинциального жителя возможности познакомиться с выдающимися творениями русских мастеров.

Сбор материалов по истории дореволюционного общества уходит на второй план. Наметившийся спад не отразился только на нумизматической коллекции, стабильное пополнение которой связано с регулярной передачей современных нумизматических материалов и с обнаружением кладов. Наиболее крупные поступления были: в 1935 году — клад русских монет XVIII века из села Усолье (321 штука),⁸ в 1937 году — клад монет времени царствования Ивана Грозного и Бориса Годунова (144 штуки),⁹ в 1938 году — клад монет XVII века (977 штук), в 1948 году — клад монет XIX века (532 штуки).

Археологические раскопки тридцатых годов привели к небольшому увеличению археологической коллекции. Заслуживает внимания инициатива музея провести в 1939 году собственными силами раскопки в местечке Кухмарь, но, с другой стороны, отсутствие специалиста вызывает сомнения по поводу того, насколько квалифицированно они были выполнены. В результате обнаружены предметы, относящиеся к бронзовому веку: глиняные сосуды, бронзовые и серебряные украшения. Раскопки в центральной части города между Спасо-Преображенским собором и земляным валом, проводимые под руководством сотрудника Института истории материальной культуры АН СССР Н. Н. Воронина, дополнили коллекцию вещественными материалами по истории Переславля XII века. Найденные фрагменты одежды переславского князя Дмитрия Александровича, остатки кожаной обуви, глиняные сосуды были подвергнуты исследованию и обработке в лаборатории Академии наук и возвращены музею.¹⁰

⁷ Переславский музей-заповедник. Архив. Оп. 1. Д. 72 (Планы и отчёты, 1946—1947 гг.). Л. 11. Чаша и евангелие были возвращены в 1946 году.

⁸ Иванов, К. И. Клад / К. И. Иванов // *Коммунар*. — 1935. — 10 сентября. — С. 1.

⁹ Иванов, К. И. Клад монет 15 и 16 веков / К. И. Иванов // *Коммунар*. — 1937. — 10 июля. — С. 2.

¹⁰ Переславский музей-заповедник. Архив. Оп. 1. Д. 61 (Музейное строительство, 1940). Л. 22.

С началом Великой Отечественной войны, когда над музеем нависла угроза закрытия, комплектование фондов полностью прекращается. Вновь оно, как и другие виды музейной деятельности, возобновляется в 1943 году.

Первостепенное внимание уделялось тогда сбору материалов о войне. Впервые в истории музея он проводился по специально разработанному плану, в котором предполагалось:

- составить картотеку героев войны,
- собирать документальные материалы и личные вещи,
- собирать записи рассказов и воспоминаний,
- собирать сведения о героях тыла,
- показать заботу населения о фронтовиках.¹¹

Конкретных сведений о том, как воплощался этот план, не сохранилось. Можно только предположить, что работа велась довольно активно, так как в течение 1944—1946 годов было собрано 869 экспонатов: личные вещи фронтовиков (одежда, народное оружие, награды), а также образцы продукции переславских предприятий.¹²

В 1946 году музей приступает к расширению и обновлению отдела социалистического строительства, сотрудники музея снова ведут сбор материалов.

Анализ вещественных поступлений показывает, что большинство предметов не только не представляли какой-либо ценности, но и не несли никакой социальной информации.

Комплектование велось по принципу «чем больше — тем лучше». От предприятий старались получить все до единого образцы выпускаемой продукции. В 1947 году музей приобретает 461 изделие Нагорьевского стекольного завода (пузырьки различных форм) и 176 предметов, выпускаемых артелью «Энергия».

Пополнение коллекций предметами, относящимися к дореволюционному прошлому, велось главным образом за счёт передачи в дар. Нерегулярность таких поступлений, обусловленная методом комплектования, прослеживается на протяжении всего этапа, но

¹¹ Переславский музей-заповедник. Архив. Оп. 1. Д. 66 (Музейное строительство, 1941—1945). Л. 203.

¹² Плотникова, П. П. Новые экспонаты в Переславском музее / П. П. Плотникова // *Северный рабочий*. — 1946. — 1 февраля. — С. 1.

Капустин, М. Забытый участок идеологической работы / М. Капустин // *Северный рабочий*. — 1952. — 31 декабря. — С. 2.

наиболее присуща послевоенному времени. Они были в буквальном смысле единичны: 1950 год — копьё железное, коралловое ожерелье, шкаф-буфет,¹³ 1952 год — тесак гвардейский, 1953 год — клад монет XVIII—XIX веков.¹⁴

Из изложенного следует, что формирование исторических коллекций неразрывно связано с общим направлением музейной деятельности на определённом этапе его существования и во многом продиктовано общественно-политической жизнью страны в целом. Необходимость сохранить от уничтожения и распыления ценные вещи в двадцатые годы, чрезмерная политизация всех сфер жизни с тридцатых до начала пятидесятых годов обуславливали формы и методы комплектования исторических коллекций.

¹³ Переславский музей-заповедник. Архив. Оп. 1. Д. 81 (Планы и отчёты, 1950 г.). Л. 152.

¹⁴ Батасов, П. Клад старинных монет / П. Батасов // *Коммунар*. — 1953. — 22 мая. — С. 4.

Секция 2

Региональная история,
археология и источниковедение

Переяславское евангелие 1389—1425 годов: проблемы датировки и стиля

Г. С. Колпакова

Переяславское евангелие из Публичной библиотеки в Петербурге (Ф.п.1.21) — рукопись, хорошо известная исследователям древнерусского искусства, миниатюры и палеографии.¹ Рукопись имеет запись писца: о написании книги в княжение великого князя московского Василия Дмитриевича по повелению игумена Саввы монастыря Святыя Богородицы Введения.

В XVI веке рукопись принадлежала переславскому же монастырю Николы на болоте, основанному святым Дмитрием Прилуцким в XIV веке.

Миниатюры, состоящие из четырёх портретов евангелистов и выходной иллюстрации со Спасом в силах, отличаются замечательной сохранностью, лишь поздняя позолота с новым рисунком портит седалища евангелистов и новая прорисовка нимбов искажает их древний облик.

Введённая в научный оборот ещё в конце XIX века, она поменяла на протяжении столетия множество атрибуций и явилась источником самых разных интерпретаций. Считалось, что миниатюры её созданы были под непосредственным воздействием творчества Феофана Грека, работавшего в Переславле около 1403 года,² или даже иллюстрации кодекса — результат деятельности Андрея Рублёва.³

Наиболее полноценно эту рукопись исследовали Г. И. Вздорнов и О. С. Попова, объектом внимания в обоих случаях была выходная миниатюра. Вздорнов и Попова единодушны в датировке и оценке рукописи. По мнению исследователей, кодекс иллюминирован до 1425 года двумя художниками: первый, более мастеровитый

¹ Вздорнов, Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-восточной Руси XII—начала XV века / Г. И. Вздорнов. — М.: Искусство, 1980. — С. 86 (со всей предшествующей литературой).

² Антонова, В. И. О Феофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове / В. И. Антонова // Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования. — М.: Советский художник, 1958. — Т. 2. — С. 25, пр. 6.

³ Lebedewa, J. Andrei Rubljow und seine Zeitgenossen / J. Lebedewa. — Dresden: Verlag der Kunst Dresden, 1962. — P. 38—39.

и профессиональный, создал выходную миниатюру со Спасителем, а второй, гораздо менее умелый, миниатюры с евангелистами и орнаментальные заставки с растительными мотивами. Круг аналогий переславской рукописи определён памятниками, группирующимися вокруг молдово-влахийского евангелия из Бодлеанской библиотеки 1429 года (русские рукописи: евангелие из Троице-Сергиевой лавры ОР РГБ 8655, Апостол ГРМ 20).⁴

В задачу настоящей работы входит детальный анализ стиля всех евангелистов, в том числе не бывших ранее предметом искусствоведческого исследования, и уточнение датировки памятника в связи с этим. Мы постараемся исходить из презумпции стилистического единства выходной миниатюры и образов евангелистов, несмотря на разницу художественного уровня их создателей.

Отправной точкой для выяснения хронологического этапа является пространственная характеристика: лишь пространственные отношения не позволяют спутать стилистические периоды, даже если иные художественные приёмы по инерции повторяют предшествующее развитие стиля.⁵ Пространство в миниатюрах Переяславского евангелия обычно интерпретируют как признак несовершенства художника и способ проявления национальных художественных навыков. Действительно, нельзя не признать, что мастера, создавшего эти миниатюры, нисколько не заботит «пространственный иллюзионизм». Пространственные отношения выглядят здесь достаточно условными. Они строятся на затруднённом сочетании плоских поверхностей и подчёркнуто объёмных форм, притом расположенных под углом к друг другу. Эти последние (пюпитры, седалища, подножия) последовательно осмысляются в контексте инверсной перспективы, для демонстрации «школьных» правил которой все архитектурные формы намеренно запрокидываются. Замечательно при этом, что ножки этих опрокинутых на зрителя объёмов остаются

⁴ Попова, О. С. Русская книжная миниатюра XI—XV вв. / О. С. Попова // Древнерусское искусство. Рукописная книга. — М.: Наука, 1983. — С. 56—58.

Попова, О. С. Миниатюры московского евангелия начала XV в. / О. С. Попова // Памятники культуры. Новые открытия. — М.: Наука, 1977. — С. 206—212.

Popova, O. S. Altrussische Buchmalerei 11. bis Anfang 16. Jahrhundert / O. S. Popova. — Leningrad: Aurora, 1984. — № 30.

⁵ Остащенко, Е. Я. Пространственные решения в некоторых памятниках московской живописи как отражение развития стиля в конце XIV—первой трети XV в. / Е. Я. Остащенко // Древнерусское искусство XIV—XV вв. — М.: Наука, 1984. — С. 59.

всегда на одном уровне, выстраиваясь словно в карауле по одной горизонтальной прямой. Игрой масштабов и пропорций, облика и места архитектурных форм «задаётся» пространственное положение фигур, и это особенно важно, поскольку позиции последних с точки зрения иллюзорных построений абсолютно условны.

Всё в целом придаёт пространству оттенок намеренного конструирования с целью подчёркнутого выделения центрального объекта, сохраняющего благодаря этому зрительную стабильность в общей алогичной структуре. Аналогичные пространственные конструкции мы обнаруживаем в памятниках широкого круга, ближе всего нашим миниатюрам иллюстрации Румянцевского евангелия 1401 года, Чудовского евангелия из ГИМ, а также отчасти рукописи из собрания МГУ 2 Вг 42.⁶ Надо сказать, что некоторые мотивы архитектурного стаффажа буквально совпадают в Переяславском кодексе и Румянцевском евангелии (табурет евангелиста Луки).

Практически во всех упомянутых рукописях намеренную ритмичность пространственным построениям придают и несогласованно окрашенные различные плоскости архитектурных форм, расположенные под углом друг к другу. Почти чёрные глубокие проёмы на первый взгляд выявляют стереометрию архитектуры, но её пространственные развороты неестественны и затруднены настолько, что в трёхмерность объёмов трудно поверить. Рядом с крупными объёмами обязательно существуют немасштабные хрупкие детали, вроде лёгких «оживающих» звериными мордочками колонок или тончайшей графической разработки «трав», сквозными росчерками вырастающих на крышах зданий. Всё в целом разрушает естественность в восприятии созданной художником прихотливой среды.

Искусство XIV века, совершив существенный поворот в пространственном восприятии в самом своём начале, на всём протяжении развития сохраняет понимание пространства как среды действия, подчинённой активности изображаемых персонажей.⁷ Лишь рубеж

⁶ *Вздорнов, Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северовосточной Руси XII—начала XV века / Г. И. Вздорнов. — М.: Искусство, 1980. — № 50, 55.

Popova, O. S. Altrussische Buchmalerei 11. bis Anfang 16. Jahrhundert / O. S. Popova. — Leningrad: Aurora, 1984. — P. 35.

⁷ *Колпакова, Г. С.* Роспись церкви Успения на Волотовом поле и византийская живопись третьей четверти XIV столетия. Проблемы стиля и духовной ориентации / Г. С. Колпакова // Искусство христианского мира. Сборник статей. — М., 1996. — Т. 1. — С. 52—53.

XIV и XV столетий приходит к принципиально новому осмыслению пространственных отношений. Они ориентируются не на действие изображённых лиц, а на личный опыт воспринимающего человека. Сближение пространственных планов в памятниках этого времени заостряет их несовместимость и граница между различными пространственными зонами никогда не является чем-то заранее данным.⁸ Она подвижна и поиски её требуют личного участия созерцающего изображение.

Эта специфическая экстериоризация структуры пространства (переход изнутри формы вовне) приводит к изменению способов взаимодействия фигуры с окружением. Утрачивающие внешнюю активность почти неподвижные образы отличаются, как правило, весьма неестественной посадкой: они либо сваливаются с седалищ, либо скользят по опрокинутой поверхности табуретов, либо, не имея точки опоры, повисают в воздухе, почти не касаясь сидений.

Выявленные нами черты общности равно объединяют между собой и русские произведения, и греческие либо грекофильские памятники, а также вещи, близкие к сербскому кругу. Неконструктивные признаки, характерные (по определению исследователей) для русского художника, оказываются признаками определённого стилистического этапа, переживаемого различными по ориентации и уровню мастерами и различными художественными ареалами в конце XIV века. Отправной точкой для определения этого этапа является присутствие в этом круге датированного памятника — рукописи Румянцевского евангелия 1401 года. С точки зрения пространственных характеристик, верхней границей этого периода являются 10-е годы вплоть до 1425 года. Именно с этого времени пространственные отношения становятся необыкновенно лёгкими, свободными и динамичными. Самостоятельное движение пространства определяет ритмику и естественную органику пребывания фигур в окружающей среде. Пространство утрачивает материальные границы: оно развивается беспрепятственно в любых направлениях, его параметры — сквозны и неуловимы. Отныне оно определено не мерой движения изображённых персонажей, но понято как единая духовная среда.

⁸ *Осташенко, Е. Я.* Пространственные решения в некоторых памятниках московской живописи как отражение развития стиля в конце XIV—первой трети XV в. // *Е. Я. Осташенко // Древнерусское искусство XIV—XV вв.* — М.: Наука, 1984. — С. 72.

Чувство новой ритмической свободы объединяет между собою целый ряд памятников — фрески церкви Рождества Богородицы в Городне,⁹ миниатюры Голтыевского евангелия Троице-Сергиевой лавры (ОР РГБ 8655) и евангелия Успенского собора Московского Кремля (ГИМ, Усп. 2-п),¹⁰ иконы Троицкого иконостаса и другие.¹¹ Важно, что произведения, объединённые этим временным отрезком, сопрягаются с понятием послерублёвского стиля, причём последнее — не только хронологическая характеристика, но сущностное, понятийное определение.

Неиллюзионистические принципы в интерпретации пространства в наших миниатюрах соединяются с намеренной широтой и расплывчатостью силуэтов, правильнее будет сказать, что эти факторы взаимосвязаны друг с другом. Облегчение формы, разрыхление и преобразование объёмных масс выражается в заведомо алогичных способах существования фигур в пространственной среде. Это тоже один из общих признаков стилистической фазы рубежа столетий. В нашем памятнике он получает особую интерпретацию. Движения становятся особенно сдержанными, они почти не вторгаются в пространство вокруг фигуры, руки обязательно прижимаются к туловищу, жесты некрупных дланей часто вообще лишены смысловой и символической выразительности, столь значимой ещё недавно. Их нейтральность с точки зрения формы и с точки зрения внутреннего смысла помогает контурам сохранить замкнутость, а силуэтам — предельную обобщённость. Фигуры сидящих евангелистов отличает даже особая нерасчленённая бесформенность и «мешкообразность», утрируемая параллельным рисунком складок материй и пробелов, а также дублирующими силуэты графическими очерками, существующими вне связи с какой-либо формой.

Сходные угловатые и анатомически аморфные очертания форм можно обнаружить в Румянцевском евангелии, в Чудовском евангелии (ГИМ, 3), отчасти — в иконе Деисуса с Этимасией конца XIV

⁹ Попов, Г. В. Тверская икона XIII—XVII веков / Г. В. Попов. — СПб.: Аврора, 1993. — С. 20, илл. 22—25.

¹⁰ Вздорнов, Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-восточной Руси XII—начала XV века / Г. И. Вздорнов. — М.: Искусство, 1980. — № 65.

¹¹ Осташенко, Е. Я. К вопросу о стиле московской живописи времени митрополита Фотия / Е. Я. Осташенко // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре, духовной жизни России. Международная конференция. Тезисы докладов. — Сергиев Посад, 1998. — С. 54—55.

века из ГТГ (хотя памятник находится в плохой сохранности, судить о нём трудно).¹²

Наибольшей близостью к нашим миниатюрам в этом смысле отличаются фигуры апостолов с переславской иконы Преображения, создание которой приурочивается к обновлению Преображенского собора, а стиль которой безосновательно связывается с Феофаном Греком.¹³ Силуэты фигур в этой иконе отличаются сходной размашистостью, размытостью, усиленной графической проработкой, многократно повторяющей их очертания. Наверное, не случайна и колористическая близость выходной миниатюры евангелия и цвета материй одежды апостолов (синие пробела на красном).

Особого внимания заслуживает личное письмо, различное в выходной миниатюре и в портретах евангелистов. Спаситель написан более плотно, с большим количеством цветовых оттенков, и более интенсивно по конечному результату. Но и в нём есть впечатление свободно льющейся по поверхности краски и произвольного движения кисти (сравним написание ключиц). В лёгкости и прозрачности санкирей, в особой сдержанности и деликатности телесного тона, закрашивающего большие поверхности, в отрывочности и осторожности робких и частых пробелов-движек в ликах евангелистов присутствует необычное ощущение старательного воспроизведения всех приёмов создания личного и сокровенной внутренней чистоты, стремления донести то, на что ориентировался мастер в очень точном, неизменённом виде. Это заставляет предполагать (как и в миниатюре со Спасителем) копирование какого-то более раннего образца, но эта тема выходит за рамки нашей работы.

Слои личного письма абсолютно прозрачны и нанесены очень жидкой кистью, все цвета (в портретах евангелистов) взяты в полсилы, все тени невесомы и лишены плотности. Личное письмо, сделанное ровно и почти плоско, не требует от зрителя прежней активности при восприятии лика, сопрягаемого ещё недавно со внутренним освоением богатой и по цвету, и по фактуре, ещё очень материализованной поверхности. Сам акт созерцания становится более отстранённым от живописного и эстетического, да и просто — от зрительного начала, зато он связан с легко прочитываемым внутренним смыслом.

¹² Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. — М.: Красная площадь, 1995. — Т. 1: Древнерусское искусство X—начала XV века. — №№ 89, 19.

¹³ Там же. — № 62.

Среди аналогий такому способу создания личного письма — русские произведения, такие как иконы Иоанна Предтечи из Коломны (ГТГ) и Сошествия во ад (ГТГ), а что ещё важнее, византийские. Несмотря на гораздо более крупный масштаб и импозантность неоклассики, в них можно проследить черты, свойственные фрескам города Цаленджиха (Грузия), созданным константинопольским мастером Киrom Мануилом Евгеником (та же ровность и облегчённость личного письма, те же сходные качества его вечно дрящущегося и неизменного сияния, связанные с характером соотношения основного телесного колера и световых движек), или в иконах Высоцкого чина (тоже до 1395 года).¹⁴ Не исключено, что к этому же этапу следует отнести икону из Британского музея, датируемую обычно 1300 годом.¹⁵

Есть и ещё один оттенок в личном письме и во всей художественной структуре Переяславского евангелия. Оно сделано очень неброско, невидно, с намеренно сдерживающими размах руки движениями кисти. Внешняя неэффектность приёмов, их односложность, почти заторможенность не мешает, а наоборот, способствует выражению глубокой внутренней сути, оказывающейся мало связанной с эстетическими категориями.

При этом сокровенная духовная жизнь образов Переяславского евангелия соответствует лучшим произведениям московской живописи конца XIV века. Круг их достаточно широк, но среди самых близких — икона с Иоанном Предтечей из Коломны и образы ветхозаветных праведников из коломенской же иконы Сошествия во ад. Оба произведения достаточно хорошо изучены и обрели свой подлинный художественный и духовный контекст.¹⁶ Специфика воздействия этих икон связана с кардинальными русскими чертами в понимании художественного образа и его внутреннего смысла: антиклассичностью, но ненамеренной, не демонстративной (как,

¹⁴ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. — М.: Красная площадь, 1995. — Т. 1: Древнерусское искусство X—начала XV века. — №№ 72—77.

Лазарев, В. Н. История византийской живописи / В. Н. Лазарев. — М.: Искусство, 1986. — Т. 2: Таблицы. — № 534 (ср. с ликом Иоанна), 535 (ср. с ликом Спаса), 537 (ср. с ликом Матфея), ср. также фреску 541 (Арий).

¹⁵ Buckton, D. Byzantium / D. Buckton. — London: British Museum Press, 1994. — P. 192, № 206 (Icon of St. John the Baptist).

¹⁶ Попова, О. С. Аскеза и Преображение. Образы византийского и русского искусства XIV века / О. С. Попова. — Милан: La casa di Matriona, 1996. — С. 82—83.

например, на Востоке), а просто незаинтересованностью в классическом, сниженностью всех антропоморфных и структурных качеств, общей аморфностью пластического, а, может быть, и вообще материального начала.

Есть ещё один существенный оттенок в прочтении икон и миниатюр этого круга, до сих мало осознанный. Эта особенная внутренняя интонация мало связана с традиционной для конца XIV века темой зримого просветления мира и человека, но — в большей мере с идеей его тщательно сберегаемой «райской» чистоты, сохранения во всём его девственной сути. Именно отсюда — намеренная деликатность и однородность личного письма, чистые первозданные оттенки в некрасивых по сути цветах колорита, особая удалённость всего, что касается движения и жеста, как бы боязни расплескать внутреннюю замкнутую целокупность.¹⁷ Любовь и восторг перед нетронутой первозданностью мира и человека, нечто детское, почти младенческое, противоречащее рациональной рефлексии, просвечивает с особой интенсивностью и в облике евангелиста Матфея, и в образе Прохора, и в сказочных тонких соцветиях, украшающих углы миниатюр и заставки. Евангельское напутствие Христа «Будьте мудры как змии и просты как голуби», окрасившее в своеобразные тона эпоху великих русских подвижников, как кажется, отразилось и в «голубиной простоте» самого русского по интонации искусства.

Подведём итоги.

1) Рукопись из Переславля по стилю, по кругу аналогий должна быть датирована около 1400 года.

2) Приблизительно с 10-х годов XV столетия в византийском и русском искусстве начинается иной этап. Именно с ним связаны произведения, по традиции сближаемые с переславским манускриптом — миниатюры Апостола из Русского музея, 20, Троицкое евангелие 8655, Бодлеанский кодекс 1429 года.

3) Пространственные характеристики во всех миниатюрах переславской рукописи, на наш взгляд, связаны не с проявлением национальных особенностей художника, но с признаками определённого

¹⁷ Ср. лики ветхозаветных праотцев из правой группы в иконе Сошествие во ад и лик Матфея, лик Авеля на коломенской иконе и лик Прохора в переславской миниатюре, наконец, лик Иоанна Предтечи на иконе из Коломны и лик Спасителя в выходной миниатюре.

стилистического этапа, прослеживаемого во многих произведениях около 1400 года.

4) Можно полагать, что образцом для переславской рукописи послужили миниатюры какого-то кодекса конца XIII или начала XIV века (в частности, об этом свидетельствует типология образов), что и затрудняет точную стилистическую идентификацию исследуемых миниатюр.

Документы личных фондов музея-заповедника «Московский Кремль» — источники по региональной истории

М. К. Павлович

Документальное собрание, хранящееся в отделе рукописных, печатных и графических фондов (ОРПГФ) музея-заповедника «Московский Кремль», невелико, оно насчитывает всего 54 фонда. Наиболее значительную его часть составляют источники, отражающие деятельность Оружейной палаты XIX—начала XX веков и Государственных музеев Московского Кремля, получивших в 1990 году статус музея-заповедника, а также фонды Московского дворцового управления, церквей и монастырей Москвы, как разрушенных или упразднённых в бурные послереволюционные годы, так и существующих в наши дни.

Самостоятельный документальный комплекс составляют источники личного происхождения. Преимущественно это материалы лиц, работавших в Оружейной палате или связанных с этим музеем. Некоторые из них начали свою службу в Кремле ещё до 1917 года, другие пришли в 1920—1930-х годах и позднее. Есть в нашем архиве и документы коменданта Московского Кремля Николая Кирилловича Спиридонова, крупных учёных Георгия Карловича Вагнера и Татьяны Васильевны Николаевой, являвшихся членами Учёного совета музея и связанных с ним долгими годами сотрудничества. Ценность личных фондов неравнозначна. Некоторые из них, например собрания Фёдора Яковлевича Мишукова, Дмитрия Ивановича Успенского и Татьяны Васильевны Николаевой, насчитывают сотни единиц хранения и содержат уникальный справочный материал, не утративший своей ценности в наши дни, другие же представлены всего несколькими десятками дел. Неодинакова и история их поступления.

Большинство документов, образующих личные собрания ОРПГФ, связано с работой фондообразователей именно в Московском Кремле или же с их научной деятельностью, однако в этих фондах немало источников по региональной истории. Именно они и являются объектом нашего сообщения. Многие сотрудники или члены учёного совета музея-заповедника «Московский Кремль» являлись урожен-

цами других городов России и, естественно, начало их жизненного и творческого пути тесно связано с тем местом, где они родились и выросли. Позднее, переехав в Москву по самым различным причинам, они не утратили связь с малой родиной. Познакомимся с частью личных собраний документальных материалов.

Фонд Николая Васильевича Гордеева (фонд Ф. 33) поступил в архив музея в два этапа — в 1969 году и в 1995—1998 годах, когда его дочери Елена Николаевна Соколова и Ирина Николаевна Гордеева подарили немало ценных фотографий и документов своего отца. Николай Васильевич Гордеев (1905—1973) — старший научный сотрудник, хранитель фонда оружия Музеев Кремля, автор многочисленных работ по Оружейной палате и по Кремлю, отдавший нашему музею 37 лет своей жизни, родился в старинном русском городе Муроме в семье рабочего.

Его женой стала муромская уроженка Александра Владимировна Пехова, отец которой Владимир Иванович Пехов держал книжную лавку и был автором замечательной книги «Муром в прошлом и настоящем» (Муром, 1917), не утратившей своей ценности и теперь. В фонде Гордеева есть и фотографии Владимира Ивановича Пехова с семьёй, и семейная фотография Гордеевых 1910-х годов.¹

В Муроме Николай Васильевич Гордеев начал свою карьеру музейщика, сначала трудился в Муромском музее местного края бесплатно, затем был зачислен в штат. Он возглавлял антирелигиозный и историко-революционный отделы, принимал участие в организации и оформлении выставок. Благодаря его стараниям в музее был создан фотокабинет. Этот период отражают документы конца 1920-х и начала 1930-х годов, среди которых план работы Муромского музея на октябрь 1930—декабрь 1931 годов и фотографии экспозиции, в оформлении которой участвовал Николай Васильевич.² В архиве Муромского музея эти документы автором не обнаружены.

Стоит добавить, что Николай Гордеев с юных лет занимался рисованием и пронёс своё увлечение через всю жизнь. Ему повезло, так как его первым учителем был академик живописи Иван Семёнович

¹ Подробнее о фонде Н. В. Гордеева см.: *Павлович, М. К.* Собрание документов Н. В. Гордеева в архиве музея «Московский Кремль» / М. К. Павлович // Сокровищница России. Музей «Московский Кремль» вчера, сегодня, завтра. Тезисы докладов научной конференции. — М.: Музей-заповедник «Московский Кремль», 1997. — С. 54—56.

² ОРПФ ГИКМЗ МК. Ф. 33. Оп. 2. Дд. 12, 13.

Куликов. Документы фонда наглядно знакомят нас с художественной жизнью города того времени. Это газетные статьи о выставках муромских художников, справки и удостоверения Муромского РК ВЛКСМ и Муромского исполкома о выполнении Гордеевым работ по оформлению города к различным праздникам.³ Таким образом, среди материалов рассмотренного нами фонда немало источников по истории города Муром.

Работы Владимира Николаевича Иванова (1906—1991), известного деятеля культуры, директора Музея архитектуры Академии строительства и архитектуры СССР, заслуженного деятеля искусств СССР, посвящены Московскому Кремлю, русской архитектуре и городам Золотого кольца России. Часть его творческого пути неразрывно связана с Оружейной палатой. Так, в 1928—1935 годах он трудился в Московском Кремле, пройдя за семь лет путь от стажёра до заведующего отделом «Памятники Кремля», а в 1960—1966 годах, будучи заместителем директора ГММК по научной работе, внёс значительный вклад в развитие этого направления деятельности. Комплектование его личного фонда (фонд Ф. 42) было начато в 1995 году, когда его вдова Вера Александровна Иванова передала в наш архив ксерокопии мемуаров Владимира Николаевича, написанных им уже в преклонном возрасте, в 1980-е годы, и связанных со службой в Кремле. Позднее его сын Владимир Владимирович Иванов подарил нам подлинные воспоминания отца и несколько фотокопий. Без сомнения, большинство этих материалов отражает именно московский, кремлёвский период работы, однако среди них есть источники, представляющие интерес для учёных краеведов.

Прежде всего это воспоминания о Ростовском кремле середины 1920-х годов. Семья Ивановых была тесно связана с Ростовским кремлём и проживала на его территории. Музейными работниками были Дмитрий, Сергей, Пётр Ивановы. Неудивительно, что по стопам своих родных пошёл и Владимир Николаевич. Будучи студентом сначала Ярославского, а затем (с 1928 года) Московского университетов, все свои студенческие каникулы он проводил на практике в музее родного города. В его памяти сохранились образы сослуживцев — директора Дмитрия Алексеевича Ушакова и библиотекаря Геннадия Константиновича Шлякова, интерьеры и экспонаты залов тех лет. Позднее всё это оказалось запечатлённым для потомков

³ Там же. Дд. 5, 6, 7.

в небольших, но увлекательных рассказах, записанных неровным и малоразборчивым почерком на страницах блокнотов.

В его мемуарах мы находим эмоциональное, даже восторженное описание экспозиции, посвящённой 40-летию юбилею Ростовского музея, отмечавшемуся в ноябре 1923 года. Приведём небольшой отрывок из этих источников. «Особенно великолепны были бытовые комнаты на 3-м этаже. Каждая из них была окрашена в свой цвет... Стильная мебель, акварели, гравюры, портреты своей эпохи, светильники, ковры и вышивки, посуда, хрусталь, веера, кружева и тому подобное составляли целый ансамбль, который при отсутствии дворцов в Ростове, кроме как в музее, посмотреть больше было негде».⁴

Владимир Николаевич вспоминал о раскопках Сарского городища, проходивших под руководством профессора Дмитрия Николаевича Эдинга, приглашённого из Москвы, и о Борисоглебском монастыре, являвшемся в те годы филиалом Ростовского музея.⁵ Юный практикант был первым хранителем обители, где к тому времени почти не осталось монахов, а в опустевшие помещения вселялись новые жильцы. Отражены в мемуарах и экспедиции по сёлам в окрестностях Ростова, где он и его товарищи, тоже студенты-практиканты, собирали экспонаты для создания нового раздела экспозиции — этнографического.

В печально знаменитые 1930-е годы, работая в отделе «Памятники Кремля» в Московском Кремле, Владимир Николаевич не раз ездил в командировки по городам России, и в его память навсегда врезалось невероятно варварское уничтожение бесценных памятников старины. Гневом и болью полны скупые слова его мемуаров, посвящённые тому периоду. «Оборотная сторона культурной революции... Из Суздаля вернулся В. К. Клейн (заместитель директора Оружейной палаты), приостановил социалистическое соревнование по спарыванию жемчуга с пелён XV—XVII веков — вкладов в суздальские монастыри. Он забрал и привёз пелены в Оружейную палату... В 1933 году был в Костроме... Застали сломку соборной группы в Кремле. Из церкви Воскресения выбрасывали на улицу иконы, освобождали церковь под склад зерна. В Губфинотделе плющили серебряные антикварные вещи, которые жалобно хрустели

⁴ Там же. Ф. 42. Оп. 2. Д. 14.

⁵ Там же. Д. 15.

под прессом. Кое-что удалось отобрать и вывезти в Оружейную палату...»⁶ Пожалуй, никакие официальные документы не могут заменить эти яркие картины, запечатлённые в памяти очевидца.

Нельзя не упомянуть документальное собрание библиотекаря и хранителя фонда оружия Дмитрия Ивановича Успенского, трудившегося в Кремле в 1902—1929 годах, поступившее в 1976 году. Фонд Успенского (фонд Ф. 22) насчитывает 559 единиц хранения и является наиболее многочисленным.⁷ Дмитрий Иванович начал свой творческий путь как этнограф, наблюдавший и изучавший жизнь народа в родной Тульской губернии. Собранные им песни, поговорки, обряды были опубликованы в конце XIX и начале XX века в небольших работах «Благовещение», «Похоронные причитания», «Свадебные венчальные песни», представляющих несомненную ценность для этнографов и краеведов, а также, в силу лёгкого и увлекательного характера повествования, для всех читателей.

Круг научных интересов Дмитрия Ивановича Успенского отличался необыкновенной широтой. Его привлекали и история Москвы, и Смутное время, и правление Павла, строительство каналов, морская торговля и экспедиции, создание российского флота. Именно он опубликовал заметку об истории усадьбы «Ботик», упоминание о которой мы и сейчас найдём в путеводителях по Переславлю.⁸ В послереволюционные годы он занимался изучением истории ремесла в России. Сохранилось немало черновиков, выписок из архивных источников и литературы, посвящённых производству оружия в Туле, жизни тульских ремесленников и их связях с Оружейной палатой.

Два года назад было положено начало комплектованию документов крупного учёного Георгия Карловича Вагнера, долгие годы члена учёного совета нашего музея (фонд Ф. 51). Основные материалы о его жизни и деятельности находятся в Институте археологии РАН, однако благодаря содействию племянницы Георгия Карловича — Ксении Ксанфиевны Кузнецовой в Московском Кремле также имеется небольшое собрание документов об этом удивительном человеке.

⁶ Там же. Д. 13. Л. 1.

⁷ Подробнее о фонде Д. И. Успенского см.: Павлович, М. К. Фонд Д. И. Успенского в отделе рукописных, печатных и графических фондов Музеев Кремля / М. К. Павлович // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Материалы научной конференции 1989 г. — М., 1992. — Вып. 1. — С. 151—158.

⁸ Успенский, Д. И. Ботик Петра Великого / Д. И. Успенский // Русская старина. — 1907. — Июль. — С. 185—187.

Среди них фотографии разных лет учёного и его жены — художницы Александры Николаевны Терновской, статьи и авторефераты, присланные Вагнеру другими авторами на рецензию или в знак благодарности, на полях которых мы видим вопросы и замечания, свидетельствующие о внимательном и небезразличном прочтении. Есть подборки газетных и журнальных статей о Георгии Вагнере, воспоминания о нём. Но, пожалуй, особую ценность представляют подлинные письма учёного, подаренные музеем его земляками, краоведами Рязанской земли Сергеем Васильевичем Чугуновым и Павлом Александровичем Шаровым, Александром Николаевичем Бабием, школьной подругой Александры Николаевны Терновской — Натальей Трофимовной Молодой.

Среди огромного множества научных трудов Георгия Карловича Вагнера немалое место занимают работы, посвящённые родному Рязанскому краю.⁹ Три написаны в соавторстве с Сергеем Васильевичем Чугуновым. Сохранившиеся письма раскрывают деятельность этого творческого союза, рассказывают о трудностях, возникавших в работе, и нелепых обвинениях в воспевании «дворянских гнёзд», которыми была встречена первая книга из этой серии — «Рязанские достопамятности». Позднее Вагнер был удостоен звания «почётный гражданин Рязани». В настоящее время работа по комплектованию фонда продолжается, идёт выявление круга лиц, располагающих материалами о Вагнере, ведутся переговоры о передаче этих источников в музей-заповедник «Московский Кремль».

В августе 1998 года в наш архив поступили документы Сергея Васильевича Чугунова — ученика Георгия Карловича по Рязанскому художественному училищу, все свои силы отдающего краеведению.

В августе 1998 года в наш архив поступили и документы Сергея Васильевича Чугунова — ученика Георгия Карловича по Рязанскому художественному училищу, все свои силы отдающего краеведению.

⁹ Вагнер, Г. К. Старые художники и архитекторы Рязани / Г. К. Вагнер; Рязанский художественный музей. — Рязань: Рязанское книжное издательство, 1960.

Вагнер, Г. К. Рязань / Г. К. Вагнер; фото А. А. Александрова и Д. В. Белоуса. — М.: Искусство, 1971.

Вагнер, Г. К. Рязанские достопамятности / Г. К. Вагнер, С. В. Чугунов. — М.: Искусство, 1974.

Вагнер, Г. К. По Оке от Коломны до Муромы / Г. К. Вагнер, С. В. Чугунов. — М.: Искусство, 1980.

Вагнер, Г. К. Окраинными землями рязанскими / Г. К. Вагнер, С. В. Чугунов. — М.: Искусство, 1995.

В его фонде (фонд Ф. 52) содержатся ценнейшие материалы по истории Рязани и её окрестностей — списки знатных рязанцев, архитекторов, писателей, историков, военных, начиная с XVIII столетия и кончая нашими современниками, перечни и описания старинных особняков, церквей, монастырей, дворянских усадеб, чертежи и рисунки зданий, черновики статей.

Одним из условий передачи этих источников по региональной истории был запрет на их публикацию в течение 25 лет. Надеемся, что по окончании срока все его материалы, содержащие огромный пласт информации, собранный человеком, буквально обошедшим весь Рязанский край, будут востребованы потомками.

К источникам личного происхождения можно отнести и документальные коллекции современных художников-ювелиров, чьи произведения хранятся в запасниках музея и нередко экспонируются на выставках (фонд Ф. 30). Здесь мы можем познакомиться с эскизами и фотографиями работ, афишами и буклетами выставок, изданными порой очень незначительным тиражом, с биографиями художников-ювелиров, места проживания которых не ограничиваются одной Москвой. Мы располагаем документами жителей Санкт-Петербурга, Ростова Великого, Кишинёва, Екатеринбурга, Ярославля. Документальные сведения об авторах облегчают работу хранителей фонда русского серебра по изучению полученных от них экспонатов, знакомят с основными тенденциями и направлениями развития ювелирного искусства на современном этапе.

Личные документальные собрания из музея-заповедника «Московский Кремль» содержат ценную информацию по самой различной тематике и ждут своих исследователей — историков, краеведов, искусствоведов.

Дирекция Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль» выражает благодарность всем лицам, передавшим в архив музея документы личного происхождения.

Переславский колокол 1649 года мастера Андрея Савича

В. Г. Пуцко

Лишь немногие старые колокола имеют надписи с именами изготовивших их мастеров.¹ К их числу принадлежит большой колокол, прежде находившийся на колокольне Горицкого монастыря в Переславле-Залесском, ныне хранящийся в Переславском музее-заповеднике. По высоте он достигает 1 м, диаметр нижних берегов достигает 86 см. По словам первого из упомянувших о колоколе в печати авторов, вес изделия достигает 50-ти пудов.²

Особую ценность этому колоколу придаёт украшающая его трёхстрочная рельефная кириллическая надпись. Её текст, с расшифровкой обычных сокращений, выглядит так: «За позволенем его милости пана Богдана Хмельницкого, гетмана войска Запорозского, и за старанем братства храма Рождества Пресвятой Богородицы нового места Чудново року 1649 месяца июля дня 21. Андрей Савичь людвистр». Смысл цитированной надписи станет понятным, если её рассмотреть на фоне исторических событий, которые происходили в середине XVII века на Украине.

Упомянутое «новое место Чудново» находится возле Житомира. По актовым материалам оно известно с 1587 года. Исследователь Вольни Н. И. Теодорович сообщает о деревянной церкви Рождества Богородицы в Чуднове, сооружённой в 1772 году.³ По данным надписи на колоколе, она заменила храм, уже существовавший в 1649 году, с братством при нём. В исторической литературе Чудново известно главным образом тем, что в 1660 году там был заключён договор между Россией и Речью Посполитой, за подписью боярина В. Б. Шереметева и польских коронных гетманов.

¹ См. примеры: Колокола: История и современность. — М.: Наука, 1985.

² *Свирелин, А. И.* Надписи, имеющиеся в г. Переславле-Залесском / А. И. Свирелин // Труды седьмого археологического съезда в Ярославле 1887 / Под ред. графини Уваровой. — М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1892. — Т. 3, приложение. — С. 32.

³ *Теодорович, Н. И.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Вольнской епархии / Н. И. Теодорович. — Почаев: Типография Почаево-Успенской лавры, 1888. — Т. 1. — С. 134.

До июля 1649 года происходили небольшие стычки между поляками и отдельными отрядами казаков, к тому времени уже одержавших победы под Жёлтыми Водами, Корсунем и Пилявою. Борьба с Польшей, завершившаяся присоединением Украины к России, приостановила импорт изделий западных мастеров литейного дела и заставила встать на путь самостоятельного развития литья. Для этого существовали вполне благоприятные условия: было сырьё в виде многочисленных месторождений железной болотной руды, медь и олово можно было покупать за водку и товары, а мастера поехали из той же Польши в надежде на большой заработок.

Конечно, мастерские, в которых отливали пушки и колокола, не были заводами в обычном понимании этого слова. Они скорее представляли собой небольшие предприятия, в которых простейшими приёмами изготавливали названные изделия.

Упоминание имени гетмана Богдана Хмельницкого в надписи на тулове колокола 1649 года для церкви в Чуднове указывает на его изготовление в военной мастерской: иначе едва ли было необходимо подтвердить разрешение произвести отливку мастеру (людвистру) Андрею Савичу, имя которого до недавнего времени оставалось неизвестным в истории украинского литейного искусства.

На сегодняшний день зафиксировано сравнительно немного украинских датированных колоколов XVII века.⁴ Наиболее ранний из них, 1629 года, под названием «Скликун большой», известен из описи колоколов Покровской церкви в селе Сулимовка на Переяславщине, составленной в 1799 году.⁵ Этим же 1629 годом датирован колокол Репецкой церкви (село Репки), вошедший в коллекцию Черниговского музея (номер И-2721).⁶ В 1633 году во Львове отлил колокол мастер Каспар. Там же известен колокол мастера Андрея Франка, отлитый в 1643 году, как и колокол киевского Выдубицкого монастыря, работы инога людвистра.

Нет необходимости перечислять здесь все колокола, отлитые на Украине в XVII веке, но следует всё же упомянуть один из них,

⁴ Жолтовский, П. Н. Колокола на Украине / П. Н. Жолтовский // Колокола: История и современность. — М.: Наука, 1985. — С. 163—167.

⁵ Стороженко, А. В. Очерки переяславской старины / А. В. Стороженко. — Киев: Типография Г. А. Фронцкевича, 1900. — С. 216.

⁶ Баран-Бутович, С. Людвисарські вироби XVII—XVIII ст. у Чернігівському державному музеї / С. Баран-Бутович. — Чернігів, 1930. — С. 13.

изготовленный в том же 1649 году. Он происходит из Рославич на Киевщине.⁷

П. Н. Жолтовский допускал, что эти оба колокола 1649 года вместе с колоколом 1648 года Преображенской церкви в Дубно могли быть изготовлены в одной мастерской на Волини.⁸ Декоративное оформление этих произведений литейного дела очень скромное. Характерно, что, в отличие от русских колоколов, памятная надпись расположена не на юбке (что ухудшает звучание), а в верхней части тулова, ближе к крыше.

Литейное искусство Украины, в основном представленное пушками и колоколами, уже давно служит предметом пристального внимания исследователей.⁹ За последние десятилетия обнаружены ранее неизвестные образцы. Иногда они оказываются там, где, казалось бы, их меньше всего можно предполагать, и колокол мастера Андрея Савича в этом смысле не составляет исключения. Его надпись ценна и сообщением о существовании в 1649 году братства при церкви Рождества Богородицы в Чуднове, оставшегося неизвестным даже исследователю братств на Украине.¹⁰

Когда и при каких обстоятельствах этот колокол мог оказаться в Переславлe-Залесском?

Здесь, в Горицком монастыре, с 1744 по 1788 год существовала резиденция епископов, которые все были украинцами и отличались большим строительным азартом. Когда Переславская епархия была закрыта, часть колоколов отсюда перевезли в петербургский Петропавловский собор. Всё это не даёт повода предполагать связь перемещения колокола 1649 года с событиями 1792 года, когда занятые

⁷ Сидоренко, В. О. Дзвін 1649 року з села Рославичі / В. О. Сидоренко // Праці Київського державного історичного музею / Міністерство культури УРСР — Київ, 1958. — Т. 1. — С. 223—225.

⁸ Жолтовський, П. М. Художнє лиття на Україні XIV—XVIII ст. / П. М. Жолтовський. — Київ: Наукова думка, 1973. — С. 36.

⁹ Модзалевський, В. Л. До історії українського ліярництва та конвісарства / В. Л. Модзалевський // Збірник Секції мистецтв / Українське наукове товариство. — Київ: Державне видавництво, 1921. — Т. 1. — С. 3—24.

Жолтовський, П. М. Художній метал / П. М. Жолтовський. — Київ: Мистецтво, 1972.

Жолтовський, П. М. Художнє лиття на Україні XIV—XVIII ст. / П. М. Жолтовський. — Київ: Наукова думка, 1973. (С указанием литературы.)

¹⁰ Ісаєвич, Я. Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. / Я. Д. Ісаєвич. — Київ: Наукова думка, 1966.

русскими войсками Киевское, Брацлавское, Подольское и Волыньское воеводства были включены в состав Российской империи.¹¹ Поэтому больше оснований видеть в колоколе один из военных трофеев 1650-х годов, сопровождавших события, в результате которых восточная часть Волыни, от реки Горынь, в 1657 году отошла от Польши к России.

Наиболее вероятной представляется связь судьбы колокола 1649 года мастера Андрея Савича с личностью русского боярина и воеводы Василия Борисовича Шереметева, возглавившего поход зимой 1660 года, когда он, теснимый польским войском, отступил к Чуднову. В результате изменнических действий Юрия Хмельницкого боярин Шереметев вынужден был сдать полякам на условиях свободного выхода из Чуднова. Как известно, условия сдачи польскими военачальниками были нарушены, в результате чего задержали русских воевод и их войско, а самого Шереметева отдали крымским татарам, которые продержали его в плену 20 лет.¹²

¹¹ Петров, Н. И. Волынь. Исторические судьбы Юго-Западного края / Н. И. Петров. — СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1888. — С. 231—232.

¹² Там же. — С. 182.

Музейный предмет и музейная экспозиция: подход источниковеда

М. Ф. Румянцева

Вполне очевидно, что при всём многообразии методологических систем введение в научный оборот новых исторических источников продолжает представлять самоценность. Это тем более важно, когда речь идёт о «музейном предмете», относящемся часто к типу изобразительных или вещественных исторических источников, освоение которых традиционной исторической наукой оставляет желать лучшего.

Исходный тезис моих рассуждений следующий: музейный историк — такой же историк, как и историк-исследователь. Результатом труда того и другого является научное знание, которое представлено в разных формах — в виде статьи или монографии в одном случае, в виде музейной экспозиции в другом.

Обратимся с этой точки зрения к вопросу о целях экспозиционной работы, имеющему, на мой взгляд, наиболее существенное значение для региональных музеев.

Задачи собственно исторического исследования и экспозиционной работы совпадают, поэтому остановимся на наиболее очевидной функции исторического знания — воспитательной, ведь она во многом определяет задачи музейной экспозиции. Историю как «школу нравственности и политики» склонны были рассматривать историки Просвещения. В XVIII веке такое отношение к истории уже не было новаторским. Новаторским было то, что залог воспитательного воздействия истории начали видеть в достоверности исторических описаний. Один из самых известных представителей историографии рационализма — лорд Болингброк,¹ обосновывая необходимость критического подхода к сообщениям исторических источников и точного воссоздания исторических фактов на этой основе, утверждал: «Когда нам приводят примеры, то они как бы обращены к нашим чувствам и рассудку, что нам льстит. В этом случае знания словно исходят от нас самих: мы сами формулируем

¹ Болингброк, Г. С. Д. Письма об изучении и пользе истории / Г. С. Д. Болингброк; перевод с англ. С. М. Берковской. — М.: Наука, 1978. — С. 12.

общее правило, исходя из своего личного опыта, и уступаем фактам, противясь абстрактным построениям».

Сама возможность извлекать уроки из истории была поставлена Гегелем под серьёзное сомнение в начале XIX века. Но даже Гегель, утверждая, что «опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из неё», всё же соглашался с тем, «что примеры хорошего возвышают душу и что их следует приводить при нравственном воспитании детей».²

Если воспитательная функция истории продолжает оставаться одной из основных, мы вынуждены поставить вопрос о способе репрезентации исторических знаний, наиболее эффективном с точки зрения воспитательного воздействия.

Остроумную классификацию исторических исследований предложил Фридрих Ницше в своём эссе «О пользе и вреде истории для жизни». Ницше различал «монументальный, антикварный и критический род истории»³ и в полном согласии с названием своего труда раскрывал как «полезные», так и «вредные» стороны каждого из подходов. Для Ницше все три вида историописаний имеют воспитательное значение, но характер их воздействия разный. Ближе всего к рационалистическому типу историографии — «монументальная» история, которая фиксирует выдающиеся примеры прошлого. Но, в отличие от историков XVIII века, Ницше считал, что такой подход к истории искажает историческую реальность, и описал механизм искажения: «монументальная история не может нуждаться в такой полной *истинности*: она всегда будет сблизжать разнородные элементы, обобщать и, наконец, отождествлять их; она всегда будет смягчать различия мотивов и побуждений, чтобы за счёт *causae* представить *effectus* в монументальном виде, именно как нечто типичное и достойное подражания». Вывод Ницше сформулировал вполне афористично: «Монументальная история вводит в заблуждение при помощи аналогий».⁴

Не меньше опасностей таит в себе антикварная история. Ницше даёт следующую характеристику историку-антикварию: «Заботливой рукой оберегая издавна существующее, он стремится сохранить

² Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель; перевод А. М. Водена. — СПб.: Наука, 1993. — С. 61.

³ Ницше, Ф. Сочинения / Ф. Ницше. — М.: Мысль, 1990. — Т. 1. — С. 168.

⁴ Там же. — С. 171, 172.

в неприкосновенности условия, среди которых он развился, для тех, которые должны прийти после него, — и в этом выражается его служение жизни». При таком подходе, считал Ницше, «всё мелкое, ограниченное, подгнившее и устарелое приобретает свою особую, независимую ценность и право на неприкосновенность вследствие того, что консервативная и благочестивая душа антикварного человека как бы переселяется в эти вещи и устраивается в них, как в уютном гнезде».⁵

Такой подход ко всему старому описан не только мрачным философом Фридрихом Ницше, но и блестящим английским остроумцем Джеромом Джеромом: «Возьмём, к примеру, фарфоровую собачку, украшающую мою спальню... Мы сейчас не замечаем прелести этой собачки... В 2288 году она будет производить фурор. Изготовление подобных собачек будет считаться искусством, секрет которого утрачен. Потомки будут биться над раскрытием этого секрета».⁶

Ницше видел и таящуюся в антикварной истории опасность того, что «всё старое и прошлое, раз оно только попадает в круг нашего зрения, объявляется без дальнейших рассуждений равно достойным уважения, а всё, что не соглашается преклониться пред этим старым, то есть всё новое и возникающее, заподозревается и отклоняется».⁷

Очевидно, что самого Ницше не мог удовлетворить такой подход к изучению истории, но философ признавал его практическую пользу для обывателя, поскольку он «озаряет скромные, суровые и даже убогие условия, в которых живёт отдельный человек или народность, светом простого, трогательного чувства удовлетворения и довольства». В наше время, когда резко сменяются культурные стереотипы, такая история в определённой степени необходима, тем более что «она привязывает даже и менее избалованные судьбой поколения к их родине и родным обычаям». Мы можем согласиться с Ницше, который считал печальной судьбу народа, «потерявшего преданность своему прошлому и ставшему жертвой неутомимых космополитических поисков новых форм».⁸

Ницше предлагает и третий способ изучения истории — критический, когда человек «привлекает прошлое на суд истории». Он

⁵ Там же. — С. 174.

⁶ Джером, Д. К. Трое в одной лодке. Рассказы / Д. К. Джером. — М.: Художественная литература, 1970. — С. 71—72.

⁷ Ницше, Ф. Сочинения / Ф. Ницше. — М.: Мысль, 1990. — Т. 1. — С. 176.

⁸ Там же. — С. 175.

считает, что каждый тип историописаний отвечает какой-либо потребности человека: «Если человек, желающий создать нечто великое, вообще нуждается в прошлом, то он овладевает им при помощи монументальной истории; кто, напротив, желает оставаться в пределах привычного и освящённого преданием, тот смотрит на прошлое глазами историка-антиквария, и только тот, чью грудь теснит забота о нуждах настоящего и кто задался целью сбросить с себя какую бы то ни было ценою угнетающую его тягость, чувствует потребность в критической, то есть судящей и осуждающей, истории».⁹

Мы столь подробно остановились здесь на выделенных Ницше видах историописания, поскольку именно они, по-видимому, наиболее точно репрезентируют различные подходы к построению музейных экспозиций. Особенно это относится к монументальной и антикварной истории. Зачастую в музейной экспозиции мы обнаруживаем либо стремление запечатлеть лишь великое, либо благоговейное отношение к любой старой вещи. Это вполне логично.

Но всё же, как подобраться к критической истории? Как выбрать наиболее корректный способ репрезентации культурного богатства музея? Переславский музей-заповедник имеет не региональный, но общероссийский характер. Из этого следует, что его экспозиция должна таким образом репрезентировать на имеющемся в музее материале русскую культуру, чтобы иметь потенциальную возможность встраиваться в общероссийский контекст. Хотя, конечно, такая задача в идеале стоит перед любым музеем, но для музея общероссийского уровня её адекватное решение имеет особое значение.

На первый взгляд, решение этой проблемы лежит на поверхности. Можно достоверно воспроизвести часть исторической реальности «как она была», и такая часть с лёгкостью впишется в общую картину, как встаёт на своё место кусочек мозаики.

В конце XIX века такой взгляд нашёл своё теоретическое осмысление у социолога Эмиля Дюркгейма, последователя позитивизма Огюста Конта. Обосновывая метод социологии, Дюркгейм сформулировал главное методологическое требование: «социальные факты должны рассматриваться как вещи».¹⁰ Дюркгейм считал, что «если при таком методе работы можно чего-либо опасаться, так это только

⁹ Там же. — С. 174.

¹⁰ Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. — М.: Канон, 1995. — С. 8.

того, что при всей добросовестности социолога данные, добытые социологом, не будут исчерпывать изученного им материала». Но это, по мнению Дюркгейма, не снижает научную ценность работы, поскольку «будущее поколение продолжит её, потому что каждая концепция, имеющая какое-нибудь объективное основание, не связана неразрывно с личностью автора; в ней есть нечто безличное, благодаря чему она переходит к другим людям и воспринимается ими». ¹¹ Таким образом, отношение к социальному факту как «к вещи», как к объекту (нюансами смысловых различий этих двух терминов здесь можно пренебречь) должно повлечь за собой его объективное описание (воссоздание), что, в свою очередь, должно обеспечить «стыковку» различных фактов между собой.

Но ровно через сто лет после того, как Конт провозгласил задачу «открыть такие же законы развития общества, как законы падения камня», в 1920-е годы Семён Людвигович Франк бросает позитивистской социологии убийственный для неё упрёк: «в сущности, ещё до сих пор нет социологии, как определённой науки, а есть едва ли не столько же отдельных „социологий“, сколько авторов, о ней писавших». ¹² Позитивизм, выдвигавший в качестве основного методологического требования отделение познающего субъекта от объекта познания, так и не придя к воплощению этого подхода, оказался в методологическом тупике. Выход из него историческое знание искало на пути идиографии, цель которой — «понимающая история».

Методологическую основу понимания составляет философский принцип «признания чужой одушевлённости», активно разрабатываемый философами рубежа XIX—XX веков. Повышенное философское внимание к этой проблеме связано с изменением взгляда на человеческую индивидуальность, со становлением новых подходов в психологии (в частности, с описательной психологией Вильгельма Дильтея).

Воспроизведение «чужой одушевлённости» достигается главным образом в процессе интерпретации исторического источника. Интерпретационные процедуры детально разрабатывает в фундамен-

¹¹ Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм. — М.: Мысль, 1994. — С. 5.

¹² Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. — М.: Республика, 1992. — С. 19.

тальном труде «Методология истории» Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский.¹³ Он определяет интерпретацию как «*общезначимое научное* [выделено мной. — М. Р.] понимание исторического источника». По его словам, «идеальная интерпретация источника, разумеется, состояла бы в том, чтобы истолкователь достиг такого состояния сознания, при котором он мог бы самопроизвольно обнаружить его в произведении, тождественном с данным, и при котором он, значит, мог бы понимать его, как своё собственное...»¹⁴

Соглашаясь с Лаппо-Данилевским в том, что целью научной интерпретации является достижение общезначимого знания, мы не можем разделить его представление об идеале интерпретации. Представления Лаппо-Данилевского явно находятся на дофрейдовской стадии гуманитарного познания. Лаппо-Данилевский вослед за Дильтеем считал, что исследование начинается с «научного анализа элементов своей собственной душевной жизни». Учёный так описывает процесс воспроизведения «чужой одушевлённости» в ходе гуманитарного исследования: историк «как бы примеряет наиболее подходящие состояния своего собственного сознания к проанализированному и синтезированному им внешнему обнаружению чужой одушевлённости, подделывается под неё и т. п.; ему приходится искусственно... ставить себя в условия, при которых он может вызвать его и т. п., хотя бы и несколько раз. Лишь после таких исследований он может перевоспроизвести в себе то именно состояние сознания, которое он считает нужным для надлежащего понимания чужих действий».¹⁵ Таким образом, рефлексия собственного сознания является основой понимания Другого. Границы исторического познания Лаппо-Данилевский обуславливает невозможностью полного воспроизведения чужой психики.

Зигмунд Фрейд показал, что структура психики сложна и не полностью доступна самопониманию. Поэтому исследователь, исходя из собственной психики в понимании другого, сам себя до конца не понимает.

¹³ Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский. — СПб.: Типография В. Безобразова и Ко, 1910—1913. — Вып. 1, 2.

См. научное издание со вступительными статьями критико-биографического характера: Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории: в 2 томах / А. С. Лаппо-Данилевский; подготовка текста Р. Б. Казаков, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. — М.: РОССПЭН, 2010.

¹⁴ Там же. — Вып. 2. — С. 408, 409. (В издании 2010 года т. 2, с. 65, 66.)

¹⁵ Там же. — Вып. 2. — С. 315—316. (В издании 2010 года т. 1, с. 347—348.)

Отсюда можно сделать пессимистичный вывод: интерпретаций произведения культуры столько же, сколько интерпретаторов (и даже больше, поскольку один человек может по-разному интерпретировать произведение), все интерпретации равноправны (в том числе и авторская), а следовательно, нельзя говорить об «общезначимом» понимании. Но возможно и другое направление размышлений. Исследователь, находясь в иной точке эволюционного пространства, имеет возможность воспринимать исторический источник в контексте всей породившей его культуры, поэтому может понять его глубже, чем понимал автор. Но в этом случае задача историка — достичь целостного понимания культуры прошлого путём обращения ко всей совокупности порождённых этой культурой исторических источников.

При таком понимании деятельность музея как в сфере комплектования, так и экспозиционная приобретают особое значение. Мне представляется, что задача комплектования музейных фондов — адекватная репрезентация культуры как системы, а экспозиция представляет собой авторскую интерпретацию того или иного исторического явления и события.

Но такая авторская интерпретация не произвольна, она воспроизводит не «авторское видение», а тот уровень целостного постижения культуры, что достигнут музейным историком. Проблема целостного постижения культуры — сложная методологическая проблема, не поддающаяся однозначному решению даже на небольших хронологических отрезках. При подходах к её решению целесообразно определиться в понимании цели исторического познания. Наиболее существенные различия в понимании смысла исторического знания восходит, на мой взгляд, к оппозиции Гегеля и Конта.

Гегель завершает введение к «Философии истории» следующими словами. «Так как мы имеем дело лишь с идеей духа и рассматриваем во всемирной истории всё лишь как его проявление, мы, обозревая прошедшее, как бы велико оно ни было, имеем дело лишь с настоящим, потому что философия как занимающаяся истинным имеет дело с тем, что вечно наличествует. Всё, что было в прошлом, для неё не потеряно, так как идея оказывается налицо, дух бессмертен, то есть он не перестал существовать и не оказывается ещё не существующим, но по существу дела существует теперь. Таким образом, уже это означает, что наличествующая настоящая форма духа заключает в себе все прежние ступени... Те моменты, которые дух, по-видимому, оставил позади себя, он содержит в себе

и в своей настоящей глубине». ¹⁶ Таким образом, Гегель видит задачу исторического познания в настоящем, а не в прошедшем. Задача Гегеля — понять современную ему историю как сторону эволюционного целого, что вполне понятно в контексте всей философской системы Гегеля, одна из основополагающих идей которой — «ничто единичное не обладает всей полнотой реальности».

Обратимся теперь к позитивизму. Позитивизм, господствовавший в науке начиная с середины XIX века, в сфере исторического познания близок рационализму в понимании достоверного исторического факта, как основы научного исторического познания, но принципиально отличается от рационализма по пониманию предмета исторической науки, формулировке её целей. Если рационалисты рассматривали историю как собрание нравоучительных примеров, то позитивисты с их девизом «знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы предотвратить» — искали в ней закономерности.

Отличаясь от рационализма по пониманию целей исторического познания, позитивизм (позитивистская историография) фактически мало отличается от него по методологии исторического исследования. Методология по-прежнему остаётся картезианской. Историческое знание рассматривается как знание исключительно выводное. Исследование чётко делится на две части, следующие друг за другом: реконструкция фактов и установление закономерностей. Причём факты извлекаются путём критического анализа сообщений исторических источников. А законы устанавливаются путём обобщения этих фактов, каждый из которых рассматривается как изолированный от других и независимый от позиции исследователя. По крайней мере так трактуется позитивизм в исторической науке в ставшей хрестоматийной работе Робина Коллингвуда. ¹⁷

Замечу, что я не во всём согласна с Коллингвудом. Он отсылается скорее к философии Фрэнсиса Бэкона, чем к позитивизму. Но в данном случае, по отношению к обсуждаемой нами проблеме, это несогласие не имеет принципиального характера.

Основоположник позитивизма Огюст Конт так формулирует цели познания, в соответствии с общими задачами «позитивной философии»:

¹⁶ Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель; перевод А. М. Водена. — СПб.: Наука, 1993. — С. 125.

¹⁷ Коллингвуд, Р. Д. Идея истории. Автобиография / Р. Д. Коллингвуд; перевод и комментарий Ю. А. Асеева. — М.: Наука, 1980. — С. 122—128.

В позитивном состоянии человеческий разум, признав невозможность достигнуть абсолютных знаний, отказывается от исследования происхождения и назначения Вселенной и от познания внутренних причин явлений и всецело сосредотачивается, правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, на изучении их действительных законов, то есть неизменных отношений последовательности и подобия. Объяснение фактов, приведённое к его действительным пределам, является отныне только установлением связи между различными частными явлениями и некоторыми общими фактами, число которых уменьшается всё более и более по мере прогресса науки.¹⁸

Таким образом, целью исторического познания является установление закономерностей. Точнее говоря, это задача социологии, а задача истории — поставлять ей фактический материал. Отсюда возникли принципиальные различия в обращении Гегеля и Конта с фактами, различия в их понимании самого исторического факта. Конт, понимая под законом устойчивую взаимовстречаемость явлений, практически приравнивает факты к явлениям. Исторические факты, установленные в рамках картезианских подходов.

Итак, историк, приступая к историческому исследованию, вынужден определяться внутри этой оппозиции и волен выбирать себе цель. В этом плане задача музейщика отчасти упрощается, поскольку выстроить музейную экспозицию, сохранив её воспитательную функцию, можно только признавая целостность культуры, рассматривая отдельный факт не как обладающий потенциальной возможностью быть включённым в выстраивание закономерности, но как являющий целостность культуры.

Мы начали рассуждение с того, что объединяет музейного историка и историка-исследователя, а завершим — различиями в их деятельности. Музейный историк имеет дело с разрозненными музейными предметами. В отличие от историков-исследователей, он весьма ограничен в возможностях формирования источниковой базы. Именно это обстоятельство должно заставить музейного работника постоянно углублять методологическую рефлексию в целях адекватной репрезентации культуры, без чего невозможно понимание настоящего, а значит, невозможно и корректное социальное поведение.

¹⁸ Конт, О. Курс позитивной философии / О. Конт // Антология мировой философии. В 4 томах / Институт философии АН СССР — М.: Мысль, 1971. — Т. 3. — С. 554.

Сергей Иванович Смирнов и дискуссия о монашеском служении миру

Т. В. Смирнова

Наша статья посвящена брату основателя и первого директора Переславского музея Сергею Ивановичу Смирнову, уроженцу Переславского края. Профессор Московской духовной академии Сергей Иванович Смирнов (1870—1916) был сыном священника села Большая Брембола (Переславский уезд), человека, нетипичного для этого сословия.¹ Его отличала любовь к книгам, к кабинетным занятиям, а к хозяйственным делам он был равнодушен, поэтому семья была бедной. У его детей была единственная возможность получить образование — поступить в духовное училище и затем в семинарию. Детей священников там обучали и содержали бесплатно. Поэтому Сергей Иванович окончил Переславское духовное училище, Вифанскую семинарию и Московскую духовную академию.

Он был необычайно усерден к занятиям. Однокурсник вспоминал, что Сергей Иванович, сидя в проходной комнате за крайним столом, не обращал никакого внимания на идущих мимо студентов, часами читал и писал, не вставая со стула.

Многие студенты МДА не ценили лекций профессора Евгения Евсигнеевича Голубинского, который читал скучно, по тетрадке. Но Сергей Иванович никогда их не пропускал. Предмет Голубинского — история русской церкви — чрезвычайно интересовал Смирнова. Вероятно, этот интерес зародился ещё в Переславле. Его дядя по матери Михаил Васильевич Загорский разбирал дела Переславского духовного правления и приобщил к этой работе племянника, когда тот учился в Переславском духовном училище. После окончания МДА Сергей Иванович стал преемником Голубинского на кафедре истории русской церкви.

Другим учителем Смирнова был знаменитый историк Василий Осипович Ключевский. Сергей Иванович стал одним из самых близких и любимых его учеников.² Ключевский рекомендовал его для чтения лекций в Московском университете.

¹ Профессор Сергей Иванович Смирнов († 4 июля 1916 года). — Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1916. — С. 1—6.

² Там же. — С. 8, 26.

Центральное место среди научных трудов Смирнова занимает работа о древнерусском духовничестве, затем ставшая докторской диссертацией.³ В Византии и Древней Руси духовничество носило преимущественно монашеский характер. Поэтому Смирнов много занимался изучением жизни и быта монашества.

Среди научных трудов Сергея Ивановича Смирнова обращает на себя внимание научно-публицистическая статья «Как служили миру подвижники Древней Руси», опубликованная в «Богословском вестнике» в 1903 году и вышедшая затем отдельным изданием.⁴ Эта обширная работа написана в сжатые сроки и связана с развернувшейся дискуссией о том, должны ли монахи служить миру: устраивать больницы, богадельни, школы, организовывать помощь народу в голодные годы, или же монах свободен от всяких обязанностей перед миром и должен заботиться только о личном спасении. Обсуждение этого вопроса назрело: в обществе усилились нападки на монахов, звучали упреки в дармоедстве. Иноки, соблюдавшие монастырский устав, стали скорее исключением, чем правилом. Богатство монастырей вело к пьянству и другим порокам. Poleмика протекала весьма оживлённо, что являлось редкостью для того времени, и даже перекинулась из церковной печати в светскую.⁵

Будучи историком русской церкви, Сергей Иванович дал точную историческую справку по обсуждаемому вопросу, обращаясь к авторитету известных русских подвижников. Он проанализировал летописные сказания и жития святых с XI до середины XVI века и разделил этот период на три этапа.

Первый этап — монастыри Киевской Руси. Они были городскими и уже потому были связаны с нуждами мирян. На несколько веков вперёд законодателем для русских монастырей стал преподобный Феодосий Печерский, основатель Киево-Печерского монастыря.

³ Смирнов, С. И. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта / С. И. Смирнов. — М.: Синодальная типография, 1913.

⁴ Смирнов, С. И. Как служили миру подвижники Древней Руси? (Историческая справка к полемике о монашестве) / С. И. Смирнов // *Богословский вестник*. — 1903. — № 3, 4.

Смирнов, С. И. Как служили миру подвижники древней Руси? (Историческая справка к полемике о монашестве) / С. И. Смирнов. — Сергиев посад: Святая Троице-Сергиева лавра, 1903.

⁵ Голубцов, С. А. Poleмика по монашескому вопросу в Московской Духовной Академии (1902—1904 гг.) / С. А. Голубцов // *Журнал историко-богословского общества*. — 1992. — Т. 3. — С. 104—112.

Он указал монахам четыре формы служения миру: молиться за мирян, быть их учителем, быть заступником (печальником), заниматься благотворительностью.

Учительность выражалась в беседах с духовными детьми. Ими у настоятелей монастырей часто бывали князья, и духовники убеждали князей в необходимости милосердия. Учительность выражалась также в обличении мирской неправды. Например, Феодосий Печерский, не боясь изгнания или заточения, сам обличал князя Святослава, когда тот захватил киевский престол у брата Изяслава. Такое заступничество чаще всего выражалось в обращении к судьям в защиту обиженных. Благотворительность Феодосия Печерского выражалась, в частности, в том, что за монастырской стеной он построил двор, на котором принимали калек, нищих, больных. На них шла одна десятая доходов монастыря.

Братия роптала на игумена, считая его благотворительность неумеренной (монастырь был общежительным). Феодосий увещевал роптавших, ссылаясь на слова апостола Павла: «Следует нам от трудов своих кормить убогих и странных, а не пребывать праздными, переходя от кельи в келью. Если бы не кормили нас добрые люди, что бы мы сделали, надеясь на свои труды?» Заветам преподобного Феодосия следовали не только киевские, но и новгородские, и смоленские монастыри.

С середины XIV века начинается второй этап. Возникают многочисленные монастыри в Суздальской земле и заволжских землях, где раньше их не было, вдали от городов, в лесной глуши. За 1340—1440 годы основано около 150 монастырей. Это время преподобного Сергия Радонежского, его учеников и собеседников — самая блестящая пора в истории русского монашества. Но пустынножительство на Руси в чистом виде не удалось. Недолго жил пустынный в лесу, посещаемый только зверями. Чуть пойдёт о нём молва, и в лесную пустыню потянутся другие монахи. С топором и мотыгой трудятся они на земле: секут лес, засевают поля, строят кельи и церкви. Потом являются крестьяне, строят избы, прокладывают дороги. И вот уже возле монастыря село, потом посад, а то и город. И снова монахи не свободны от мира.

Заботы о путниках, застигнутых метелью, о больных и увечных были обычны для обители преподобного Сергия при его жизни. В своей заповеди он прямо связал процветание и судьбу монастыря с оказанием благотворительности. При его преемнике Никоне рядом с монастырём была построена первая богадельня для увечных

нищих. Приходивших в монастырь богомольцев три дня кормили бесплатно.

Автор приводит примеры служения миру преподобного Павла Обнорского, Евфимия Суздальского, Стефана Махрищского, пишет о смелом поступке троицкого игумена Мартиниана. Московский великий князь Василий Тёмный просил его помочь вернуть боярина, ушедшего из Москвы в Тверь, обещая простить того. Мартиниан убедил боярина вернуться, но князь его заточил. Преподобный Мартиниан пришёл к князю и произнёс гневную речь: «Почто еси душу мою грешную продал и послал еси во ад? Почто еси боярина того, иж мною призванного и душею моею, оковать повелел и слово своё преступил?» Но самой распространённой формой служения миру в новых монастырях стало спасение людей от голода в неурожайные годы (Кирилл Белозерский, Дионисий Глушицкий).

Третий этап — от XV до середины XVI века. В XV столетии образовались две партии монашества, враждовавшие между собой. Во главе каждой партии стояли известные подвижники: московскую возглавил преподобный Иосиф Волоцкий, а партию белозерских старцев (или заволжскую) преподобный Нил Сорский. Иосиф не сомневался в том, что монастырь обязан заниматься благотворительностью, а для этого должен быть богат, должен владеть вотчинами. Нил Сорский на соборе 1503 года поднял вопрос об отобрании вотчин у монастырей. Он запрещал инокам своей обители принимать милостыню, кроме крайней нужды, и предписывал кормиться своими трудами. Его идеалом был скит, община из двух-трёх монахов. Материальную милостыню он не считал обязанностью монастыря, да и средств для этого у его нищей обители просто не было. Нил Сорский делал исключение только для странников, приходивших в монастырь, и предписывал давать им хлеба.

Некоторые его последователи шли ещё дальше. Феодосий Косой, признанный еретиком, говорил, что «нищие псы, не подобает им подавать». Некоторые нестяжатели отказывали в помощи даже заблудившимся и погибавшим от голода путникам, считая, что те помешают молиться.

Иосиф Волоцкий, человек большого ума и строгой жизни, имел серьёзную духовную власть над князьями и боярами, будучи их духовником. Он заступался за холопов, объяснял господам, что они одна плоть с рабами, крещены одним крещением, искуплены одной кровью и вместе станут на судилище Христовом. Но наибольшее впечатление производит помощь Иосифа Волоцкого голодающим.

Случилось, что хлеб не родился несколько лет подряд. Народ питался листьями, корой и сеном. Развились желудочные болезни. Толпа в 700 человек, не считая детей, пришла к воротам монастыря. Иосиф открыл житницы и велел питать всех. Бедные крестьяне оставляли детей у стен монастыря, но игумен взял их в обитель, организовал питание и уход, словно родной отец. А взрослых приходило за хлебом каждый день до 500 человек. Братия обижалась, что у них из-за этого нет ни калачей, ни квасу. Иосиф же увещевал, говоря, что у других и куска хлеба нет. Один из монахов даже ушёл из монастыря, боясь, что не спасёт душу в шумном торжище, в которое превратился монастырь. Особенно смущали его дети. Только болезнь вразумила этого человека и понудила вернуться. Наконец монастырь исчерпал запасы хлеба и денег. Узнав об этом, великий князь Василий Иванович прислал припасы и деньги. Его примеру последовали многие князья и бояре. А осенью крестьяне получили урожай и забрали своих детей из монастыря.

Последователи Иосифа Волоцкого не считали богатства монастыря своей собственностью. Примером личного аскетизма является поступок преподобного Пафнутия Боровского. Умирая, он так распорядился о своём погребении: «а гроба не купи дубова, а ту шесть денег колачей купи да раздели нищим, а мене лубком оберти».

Среди усердных благотворителей Смирнов называет преподобного Даниила Переславского. Даниил превратил свой монастырь в больницу и богадельню, ему приносили на лечение «несчастливых, больных, от зверей уязвляемых». Но главный его подвиг — он подбирал «умерших различными бедами», отпевал и хоронил их.⁶

Партия иосифлян была многочисленной. Она опиралась на традиции русского народа, представлявшего, что в образе нищего ходит по земле сам Христос, и не подать милостыню — грех. Партия нестяжателей жила идеалами, принесёнными с Афона и Востока, где созерцательное монашество было весьма распространено. Победили иосифляне. Заволжских старцев обвинили в ереси. Хотя автор статьи несомненно стоит на стороне иосифлян, он всё же сожалеет о поражении нестяжателей, считая, что последние превосходили иосифлян в сфере духовного, нравственно-учительного служения миру.

⁶ Смирнов, С. И. Милосердный подвижник — Даниил Переяславский. (По поводу 400-летия его монастыря) / С. И. Смирнов // *Богословский вестник*. — 1908. — Т. 2, № 7/8. — С. 569—576.

Свою историческую справку Смирнов завершает полемикой с казначеем Троице-Сергиевой лавры архимандритом Никоном. Призыв заняться охраной здоровья народа, его просвещением, помощью голодающим вызвал резкую отповедь Никона. Тот полагал, что инок ничем не обязан служить миру, а должен заботиться исключительно о личном спасении. Никон называл это святым эгоизмом и противопоставлял его грешному альтруизму монахов-католиков, занимающихся разными видами благотворительности.

На первый взгляд, воззрения архимандрита Никона близки к тому, что проповедовал Нил Сорский, пишет Смирнов. Однако бело-зерские старцы строго держались обета нищеты. Их скиты не имели ничего, кроме самого необходимого для поддержания жизни. Нил Сорский не допускал даже драгоценной утвари в монастырских храмах. А вот архимандрит Никон признаёт за монастырями право накапливать богатства и пользоваться благами мира, хотя полагает монастыри свободными от обязательств по отношению к миру.

С горечью пишет Смирнов о том, что в 1891—1892 годах, когда в России голодали миллионы человек, устройство столовых и яслей для детей, уход за больными лёг на плечи нецерковных людей. Их известные имена, говорит он, останутся в истории голодного года рядом с упрёком современному монашеству. Смирнов осуждает доходы, которые Лавра извлекает из торговли крестиками, иконками, ложками, книжками собственной типографии, но монахи не находят времени творить добро. Истинный христианский подвижник, считает автор, должен быть святым альтруистом.

Особенно огорчает Смирнова, что такие воззрения высказывает монах обители преподобного Сергия, заповедовавшего врачевать больных, давать милостыню нищим, покоить странников. И время не властно над этой заповедью. Она имеет обязательную силу, пока стоит получивший её монастырь, пока он носит великое имя своего святого основателя. «Умер для них преподобный Сергий, забыты его предания», — заключает Смирнов.

К 1904 году дискуссия затихла, возможно, потому, что архимандрит Никон, самый активный участник, стал епископом Муромским.⁷ В 1908 году Никон (к тому времени уже епископ Вологодский) поставил на Всероссийском миссионерском съезде в Киеве вопрос о необходимости поднять уровень духовной жизни в монастырях. Синод

⁷ Голубцов, С. А. Троице-Сергиева лавра за последние сто лет / С. А. Голубцов. — М.: Издательство Православного братства Споручницы грешных, 1998. — С. 63

решил созвать съезды для рассмотрения этой проблемы. В 1909 году в Троице-Сергиевой лавре состоялся Первый всероссийский монашеский съезд, где решались в основном проблемы монашеской жизни, а не благотворительность. После съезда дискуссия возобновилась. В июле 1917 был созван Второй монашеский съезд, однако и он счёл достаточной обычную благотворительность монастырей. Вопрос о деятельном монашестве на Руси был закрыт.⁸

После революции Русская православная церковь подверглась гонениям. Та чудовищная жестокость, с которой нередко производились расправы со священниками и монахами на местах, наводит на мысль, что народ видел их безнравственность и не видел от них деятельной помощи. Например, в 1904—1914 годах наместником лавры был жестокий Товия (Цымбал). При нём духовная жизнь лавры пришла в большой упадок, он всячески издевался над монахом Зосимой, отличавшимся святой жизнью, и велел гнать нищих.⁹

Из статьи Сергея Ивановича Смирнова, написанной почти сто лет назад, мы видим, что вряд ли можно все болезни современной православной церкви относить только на счёт притеснений в годы советской власти. И сегодня слышны возмущения непомерными собственными расходами церкви, роскошью и расточительностью при строительстве и восстановлении храмов, торговлей в монастырях и безразличием к нуждам людей. На страницы широкой печати такие мнения попадают довольно редко. Скорее исключением является сборник «Религия и демократия» 1993 года.¹⁰ Даже миротворчество, которым занимается патриарх, не имеет успеха. Миротворческая миссия патриарха ничего не дала ни при противостоянии президента и парламента в 1993 году, ни в последнее время в Югославии. Можно предположить, что это связано с невысоким авторитетом современной православной церкви. Забыты заветы русских подвижников, и поэтому, на мой взгляд, статья профессора Сергея Ивановича Смирнова не устарела до сих пор.

⁸ Там же. — С. 64—78.

⁹ Там же. — С. 36—37.

¹⁰ Религия и демократия / Составители А. Р. Бессмертный, С. Б. Филатов. — М.: Прогресс, Культура, 1993. — С. 245—257, 315—338.

Находки средневековой керамики на суходолах Ивановского болота

А. В. Уткин

Ивановское болото находится на юге Ярославской области, примерно в 30 км к северо-северо-востоку от Переславля-Залесского. Оно расположено в озеровидном расширении Малой (Клязьминской) Нерли, долина которой сформировалась в период Московского оледенения, а при таянии последнего ледника на этом месте образовался мелководный водоём, превратившийся на рубеже суббореала и субатлантика в обширное болото с мощной пачкой торфяных отложений.

Как показали многолетние археологические раскопки, проведённые Верхневолжской экспедицией Института археологии РАН под руководством Д. А. Крайнова и М. Г. Жилина, Ивановское палеозеро в древности заселялось неоднократно. Первые поселения в виде кратковременных сезонных лагерей охотников и рыболовов возникли на островах водоёма в мезолите (по последним радиоуглеродным датировкам предположительно в VII тыс. до н. э.). В последующие — неолитическую и энеолитическую эпохи (V—начало II тыс. до н. э.) здесь существовали долговременные поселения. Наконец в связи с интенсивным заболачиванием озера жизнь на нём постепенно замерла и в период поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.) люди здесь уже не селились, а лишь эпизодически посещали места бывших стоянок. Материалы эпохи раннего железа на территории болота отсутствуют. Поэтому полной неожиданностью стали немногочисленные находки русской средневековой и древнерусской керамики на двух памятниках микрорайона — на Ивановском VII и Ивановском III.

Первое объяснение появления этих черепков на торфянике сводилось к тому, что они фиксируют привалы рыбаков средневековья. Хорошо известно, что при проведении полевых работ (сенокосе, жатве, молотье) и рыбной ловле русские крестьяне обычно брали с собой еду, в том числе молоко и квас в керамической таре, которая нередко билась и выбрасывалась. Однако этому объяснению, в общем-то достаточно логичному, противоречат два наблюдения. Во-первых, участки болота, где найдена керамика, не были пригодны для рыбной ловли ни снастями, ни сетями, даже при высоком

стоянии воды в весенние половодья. Во-вторых, если бы на болоте можно было бы всё-таки заниматься рыболовным промыслом, то, скорее всего, выявились бы вещественные материалы и других периодов средневековья — XIV, XV и XVIII столетий, а не только рубежей XII—XIII и XVI—XVII веков.

Ближе к действительности, на мой взгляд, является второе объяснение. А именно: появление обломков круговой керамики в двух пунктах Ивановского торфяника следует рассматривать как свидетельство кратковременного пребывания здесь людей, спасавшихся от ужасов военной опасности.

На суходольной части стоянки Ивановское VII в 1988—1990 годах в верхнем горизонте плохо разложившегося торфа было найдено в общей сложности 35 фрагментов керамики. Они происходят от чернолощёной и серолощёной посуды XVI—XVII веков, то есть типологическая датировка керамического комплекса однозначно указывает на Смутное время. По-видимому, население окрестных деревень пряталось здесь осенью 1608 года, когда разезды вооружённых отрядов польско-литовских интервентов, осадивших Троице-Сергиеву лавру и захвативших ближайшие города — Переславль-Залесский и Ростов Великий, терроризировали мирную округу. Место это для укрытия было выбрано неспроста. Дело в том, что только на этот суходол в северной половине торфяника люди могли попасть в осеннюю распутицу, пройдя со своими пожитками по узкому перешейку, соединяющему суходол с коренным берегом.

На другую трагическую страницу истории — монгольское нашествие, — по-видимому, указывают находки на суходоле стоянки Ивановское III, где при раскопках 1973 и 1984 годов на крайне незначительной вскрытой площади собрано 13 фрагментов древнерусской керамики и найден один сланцевый оселок для заточки металлических игл и шильев. Черепки посуды мелкие, представлены в основном обломками стенок, двумя сильно профилированными венчиками и парой плоских днищ. Все с примесью песка, изготовлены на гончарном круге, без орнамента и датируются XII—XIII веками.

Данный суходол, ныне заросший густым реликтовым липовым лесом, расположен посреди торфяника. Попасть на него беспрепятственно в средневековье человек мог исключительно лишь в зимнее время, после промерзания болотной топи. Очевидно, люди бежали сюда, захватив с собой свой скарб и скотину, в начале февраля 1238 года, когда монгольское войско штурмом взяло Владимир и, раз-

делившись на несколько отрядов, широким фронтом рассыпалось по территории Владимиро-Суздальского княжества, грабя и разоряя всё на своём пути, а покинули спасительное убежище, надо полагать, весной после ухода монголов в степи, «в землю Половецкую».

Таким образом, Ивановское болото являлось не только местом обитания человека в эпоху первобытности, но и служило надёжным укрытием для беззащитных жителей окрестных сёл и деревень в военные лихолетья средних веков.

Льяловские сверлёные «мотыги» с Ивановского болота

А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва

Среди обилия и разнообразия орудий, обнаруженных в процессе многолетних исследований остатков древних поселений на Ивановском болоте (Переславский район Ярославской области), выделяется серия изделий, получивших в литературе название «мотыг». Серия по количеству небольшая, она состоит всего из семи находок. По материалу распадается на каменные и роговые «мотыги». Главной и наиболее яркой отличительной чертой их является наличие по центру удлинённой плоскости изделия просверленного с двух сторон отверстия диаметром от 1 до 2 см.

Первая ивановская «мотыга» — из зелёного сланца, найдена при раскопках стоянки Ивановское V в 1974 году в разрушенном торфоразработками культурном слое. В древности она была сломана. Сохранившийся фрагмент очень мал, по нему невозможно реконструировать первоначальную форму. Можно лишь отметить, что орудие имело средние размеры при незначительной толщине заготовки, а обе поверхности и боковое ребро были тщательно зашлифованы.

В том же году на соседнем поселении Ивановское VII в льяловском слое у суходола обнаружен второй обломок сланцевой «мотыги». Судя по обломку, целое изделие было достаточно массивным, подтреугольной в плане формы, с краями, приострёнными с двух сторон ровной шлифовкой (рис. 1:3).

Ещё две сланцевые «мотыги» с поселения Ивановское VII происходят из раскопок 1987 года на суходоле, где они залегали в основании культурного слоя. Одна имеет ромбическую форму, небольшая, края и плоскости не обработаны (рис. 1:5). Другая — подовальных очертаний, крупная; у неё слегка пришлифован лишь один, более вытянутый конец, самый кончик которого сбит (рис. 1:2).

Уникальна находка обломка миниатюрной «мотыги» из тёмно-бордового шифера, он поднят в 1974 году на разрушенном участке

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 98-01-00327).

стоянки Ивановское VII. От изделия сохранилась только одна лопасть ромба. Она тонкая, с двух сторон тщательно отполирована, края приострены, по ним нанесены мелкие поперечные насечки. На лицевой плоскости с соблюдением строгой симметрии тонкими, но чёткими линиями выгравирована цепочка из двух контурных ромбов (рис. 1:4).

Такой же интерес представляет «мотыга» с этого же памятника из раскопа 1974 года на болоте. Она роговая, её рабочий конец — узкий заострённый отросток рога (рис. 1:6).

В отличие от неё, у «мотыги» со стоянки Ивановское II, найденной во втором раскопе в 1983 году и также изготовленной из лосиного рога, лезвие широкое (рис. 1:1).

Оба эти орудия происходят из позднельяловских слоёв с редко-ямочной керамикой.

Таким образом, все ивановские «мотыги», имеющие более-менее чёткие стратиграфические привязки, надёжно датируются средним неолитом, причём сланцевые изделия правильной ромбической и подтреугольной формы с тщательной обработкой относятся к развитому периоду льяловской культуры, тогда как сланцевые овальные и роговые, видимо, типичны для позднего этапа.

Намеченные хронологические различия подтверждаются наблюдениями над распределением аналогичных сланцевых «мотыг» в культурных слоях Сахтышских стоянок, где собраны, пожалуй, самые представительные их коллекции, а опубликован пока только один обломок — с Сахтыша VII.¹ Более того, на ряде памятников этого микрорайона, в частности, на Сахтыше II самые эффектные «мотыги» — ромбические массивные с прекрасно отшлифованной поверхностью — залегали в раннельяловском горизонте.

География распространения этих орудий очерчивается достаточно чётко. Судя по публикациям, они наиболее компактно локализируются в западной половине Волго-Окского междуречья и Тверском Заволжье. Помимо Сахтышских и Ивановских поселений «мотыги» встречены на стоянках Святое Озеро I (1 экз.),² Маслово Болото VII

¹ Уткин, А. В. Многослойное поселение Сахтыш VII (раскопки 1991 г.) / А. В. Уткин // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья / Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры. — Иваново, 1992. — Вып. 6. — Рис. 9.

² Сидоров, В. В. Стоянки на озере Святом у Шатуры / В. В. Сидоров // Советская археология. — 1975. — № 3. — Рис. 5:12.

(4),³ Луково Озеро I (1),⁴ Воймежное I (2),⁵ Замостье V (1),⁶ Польцо (1),⁷ Уница (1),⁸ Варос I (1), Языково I (1),⁹ Иловец I (2 ?)¹⁰ и на реке Осеченке (1),¹¹ а также по крайней мере ещё в трёх пунктах — Луково Озеро III, Никольская-Правая и Ловцы I, точных сведений о которых у нас, к сожалению, нет. На всех перечисленных памятниках, кроме случайной находки из русла реки Осеченки, «мотыги» происходят из льяловских слоёв, по В. В. Сидорову, в основном из поздних, то есть «мотыги» — это сугубо льяловские артефакты, которые следует признать и рассматривать в качестве одного из индикаторов материальной культуры.

Ни до, ни после льяловского времени подобная форма орудий на данной территории не встречается. Вне собственно льяловской территории среди неолитических древностей нам пока известна лишь одна ромбическая «мотыга» с отверстием из сланца, точнее, её обломок. Он был найден в Среднем Поволжье на Майданской стоянке в 1974 году и его следует связывать с балахнинским керамическим комплексом памятника, синхронным льяловским Волго-Очья, а не с волосовским, как это предложил В. В. Никитин.¹² В связи

³ Сидоров, В. В. Маслово Болото 7 — поселение льяловской культуры / В. В. Сидоров // *Советская археология*. — 1986. — № 4. — Рис. 8:1, 7, 8.

⁴ Сидоров, В. В. Луково озеро I — стоянка льяловской культуры / В. В. Сидоров, А. В. Трусов // *Советская археология*. — 1980. — № 2. — Рис. 6:18.

⁵ Древние охотники и рыболовы Подмосковья: По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы — Воймежное 1 / Редактор-составитель А. В. Энгватова. — М.: Институт археологии РАН, 1997. — Рис. 111:11 и 121:3.

⁶ Сидоров, В. В. Стоянки Заболотского озера / В. В. Сидоров // *Древности Залесского края: Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин»*. — Сергиев Посад: Сергиево-Посадский музей-заповедник, 1997. — Рис. 8:12.

⁷ Никитин, А. Л. Многослойное поселение Польцо / А. Л. Никитин // *Советская археология*. — 1975. — № 3. — Рис. 9:13.

⁸ Крайнов, Д. А. Многослойная стоянка Уница на озере Неро / Д. А. Крайнов, А. В. Уткин // *Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы / Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры*. — Иваново, 1995. — Вып. 2. — Рис. 11:9.

⁹ Сидоров, В. В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково / В. В. Сидоров // *Многослойные стоянки Верхнего Поволжья*. — М.: Институт археологии РАН, 1990. — Рис. 8:2 и 106:12.

¹⁰ Урбан, Ю. Н. Поселение и могильник Иловец / Ю. Н. Урбан // *Краткие сообщения Института археологии*. — 1973. — № 137. — Рис. 4:5.

¹¹ Репман, А. Х. Орнаментированная мотыга / А. Х. Репман // *Археологические открытия 1972 года*. — М.: Наука, 1973. — Рис. на с. 85.

¹² Никитин, В. В. Волосовские племена на Средней Волге / В. В. Никитин // *Лесная полоса восточной Европы в волосовско-турбинское время: Сборник статей*. — Йошкар-Ола: Марийский НИИ, 1978. — Рис. 10:1.

с этим встаёт закономерный вопрос: являются ли «мотыги» собственно льяловским изобретением или они возникли где-то на другой территории? Однозначно ответить на него сейчас сложно, слишком мала источниковая база. И тем не менее, мы склоняемся к версии, что «родина» этих орудий — Карелия. Аналогичные, а порой и тождественные артефакты там известны в позднем мезолите под названием «листовидные наконечники с отверстием» или просто «ромбические изделия». Они найдены на двух стоянках: Пиндуши IV (1 экз.) и Оровнаволок IX (6).¹³

Карельские «мотыги» со сверлиной — плоские, правильной ромбической формы, поверхности зашлифованы, края с двусторонней заточкой, по размерам — миниатюрные и массивные и удивительно близки раннеल्याловским «мотыгам» Сахтыша II. А это уже не простое совпадение и не импорт, а, скорее, свидетельство инфильтрации отдельных групп северного постмезолитического населения, хорошо знакомого с обработкой сланца, в Волго-Клязьминское междуречье. В дальнейшем ромбические очертания льяловских сланцевых «мотыг», как нам представляется, трансформировались в подтреугольные, а затем в овальные. Одновременно с последней появляются роговые «мотыги», формы которых не отличались определённой типологической выдержанностью.

Возвращаясь к ивановским «мотыгам», следует вкратце остановиться на их функциональном назначении. Пять изделий (рис. 1: 1—3, 6), безусловно, насаживались через отверстия на деревянные рукояти и использовались в качестве простейших землеройных инструментов.¹⁴ Об этом свидетельствуют как сама форма и размеры орудий, так и смятость их лезвий в процессе работы, а также характер сломов по сверлинам, что обычно бывает при многократных ударах о твёрдый грунт. Ими выполнялись, надо полагать, различные земляные работы при обустройстве стойбищ и, очевидно, производилась добыча глины для изготовления керамической посуды.

¹³ Панкрушев, Г. А. Мезолит и неолит Карелии / Г. А. Панкрушев. — Л.: Наука, 1978. — Т. 1: Мезолит. — Приложение V, рис. 5:3.

Филатова, В. Ф. Инвентарь поселения Оровнаволок IX / В. Ф. Филатова // Новые данные об археологических памятниках Карелии / Карельский филиал АН СССР Институт языка, литературы и истории. — Петрозаводск: КФ АН СССР 1986. — Рис. 2:9; 5:6 и 8:2.

¹⁴ Уткин, А. В. Рецензия: В. В. Никитин. Медно-каменный век Марийского края: Середина III — начало II тыс. до н. э. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1991. 152 с. / А. В. Уткин // *Российская археология*. — 1994. — № 2. — С. 227.

Миниатюрная ромбическая «мотыга», от которой сохранилась только половина (рис. 1:4), являлась зубчатым штампом для орнаментации сосудов и изготовлена, вероятнее всего, в подражание собственно «мотыгам», при помощи которых копалась глина. Экспериментальные оттиски этого штампа сходны с гребенчатыми отпечатками на льяловской посуде, а гравировка на лицевой стороне повторяет цепочку контурных ромбов на зубчатом штампе со стоянки Вёкса Вологодская.¹⁵ Орнаментиром служила и «мотыга» с поселения Польцо. При желании оттиснуть «гребёнку» на сосудах могли также массивными «мотыгами» с зубчатыми нарезками по краям стоянки Сахтыша VII и из реки Осеченки.

Наконец, последняя «мотыга» с Ивановского болота — миниатюрная ромбическая, без признаков использования в работе. Как она использовалась — не ясно. Возможно, это — заготовка будущего зубчатого штампа (рис. 1:5).

Дальнейшая систематизация сверлёных «мотыг», оперативное введение в научный оборот новых находок, а также артефактов из старых коллекций, хранящихся в фондах многочисленных музеев, существенно дополняют, расширяют и уточняют предложенную нами здесь схему типологического развития этих изделий и их функциональную атрибуцию.

¹⁵ Недомолкина, Н. Г. Гребенчатые штампы поселения Вёкса / Н. Г. Недомолкина // Вестник Карельского краеведческого музея: сборник научных трудов / Карельский государственный краеведческий музей, Карельский научный центр РАН. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1995. — Вып. 3. — Рис. 1:1.

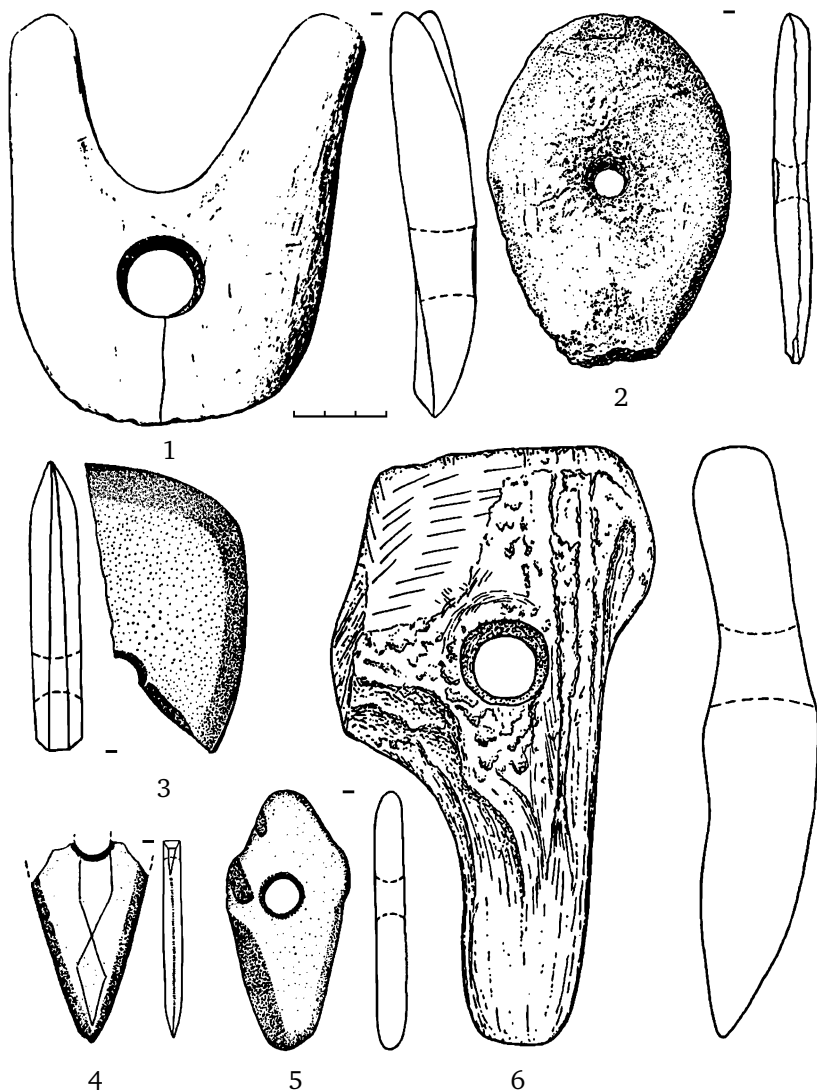

Рис. 1. Сверлёные «мотыги».
1 — Ивановское II, 2—6 — Ивановское VII. (1, 6 рог, 2—5 сланец.)

1 — рис. Е. Н. Ерофеевой, 2 — рис. М. Н. Михайловой,
3—5 — рис. А. В. Уткина, 6 — рис. А. Ю. Лукьянова.

О земельных переделах в Переславском уезде в начале XVII века (по архиву Троице-Сергиева монастыря)

М. С. Черкасова

В конце XVI и начале XVII века становятся регулярными внутри-вотчинные хозяйственные описания Троице-Сергиева монастыря. Дошли они до нас в основном в составе Троицкого сборника № 637 XVI—XVIII веков различных материалов по землевладению и хозяйству. Обстоятельный палеографический анализ этого конволюта и характеристику ценнейших по содержанию входящих в него документов дала Людмила Ивановна Ивина.¹

В числе прочих ею был назван отрывок из писцовой книги по селу Давыдовскому Московского уезда 1600/01 года.

Действительно, Троицкому монастырю принадлежало в Подмосковье такое село, их у него было даже два — в Сурожском и Гоголеве стане,² однако данный источник имеет в виду, как оказалось, переславское село Давыдовское с присёлками Милославлем и Сушковым, деревнями Бориловкой, Ростинovým и Федосовым в Никитском (в дальнейшем — Киучерском) стане. Принадлежность названных селений Переславскому уезду подтверждается оброчной книгой Сергиева монастыря 1617 года, писцовой книгой 1629—31 годов и переписной книгой 1678 года.³

¹ Ивина, Л. И. Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XVI—XVII вв. / Л. И. Ивина // Записки Отдела рукописей / Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. — М.: Книга, 1965. — Вып. 27. — С. 149—162, особенно с. 155 и примечание 45.

² Отдел рукописей РГБ (ОР РГБ). Ф. 303 (архив Троице-Сергиевой лавры). Кн. 520. Л. 195 об.—199. Кн. 530. Л. 53 об.—55, 56 об.—57. Кн. 658. Л. 24 об., 28.

Писцовые книги Московского государства XVI века / Под редакцией Н. В. Калачова. — СПб.: Русское географическое общество, 1872. — Т. 1. — С. 61, 108, 281

Садиков, П. А. Из истории опричнины XVI в. / П. А. Садиков // Исторический архив / Институт истории АН СССР. — М., Л.: Академия наук СССР, 1940. — Т. 3. — С. 257—258.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209 (Поместный приказ). Кн. 348. Л. 144, 145 об., 146 об.

РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Оп. 14 (Переславль-Залесский уезд). Кн. 9086. Л. 149—152 об.

ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 573. Л. 12 об.—14. Кн. 583. Л. 16. Кн. 590. Л. 80.

Переславское село Давыдовское было передано в Троицкий монастырь Иваном IV 9 августа 1571 года «по душе» князя Ивана Дмитриевича Бельского, погибшего в Москве во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея в мае 1571 года. До нас, вероятно, не дошла «тарханная грамота за приписью дьяка Кирея Горина 83 году» (1574/75 года), упоминаемая в писцовой книге 1629—31 годов, по которой Троицкий монастырь владел селом Давыдовским, имевшим иммунитет.⁴

В 1600—1601 годах по приказу монастырских властей старец-замолотчик Вельямин Карачевец, в присутствии воскресенского священника (церковь Воскресения была в селе Давыдовском) и восьми «добрых крестьян» (то есть верхушки общины — *старосты* Потапа Федотова, *отрубщика* Семёна Корелкина и других), произвёл описание дворов этого вотчинного комплекса, а в них — тяглых дворохозяев, сидящих на соответствующей доле вытного тягла. (Выть — владельческая окладная единица.) Было также произведено измерение тяглой и «пустошной» пашенной земли и земельно-тяглое поравнение, перевёрстка-передел земли и сенокосных угодий между крестьянскими дворами.

Таким образом, анализируемый нами источник весьма уникален по своему содержанию и может быть назван одновременно переписной, вытной и мерной книгой. Его уникальность состоит в том, что он сообщает сведения о крестьянском землепользовании, о соотношении тяглое и не обложенного тяглом земельного надела монастырских крестьян, об уравнительном перераспределении земли в общине. Детальное описание крестьянских наделов (которые были измерены в каждом из трёх полей) отличает эту книгу

⁴ Горский, А. В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры / А. В. Горский. — М., 1890. — Т. 2. — С. 56, прибавления архимандрита Леонида, № VI.

ОР РГБ. Ф. 304/II (дополнительное собрание Троице-Сергиевой лавры). Кн. 40. Л. 6. (Пергаменный синодик XVII века.)

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. — М.: Наука, 1987. — С. 90, 220.

См. также: Добронравов, В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии / В. Г. Добронравов. — Владимир: Типо-литография В. Паркова, 1895. — Т. 2: Переславль-Залесский уезд. — С. 142—143. (Село Давыдовское находилось в 20 верстах от Переславля и 100 верстах от Владимира).

Смирнов, М. И. Феодальные владения Троице-Сергиева монастыря в Переславль-Залесском уезде XV—XVIII вв. / М. И. Смирнов // Труды Переславль-Залесского историко-художественного музея. — Переславль-Залесский, 1928. — Т. 6—7. — С. 50—51. (Село Давыдовское находилось при Берендеевом болоте.)

РГАДА. Ф. 281. Кн. 9086. Л. 152 об.

от других внутривотчинных описаний Троицкого монастыря конца XVI—XVII веков. По мнению Н. А. Горской, данные о крестьянском землепользовании не так уж часто встречаются в монастырских окладных книгах.⁵

В Давыдовской вотчине три поля назывались «большое» (оно же «заболоченное», среднее и третье (оно же малое или «зарокитное»). Указывались обычные нормативы посевов — по 2 четверти ржи на десятину и количество снимаемого сена с пожен (в копнах). Наиболее полные сведения сохранились по Давыдовскому, Милославлю и Сушкову. По деревне Ростиновой имеются только общие итоги, а по деревне Бориловке — лишь первые две строчки описания. Результаты нашего анализа обобщены в таблицах 1—2.

Всего было описано 77 крестьянских дворов. Каждый из них, судя по тексту книги, описывался на определённой доле выти, но были случаи описания не одного, а пары дворов, образующих выть или $\frac{3}{4}$ выти. К этой паре в целом указывался тяглый и не обложенный повинностями земельный участок. Под одной долей выти могли быть описаны два двора с живущими в них братьями и в то же время — два крестьянина не родственника в одном дворе. Однако чаще всего новые дворы, думается, образовывались на основе разделения братских и отцовских семей. Например, в присёлке Сушкове книга 1600/01 года называет последовательно дворы: Лукьяна Щурова, Ивана Щурова, Истомы Щурова (см. приложение, л. 83 об.—84 об.), которые, скорее всего, являются братьями, живут каждый самостоятельным хозяйством, обложенным определённой долей вытного тягла.

Из таблицы 1 видно, что в Давыдовской вотчине было 672,5 десятин в трёх полях пашни, из которых примерно 85% являлись тяглыми, а 15% — «пустошными», то есть обрабатывались крестьянами без несения с них феодальных повинностей. «Пустошная» земля образовывалась в результате запустения каких-то дворов: их жильцы могли умереть, состариться, бежать, а земля оставалась без тяглецов. Составленная в 1600/01 году книга — это как раз мероприятие по прибавлению «пустошной» земли к значительной части крестьянских дворов: в Давыдовском их оказалось чуть более половины, в Сушкове — 86%, а по Милославлю таких сведений нет.

⁵ Горская, Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. / Н. А. Горская. — М.: Наука, 1977. — С. 53, 165.

В развёрстке «пустошной земли» наблюдалось, как представляется большое разнообразие: в Давыдовском не видим строгой зависимости размеров прибавленной земли от доли вытного тягла, а в Сушкове, напротив, такая зависимость прослеживается. Здесь четвертьвытные дворы получали в прибавку по 5,375 десятины, а полувытные — по 10,75 десятины земли в трёх полях (таблица 2). В книге указывалось, земля какого запустевшего двора даётся в прибавку (Тимохинского, Шиловского, Коробовского), а также соответствующая передаваемому участку земли вытная доля и место его нахождения. Это место могло быть в непосредственной близости от самого двора («на одворице», «по заполью») или в отдалённом урочище («на Бобровике», «к Козлову», «в Жарех», «к Пекину лесу», «на Перхульеве», «вражек под болотие Онтипин Рукав»). Вообще, обилие упоминаний о заболоченной местности, о болотах является отличительной чертой природного фона анализируемого источника. В нём часто встречаются сведения о том, что придаваемые земли и раньше уже кем-то обрабатывались «из найму», то есть были на оброке за крестьянами, значит, община и земельный собственник стремились к тому, чтобы постоянно поддерживать окультуренный земельный фонд, не терять его. Кроме того, шёл процесс вовлечения в оборот прежде неосвоенных земель, на что указывают ссылки на «облог», то есть необработанные прежде, трудно доступные участки местности. Они расчищаются и раскашиваются. (Приложение, л. 93, 95 об.)

В Давыдовской вотчине в 1600—1601 годах происходил передел не только запустевшей крестьянской, церковной и монастырской земли, сенокосов, но и приусадебных земель с хозяйственными постройками («огуменники» и «огородцы», приложение, л. 82). В целом картина крестьянского землепользования в Давыдовском комплексе выглядит по вытной мерной книге 1600/01 года разнообразно (таблица 2). Наиболее крупные дворохозяйства, сидевшие на $\frac{3}{4}$ выти, имели по 18 десятин земли в трёх полях. Большинство дворохозяйств в селе Давыдовском, сидевших на $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ выти, имели земельные участки от 8 до 10 десятин для полувытных и 3,75—7 десятин для четвертьвытных дворов (с учётом прибавки).

В присёлке Милославле дворы, сидевшие на $\frac{1}{8}$ выти, обрабатывали наделы в 2,5 десятины в трёх полях, четвертьвытные — 5,25 десятины, полувытные — 10,5 десятины (таблица 2). Получается в среднем обычная тяглая выть размером в 21 десятину в трёх полях, по 14 четвертей в одном поле. А. Л. Шапиро определяет «унифици-

рованный вытный участок» в 12—14—16 четвертей земли в одном поле доброго, среднего и худого качества.⁶ По троицким писцовым книгам 1590-х годов известны вотчинные комплексы и с унифицированными (обычно по 10 четвертей в поле), и с разновеликими вытями.⁷

Обращение к троицким писцовым книгам 1590-х годов важно и тем, что по Переславскому уезду они рисуют схожие порядки землеустройства, что и разбираемая нами вытная книга 1600—1601 годов. В частности, в Переславском уезде фигурирует «пустошная пашня, что из монастыря дают в наём», располагавшаяся и на пустошах, и в жилых деревнях. Значит, учёт этой категории пашни вёлся и вотчинником, и государевыми писцами. Учёт её необходим и при исследовании реальных крестьянских наделов, которые в значительной степени могли включать именно эту категорию пашни. По нашим подсчётам, 53% пашни были «пустошной» в переславской половине села Зубачева, 35% — в Купани, 23% — в Копнине Никольском⁸ в конце XVI века. Сама же практика фиксации живущей и пустой пашни во внутривотчинных описаниях известна раньше, чем в государственных (официальных). Наиболее ранний факт этого рода — составление вотчинного «дозора» по ростовскому селу Поникарову в 1529 году.⁹

По сравнению с писцовой книгой 1629/31 годов, вытномерное описание Давыдовской вотчины 1600/01 годов даёт более высокие показатели средних крестьянских наделов. По официальным

⁶ Шапиро, А. Л. Выть — единица обложения в Русском государстве XV—XVII вв. / А. Л. Шапиро, З. В. Дмитриева // Средневековая Русь: Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995. — С. 94—135.

См. также: Дмитриева, З. В. Земельные переделы XVI в. (По материалам вотчин Кирилло-Белозерского монастыря) / З. В. Дмитриева // *Russia Mediaevalis*. — München: Wilhelm Fink, 1992. — Т. VII. — С. 112—120.

⁷ Колычева, Е. И. Аграрный строй России XVI в. / Е. И. Колычева. — М.: Наука, 1987. — С. 98—99.

⁸ Черкасова, М. С. О формах землепользования в вотчине Троице-Сергиева монастыря в конце XVI—первой четверти XVII в. / М. С. Черкасова // *Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений*. — М.: Издательство МПГУ, 1994. — С. 22, таблица 2.

⁹ Черкасова, М. С. Крестьянское хозяйство на монастырских землях Ростовского и Ярославского уездов в первой половине XVI в. / М. С. Черкасова // *История и культура Ростовской земли: 1995*. — Ростов, 1996. — С. 16—22 и таблица 1 на с. 18.

Таблица 1. Давыдовская вотчина Троице-Сергиева монастыря в начале XVII века

	Дворов			Вытей		
	всего	с добавкой	%	в тягле	в пусте	
Давыдовское	33	17	52%	13,25	1,75	
Милославль	29	—	—	9,125	—	
Сушково	15	13	87%	4,5	3,5	
Всего	77	30	39%	26,875	5,25	
	Пашни в трёх полях (десятины)			Пашни в трёх полях, на двор		
	всего	в тягле	в пусте	всего	в тягле	в пусте
Давыдовское	309,9	280,4	29,5	9,4	8,5	1,7
Милославль	191,0	191,0	—	6,6	6,6	—
Сушково	171,6	96,5	75,1	11,4	6,4	5,8
Всего	672,5	568,0	104,6	8,7	7,4	3,5

Источник: см. приложение.

(*) Не включены неполные сведения источника по деревням Борилровка и Ростиново.

Таблица 2. Вытные оклады и крестьянская пашня в тягле и в пусте

	Дворов на доле выти							
	в тягле				в пусте			
	$\frac{1}{8}$	$\frac{1}{4}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{3}{4}$	$\frac{1}{8}$	$\frac{1}{4}$	$\frac{3}{8}$	$\frac{1}{2}$
Давыдовское	—	14	16	3	—	5	—	1
Милославль	5	14	10	—	—	—	—	—
Сушково	2	9	4	—	1	10	1	1
	Пашни в трёх полях на двор (в десятинах)							
	тяглой				пустошной			
	$\frac{1}{8}$	$\frac{1}{4}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{3}{4}$	$\frac{1}{8}$	$\frac{1}{4}$	$\frac{3}{8}$	$\frac{1}{2}$
Давыдовское	—	5,7	9,0	18,0	—	1,5	—	9,0
Милославль	5,25	10,5	—	—	—	—	—	—
Сушково	2,6	5,3	10,7	—	2,6	5,3	8,0	10,75

Источник: см. приложение.

(*) Не включены неполные сведения источника по деревням Борилровка и Ростиново.

данным, к началу 1630-х годов здесь было только 14 крестьянских дворов, а надел составлял лишь 5,2 четверти в одном поле на двор.¹⁰ Думается, что и с учётом разорительного Смутного времени эти сведения заниженные, как и сомнительна сообщаемая писцами для 1629—1631 годов численность других категорий сельского населения, помимо крестьян (бобылей 13 дворов и детёнышей 13 дворов). Наши сомнения основаны на том, что ни в вытной 1600/01 года, ни в оброчной книге 1617 года по селу Давыдовскому ни о бобылях, ни о детёнышах не говорилось.¹¹

Группа последних появилась в писцовой книге 1629—31 годов в связи с информацией о монастырской пашне, также не вызывающей сомнения (150 четвертей, которые значительно превосходят объём крестьянской запашки в 73 четверти). Описания 1600/01 и 1617 годов показывают, что значительного господского хозяйства в Давыдовском комплексе корпорация не имела, а судя по позднейшей приходно-расходной книге 1703—1704 годов и офицерским переписям 1760-х годов, здесь однозначно преобладал денежно-оброчный профиль.

В приложении даётся текст вытной, мерной и переписной книги троицкого старца Вельямина Карачевца по переславскому селу Давыдовскому 1600—1601 годов. Текст приводился полностью, повреждённые места в нём оговариваются, буквенная цифирь показателей пашни, сенокосов, вытей передаётся современными цифрами. Обозначения типа пол-2 или пол-4 указывают соответственно на 1,5 или 3,5. Надеемся, что публикация столь ценного источника будет способствовать дальнейшему обстоятельному изучению проблемы земельных переделов, крестьянского землепользования и вытного обложения в период феодализма.

¹⁰ Черкасова, М. С. Переславские вотчины Троице-Сергиева монастыря по писцовому описанию 1620—1640-х гг. / М. С. Черкасова // История и культура Ростовской земли: 1997. — Ростов, 1998. — С. 59—64 и таблица 3. (В таблице ошибочно показаны 22 крестьянских двора в Давыдовском на 1629/31 годы, тогда как в итогах писцов 14 крестьянских дворов.)

¹¹ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ по Переславлю). Кн. 9086. Л. 149—152 об.

Приложение.

1600/01 год. Вытная и мерная книга троицкого
вотчинного села Давыдовского в Переславском уезде

Лета 7109 году по благословению Троицы Сергиева монастыря л. 87
отца нашего архимандрита Кирилла и по приказу государя нашего
келаря старца Иакакея и государя казначея старца Ильи и старцов
соборных Давыдовской замолодчик старец Вельямин Карачевец с Да- л. 87
выдовским с Воскресенским священником с Первым да // старостою об.
с Потапом с Федотовым, да с отрубщиком Семеном с Корелкиным,
да с добрыми крестьяны села Давыдова с Шестаком с Логиновым
да с Ияковом Ватолиным, да приселка Милословля с Мартыном
з Дмитреевым, да с Ъстомою с Полтовиною, деревни Ростиновы
с Митею с Козлом да с Ъваном з Дубровою, приселка Сушкова
с Ъваном Щуровым да с Ъваном Ортемовым, деревни Федосова ...¹²
// Исаева у Михаила у Логинова на 3 чети в тягле, да у него ж на четь л. 88
выти в пусте заболоченово поля 6 десятин, сеетца 12 четей ржи,
да в среднем поле у него же 8 десятин, сеетца 16 четей ржи, да в за-
рокитном поле у него 4 десятины, да у него же на Козлове х тому ж
полю 2 десятины. И в том поле зарокитном у него на выть 7 десятин,
сеетца 14 четей ржи, да пожен на ту выть на 40 копен. // Да у Гриши л. 88
у Судовика на полвыти да у Исаея у Онисимова на полвыти и на всю об.
выть заболоченово поля 6 десятин.

И в то поле прибавлено им на выть Тимохинского двора деся-
тина за ...¹³ кою, а не одворицы. И в то поле земли на 12 четей,
да в среднем поле х Козлову пашни 6 десятин на 12 четей ржи,
да в зарокитном поле у них 7 десятин на 14 чети, да пожен у них
на выть 40 копен. // л. 89

[У Вас]илия у Горбунова на полвыти заболоченово поля пол-4
десятины с Обрамовскою землею, да у него же в среднем поле
3 десятины на 6 чети, да в зарокитном поле пол-4 десятины земли
на 7 чети, да пожен на 30 копен.

Да у Ондрея у Салкова в тягле на чети выти, да у него же в пусте
четы выти.

Да у Тимохи у Зкорикова в тягле на четь выти, да у него же
в пусте четь выти. И на всю выть земли заболоченово поля 6 деся- л. 89
тин // на 12 четей, да в среднем поле ...¹⁴ [деся]тин на 12 четей, об.

¹² Далее слово неразборчиво.

¹³ Текст в этом месте повреждён.

¹⁴ Текст в этом месте повреждён. По смыслу должно быть 6 десятин.

да в зарокитном поле 3 десятины, да у них же к зарокитному полю на Бобровике пашни 2 десятины. Да им же придана к зарокитному полю Тимошинского двора Ключникова десятина, да Тимохинского двора придана им десятина к среднему полю, что у Якова была

л. 90 у Ватолина в придаче, да пожен на 30 копен. //

У ...лова¹⁵ на полвыти в тягле да у Якова у Ватолина в тягле на четь выти была целая выть, а дана без четверти за выть, заболоченово поля 5 десятин на 10 чети, да в среднем поле 6 десятин на 12 четей, да в зарокитном поле 3 десятины, да дана ему монастырская отхожая десятина за дорогою к Пекину лесу х тому ж зарокитному полю¹⁶ на 8 четей, да пожен на 30 копен. //

л. 90 об. Да у Кита у Курсенева на полвыти ...¹⁷ у Вихля на четь выти заболоченово поле да в среднем поле 6 десятин, из тех дву пол[ь] приписано 2 десятины х третьему полю к зарокитию и в зарокитье у них 3 десятины. И во всех трех полях у них без четверти, на выть

л. 91 по 5 десятин, сеетца по 10 чети, да пожен у них на 30 копен. //

...ни¹⁸ у Данилова на полвыти заболоченово поля 2 десятины. И в то поле прибавлено ему десятина Тимошинского двора, да в среднем поле 4 десятины, да в зарокитном поле 2 десятины. И в то поле прибавлено ему десятина Тимошинского двора, да в среднем поле 4 десятины, да в зарокитном поле 2 десятины. И в то поле прибавлено ему в зарокитное поле заболоченово поля десятина Тимошенского двора, что Треня наймовал Дудырев, да пожен на 15 копен.

л. 91 об. У Овдокима у Степанова на полвыти да у брата его у Третьяка на четь выти в тягле, да у них же на четь выти в пуге // заболоченово поля на всю выть 6 десятин, да в среднем поле 6 десятин, да в зарокитном поле пол-4 десятины, да х тому ж полю к зарокитному

л. 92 в Жарех у них пол-2 десятины, да Тимохина двора дана ему пол-выти да 2 десятины в зарокитном поле. И всей пашни на всю выть в зарокитном поле дано на 7 десятин на 14 четей, да пожен на 30 копен. //

У Лазоря у Немово на четь выти в тягле да четь выти в пуге и на всю полвыти пашни в заболоченом поле 5 десятин, да в среднем поле 3 десятины, да в зарокитном поле 2 десятины, да прибавлено

¹⁵ Текст в этом месте повреждён.

¹⁶ Слово написано над строкой тем же почерком.

¹⁷ Текст в этом месте повреждён.

¹⁸ Текст в этом месте повреждён.

ему ж пол десятины к зарокитно ¹⁹⁻ му полю Тимошинского двора, что Первуша пахал в среднем поле, ⁻¹⁹ да пожен на 20 копен.

У Левы у Широково на три чети в тягле да четь выти в пугсте преж сево было пол-2 выти, а нынеча положено за выть Сидоровского двора, выть положена за полвыти, а что у тое выти осталась десятина заболоченово поля, и та десятина отдана ему ж в прежной // ево полу-выти. И на²⁰ ту на всю выть на жилое и на пусто во всех трех полях по 6 десятин, да пожен и Сидоровскою вытью на 40 копен. л. 92 об.

Да у Исака у Парфенова на полвыти в тягле да у Ивана Матренина на полвыти ж в тягле и на всю выть заболоченово поля 7 десятин, да в среднем поле 6 десятин, да в зарокитном поле 3 десятины. И в то поле дано им прибавки Кузмина двора Иванова четь выти во всех трех полях к зарокитному полю по десятине, // что была в придаче у Пятово у Иванова и з пожнями, да пожен у них с прибавкою на 30 копен. л. 93

У Якуни у Копосова на четь выти в тягле да четь выти в пугсте и на всю полвыти заболоченово поля 2 десятины, да прибавлено ему в тое ж поле Тимошинского двора десятина за кустом, что Пятой Моря облог орал, да в среднем поле 3 десятины, да в зарокитном поле 3 десятины, да пожен на 30 копен.

Да у Петрушки у Купреянова на полвыти в тягле да у Федота у Берсенева на чети выти, // да четь выти в пугсте. И на всю выть заболоченово поля 5 десятин, да в среднем поле 6 десятин, да в зарокитном поле 4 десятины. И та выть положена за три чети, да пожен на 20 копен. л. 93 об.

Да у Трени Дудырева на полвыти заболоченово поля пол-3 десятины, да в зарокитном поле пол-4 десятины, да пожен на 10 копен.

Да Ореховского двора полвыти положена на четь выти и заболоченово поля пол-2 десятины, да в среднем поле пол-2 десятины, да в зарокитном поле 2 десятины, да пожен на 5 копен. // л. 94

Да у Семы у Первушина на полвыти в тягле да у Олеши у Яковлева в тягле на чети выти на три чети заболоченово поля 5 десятин, да у них в среднем поле 6 десятин, да в зарокитном поле придано Шиловского двора четь выти десятина с четвертью, что преж сево у них в придаче была Пономаревского двора, да пожен у них на 30 копен. // л. 94 об.

¹⁹ Фраза написана тем же почерком по вертикали по правому краю листа.

²⁰ Слово написано над строкой тем же почерком.

Да Шутовской выти заболоченово 5 десятин, да в среднем поле 6 десятин, да зарокитново поля 4 десятины, да пожен на 30 копен, положена выть без четверти.

л. 95 Да у Кузмы Иванова на полвыти Наумовская пашня в тягле, заболоченово поля 3 десятины, да в среднем поле 3 десятины, да в зарокитном поле 3 десятины, да пожен на полвыти на 20 копен. //

У Пятово у Иванова на полвыти заболоченово поля пол-4 десятины, да в среднем поле х Козлову 4 десятины, да в зарокитном поле 2 десятины, да на Козлове в запади х тому ж полю десятина х каменю, да пожен на 30 копен.

л. 95 Да у Василья у Плешка на чети выти заболоченово поля 2 десятины, да в среднем поле х Козлову 2 десятины, да в зарокитном поле 2 десятины, да пожен на 15 копен. //

л. 96 об. У Пятово у Моры без четверти на выти в дву полях 5 десятин, да в зарокитном поле у него же 3 десятины. И в то поле прибавлено ему в зарокитное, что Олеша Яковлев пахал Карповского двора в Жарех, на четверть десятины, да что Осюта розпахал пол десятины Карповского двора в Жарех да Метляковского двора на Козлове к Жаром облогу пол-осмины, Онкудинцова облогу на четверть десятины, да тому ж Пятому розщистити в Жарех свое выти на четверть десятины, да пожен у него на // три чети на 15 копен. Да ему ж дано в прибавку Митюшина двора пожни на 10 копен, что Олеша Яковлев розкашивал.

л. 96 об. У Мартына у Вандыша четь выти в тягле Опаренского двора заболоченово поля 2 десятины без четверти с старою ево придачею, да в среднем поле х Козлову 2 десятины, да в зарокитном поле пол-2 десятины. Да на полвыти Опаренского двора в пусте // заболоченово поля 3 десятины с четвертью, да в среднем поле х Козлову 4 десятины, да в зарокитном поле 3 десятины, да у Мартына на чети выти на Опаренскую и на пустую полвыти пожен на 20 копен.

л. 97 Да у Шеста у Сидорова на чети выти заболоченово поля 2 десятины, да в зарокитном поле 2 десятины без четверти, да пожен на 10 копен. //

Да у Осюты Игнашинского двора четь выти в тягле, заболоченово поля 2 десятины, да у него же на другую четь выти в тягле монастырского поля 2 десятины, да в среднем поле пол-2 десятины, да монастырского поля на другую четь выти 2 десятины, да в зарокитном поле в тягле Игнашевского двора десятина с четвертью, да монастырского поля на четь выти 2 десятины, да пожен 20 копен.

Да у Кузнеца в тягле на чети выти Игнашевского двора заболоченово поля 2 // десятины без четверти, да в среднем поле 2 десятины без четверти, да в зарокитном поле 1 десятина с четвертью, да пожен на 10 копен. Да того же Игнашевского двора полвыти в пусто заболоченово поля 4 десятины, да в среднем поле 3 десятины, да в зарокитном поле 2 десятины, да пожен 20 копен. л. 97 об.

Да Шиловского двора в пуге выть положена за полвыти, заболоченово поля 3 // десятины, да в среднем 3 десятины, да в зарокитном 3 десятины, да пожен на 30 копен. л. 98

Да Тимохинского двора в зарокитном поле осталось одворицы к заболотью 2 десятины, да в среднем поле осталось одворицы х Козлову 2 десятины да пожен на 10 копен в пуге, а в третьем поле земля отдана в прибавку Овдокиму Шевелеву на выть, // да Сидоров куст в пуге на монастырь. л. 98 об.

Да монастырская пожня под Бариловкою да другая ж пожня на Перхулеве давати в наем, что Лазорь Немой косил ²¹- Тимошинского двора, ²¹ да на Перхулеве пожня пустошная отдавати в наем, что Ондрей Салков да Скориковы косили ²²- Карповского двора, ²² да на Бобровике да в Жарех и на Перхулеве Карповского двора поженка ходит в наймех. // л. 99

Приселка Милославля жилых вытей в тягле.

У Кузмы у Белоборода, была выть, дано за полвыти, а пашни у него на ту полвыти во всех трех полях ровно пол-4 десятины, сеетца в поле пол-7 чети ржи, да пожен на 10 копен.

Да Истома Полтовина с пасынки живут на полувыти, а пашни у него во всех трех полах пол-4 десятины, да пожен на 10 копен. // л. 99 об.

Да Михайло Гогуля живет на чети выти, а пашни у него во всех трех полях по 3 десятины без четверти, да пожен на 5 копен.

Да у Пятово у Родионова церковные земли на полвыти в оброке во всех трех полях пол-4 десятины, да пожен на 10 копен.

Да у Ивана у Вашутина на полвыти во всех трех полях пол-4 десятины.

У Мити у Хурстова на чети выти, а пашни во всех трех полях по 2 десятины без четверти да пожен на 5 копен. // л. 100

Да у Василья у Левонтьева на полвыти пашни во всех трех полях пол-4 десятины да пожен на 10 копен.

²¹ Фраза написана над строкой тем же почерком.

²² Фраза написана над строкой тем же почерком.

У Нежданка у Бородулина на осмак 1 десятина без четверти с пол-осминником да пожни пол-3 копны.

Да у Гриши на осмаке 1 десятина без четверти с пол-осминником, да пожни на пол-3 копны.

л. 100 об. У Мартьяна на чети выти во всех трех полях по 2 десятины // без четверти да пожен на 5 копен.

Да у Василья на чети выти пашни во всех трех полях по 2 десятины без четверти, да пожен на 5 копен.

Да у Сенки Дружинина на чети выти в тягле пашни во всех трех полях по 2 десятины без чети, да пожен на 5 копен.

Да у Трушки на чети выти пашни во всех трех полях по 2 десятины без четверти, да пожен на 5 копен.

л. 101 по 2 десятины // без четверти, да пожен на 5 копен.

Да у Логинка на чети выти пашни во всех трех полях по 2 десятины без четверти, да пожен на 5 копен.²³

Да пустошных вытей в приселке на Милославле.

Якунинского двора в пусе четь выти, пашни в трех полях по 2 десятины без четверти, да пожен на 10 копен.

л. 101 об. Осерихинского двора полвыти, пашни // в трех полях по полу-4 десятины.

Щитина двора четь выти в пусе, пашни в трех полях по 2 десятины без четверти.

Гришинского двора Костылева в пусе пашни полвыти, в трех полях по пол-4 десятины, да пожен на 10 копен.

л. 79 Карповского двора в пусе полвыти, пашни в трех полях по полу-4 десятины да пожен на 20 копен.²⁴ //

Коробовского двора в пусе полвыти, пашни в трех полях по полу-4 десятины да пожен на 5 копен.

Савинского двора осмачок в пусе, пашни в трех полях по десятине без пол-осминника, да пожен на 5 копен.

Колотиловского двора осмачок в пусе, пашни в трех полях по десятине без пол-осминника, да пожен на 10 копен.

л. 79 об. Манинского двора в пусе четь выти, пашни в трех полях по 2 десятины без чети десятины, да пожен на 5 копен. //

²³ Далее оставлено свободное место для двух строк.

²⁴ Далее с листа 102 идут тексты постороннего содержания. Сбивка в нумерации листов связана с особенностями формирования сборника 637. См. статью Л. И. Ивиной, примечание 1.

Василиевского двора Бовыкина в пусе четь выти, пашни в трех полях по 2 десятины без четверти, да пожен на 5 копен.

Мартянова двора в пусе четь выти, пашни в трех полях по 2 десятины без четверти, да пожен на 5 копен.

Безсоновского двора в пусе полвыти, пашни в трех полях по пол-4 десятины, да пожен на 8 копен.

Беляевского двора в пусе четь выти, пашни в трех полях по 2 десятины // без четверти, да пожен на 2 копны.

л. 80

Мухина двора в пусе осмачок, пашни в трех полях по десятине без пол-осминника.

Да Соплинского двора в пусе осмачок, пашни в трех полях по десятине без пол-осминника, да пожен на 7 копен.

Да Осерихинского двора в пусе в двух полях по десятине.

Да Мухинского двора в пусе в третьем поле десятина, положена за осмачок, да пожни дано х тому ж осмачку лужа // Подберезки, да вражек под болотие Онтипин Рукав, в обоих местех на 10 копен.²⁵ //

л. 80
об.

л. 81

Да в деревне на Ростинове жилово в тягле пол-5 вытей, пашни у них в большом поле на выть по 6 десятин, а в среднем поле на выть по 5 десятин, а в третьем поле на выть по 4 десятины.

Да у них же в пусе пол-2 выти тож: в большом поле на ту пол-2 выти 9 десятин, и та пустошная пол-2 выти 9 десятин дана на жилое на пол-5 выти на выть // по 2 десятины, да в среднем поле тое полуторы выти по полу-8 десятины. И та пол-осмы десятины роздана на жилое на пол-5 выти, на выть по полуторе десятине. А без четверти десятина среднево поля осталась отдати в малое поле. А в третьем поле полуторы выти в пусе 6 десятин, отдана на жилое на пол-5 выти, на выть по полуторе десятине на 4 выти. А на полвыти десятина с четвертью, а за четверть // десятины дано Ивану Дуброве на полвыти одворище Лепешкинского двора и с огуменником, и с огородцом полувытное за то ему дано, что ему к меже.

л. 81
об.

л. 82

Да пожен на ту пустошную полторы выти на 15 копен, и та пожня поделити им на жилую на пол-5 выти.

Да в деревне на Ростинове живущего в тягле пол-5 выти, а на выть пашни дано в большом поле по 8 десятин, да в среднем поле по пол-7 десятин, в третьем поле по полу- // 7 десятине, да пожен на всякую выть по 20 копен.

л. 82
об.

²⁵ Далее текст обрывается, остальная часть листа 80 об. оставлена чистой.

Да в приселке в Сушкове живущево в тягле пол-5 выти, да в пус-
сте 11 вытей, а пашни у них в жилом и в пусе вся ровна в дву
полах по 6 десятин, а в третьем поле по 5 десятин. И на 8 вытей
на жилое на пол-5 вытей. Да у них же в пусе пол-4 выти. И на ту
л. 83 8 вытей // дано им в прибавку по государей наших приказу 2 выти
Олексеевская Полуехтова выть пустошная да Грибачевская полвыти,
да Калинкина жеребья полвыти ж, в дву полах дано им на 8 вытей
по пол-осме десятине, а в третьем поле по полу-7 десятине на жилое
и на пусто на 8 вытей всем ровно.

А имяна тем жилым крестьяном и что у них пустошные вытные
л. 83 // пашни пол-4 выти, на которые выти у них земли прибавлено.
об.

Дороня — живет на полувыти, а другая у него полвыти в пусе,
да пожен на выть на 40 копен.

Да Иван Ортемов з братьями — живет на полувыти, а пустово
у них нету, да пожен на полвыти на 20 копен.

Да Лукьян Щуров — живет на полувыти, а четверть выти в пусе,
да пожен на 20 копен.

Да Иван Дарин да Роман Пырын — живут на полувыти, да пожен
л. 84 на 20 копен. //

Сидор живет на чети выти, а четверть выти в пусе Тренинская,
да пожни на 10 копен.

Калинка — живет на чети выти, а четь выти в пусе того ж двора,
да пожен на 20 копен.

Да Федор з братом с Костею — живут на полувыти в дву дворех,
а другая полвыти в пусе их же двора, да пожен на 50 копен.

Иван Щуров — живет на чети выти, а четь выти того ж двора
л. 84 в пусе, да пожен на выть на 30 копен. //

об. Да Истома Щуров — живет на чети выти, а четь выти того ж
двора в пусе.

Да Харя — живет на чети выти, а четь выти того ж двора в пусе,
да пожен на 40 копен.

Иван Микифоров — живет на чети выти, а другая четь выти
в пусе, да пожен на полвыти на 30 копен.

Да Тишка Гребенев — живет на чети выти, а четь выти того ж
л. 85 двора в пусе, да пожен на выть на 30 копен. //

Да Паня — живет на осмаке, а три осмака того двора в пусе,
да пожен на четь выти на 10 копен.

Да Посник — живет на осмаке, а осмак того двора в пусе, да по-
жен на четь выти на 10 копен крестьяном.

Да на Олексеевскую выть, что роздана крестьяном.²⁶ //

л. 85
об.

Да за теми осмы вытми в пугте на Сушкеве пол-5 выти, а пашни на те пустошные выти к старой их земле прибавлено по тому ж, что на жилое на 4 выти пятая Онохинского двора выть, что Семейка жил Матусов, а пожня тое выти косити на монастырь на 40 копен.

А имяна тем пустошным вытем. Ушаковского двора выть, да пожен на 30 копен. Да Мухинского двора выть, да пожен на 30 копен. Микитинского двора выть в пугте, да пожен на 40 копен. Да Матюшинского двора полвыти // в пугте, да пожен на 30 копен.

л. 86

Да Старопуповского двора четь выти в пугте.

Да Бетюковского двора четь выти в пугте, да пожен на 5 копен.

Да Иванова двора Дарьина четь выти в пугте, да пожен на 5 копен.

И у тех у всех полу-5 вытей у пустотных в дву полах дано по пол-8 десятине, а в третьем поле по полу-7 десятине.

А на всякой десятине сеетца по 2 четверти ржи. //

л. 86
об.

И всего в приселке Сушкеве жилово пол-5 выти, а в пугте 8 вытей. А пашни у них на жилое и на пугто поверстано всем ровно в дву полах по пол-8 десятине, а в третьем поле по пол-7 десятине.

Да деревня Бариловка — жилово 3 вытей, а земля у них вся ровна, в дву полях по 8 десятин.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 303, архив Троице-Сергиевой лавры. Кн. 637. Л. 87—101 об., 79—86 об.

На л. 87 тем же почерком:

К сем книгам поп Первой руку приложил.

²⁶ Далее оставлено свободное место для трёх строк.

Секция 3

Исследования русского искусства
и культуры

Памятник архитектуры как объект историко-культурного изучения в учебном процессе

А. А. Аронова

Архитектура имеет древнюю историю. Её абстрактная сущность скрывает в разнообразных геометрических формах и декоративных деталях «код» исторического времени, те «волшебные слова», которые открывают дверь в прошедшую эпоху человеческой жизни. Разгадка этого кода постоянно волновала архитекторов, теоретиков зодчества, учёных и философов. Так архитектура и её объект — отдельно взятое сооружение — становились объектами размышлений и интерпретаций.

В I веке нашей эры римский строитель Витрувий писал: «Как во всём прочем, так главным образом в архитектуре заключаются две вещи: выражаемое и то, что его выражает. Выражается предмет, о котором идёт речь; выражает же его пояснение, сделанное на основании научных рассуждений. Поэтому ясно, что тот, кто считает себя архитектором, должен быть силён и в том и в другом. Таким образом, ему надо быть и одарённым и прилежным к науке: ибо ни дарование без науки, ни наука без дарования не в состоянии создать совершенного художника. Он должен быть человеком грамотным, умелым рисовальщиком, изучить геометрию, всесторонне знать историю, внимательно слушать философию, быть знакомым с музыкой, иметь понятие о медицине, знать решения юристов и обладать сведениями в астрономии и в небесных законах».¹

Через четырнадцать столетий итальянский архитектор-философ Леон Батиста Альберти дополнил Витрувия, заявив: «Мы знаем, что здание есть своего рода тело, которое, как и другие тела, состоит из очертаний и материи, причём первые создаются умом, а вторая берётся из природы. Для первых нужны ум и мысль, для второй — подготовка и выбор. Но, по нашему мнению, сами по себе они не достаточны, если не приложена рука опытного художника, которая оформляет материю очертаниями».²

¹ *Витрувий*. Десять книг об архитектуре / Витрувий; перевод Ф. А. Петровского. — М.: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1936. — С. 20.

² *Альберти, Л.-Б.* Десять книг о зодчестве / Л.-Б. Альберти; перевод В. П. Зубова. — М.: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1935. — Т. 1. — С. 8.

Всё чаще в поле зрения историков попадают вопросы, сюжеты и образы, принадлежащие пограничным областям гуманитарных знаний — социологии, антропологии, культурологии, искусствознанию. История архитектуры — одна из таких пограничных наук. Изучая конкретные проблемы и явления отечественного зодчества, искусствоведы обращаются к вопросам сугубо исторического характера. Обсуждение практически любого архитектурного явления происходит на конкретном историческом фоне, а построение крупных монографических исследований ведётся по хронологическому принципу, хотя на сегодняшний день он не является самодостаточным и соседствует с многовариантными проблемными подходами. Междисциплинарный подход в изучении явлений истории, культуры и искусства становится в последнее время одним из наиболее эффективных и приоритетных методов гуманитарного исследования.

Архитектурное сооружение — одна из бесчисленных «находок» исторического исследования. Его текст содержит много тем, непосредственно связанных с историческим процессом той или иной эпохи. Приведём лишь несколько примеров того, как социально-политическая форма общества влияет на характер поселения.

- эпоха Средневековья строит замкнутые укреплённые города, в которых главной доминантой становятся огромные соборы; огораживая и защищая своё земное существование, оно постоянно обращается к богу, демонстрируя первичность духовной жизни;
- эпоха Просвещения выбирает открытые городские перспективы, симметричные композиции, логику и уравновешенность ордерных форм, следуя рациональным принципам разума как высшей мировоззренческой категории;
- огромные города XX века отражают научно-техническую революцию, демографический взрыв и перераспределение общественных слоёв в сфере занятости.

Социально-политический фактор влияет на взаимосвязи отечественной архитектуры с художественной средой. Тенденция к обогащению собственной художественной системы на одних этапах (как это было при возникновении русского каменного зодчества в X—XI веках и во время петровских реформ XVIII столетия) сменяется периодами внутренней самодостаточности и зрелости (таковы XIII—XIV века в Новгороде или XVI столетие в Москве). В начале

XX века мы наблюдаем, наоборот, активное влияние отечественной архитектуры на мировую.

Большую роль в истории архитектуры играет фигура заказчика. Его социальное положение, образование, вероисповедание, вкус и другие факторы активно воздействуют на выбор художественного решения сооружения. В средневековом периоде личность заказчика доминирует в определении архитектурного решения над личностью зодчего.

Рядом с заказчиком всегда стоят исполнители его воли — зодчий, архитектор, строитель, мастер и инженер. Характер распределения их ролей в социуме, стиль взаимоотношения исполнителей в их собственной социальной среде, уровень развития науки, техники и образования, как общего, так и специального — все эти моменты, непосредственно связанные с ходом исторического процесса и развитием культуры, оказывают существенное влияние на формирование художественного образа отдельного архитектурного сооружения, целого направления и всего стиля.

Сегодня в исторической науке, в культурологии и истории архитектуры получены значительные результаты в разработке и исследовании таких тем. Существует большая литература, посвящённая проблемам отечественной истории и культуры. Накоплен немалый материал в области изучения социального фактора (общество как заказчик-исполнитель) в архитектуре. Наконец, можно говорить о принципиально новой стадии в изучении русской архитектуры — фактологическая база чрезвычайно расширилась в последние десятилетия за счёт введения в неё вновь открытых памятников, имён архитекторов и заказчиков, новых архивных документов.

С этих позиций мы ставим вопрос об использовании феномена архитектурного сооружения в гуманитарном образовании как репрезентативного объекта, обладающего разнообразной культурно-исторической и художественной информацией. Примером подобного подхода стал лекционный курс «История России в памятниках архитектуры и инженерной мысли», который был прочитан на одном из факультетов Историко-архивного института.

В этом курсе следовало раскрыть историю России, начиная с периода Киевского княжества и заканчивая событиями XX века, через «текст» специально отобранных памятников архитектуры. Для отбора архитектурных сооружений выбраны следующие критерии:

- многоаспектная информационная насыщенность, то есть обеспеченность данного памятника достаточным набором исторических и культурных источников;
- типичность или уникальность художественного решения;
- наличие прочитываемых связей с различными социальными, политическими и культурными явлениями эпохи.

Архитектурное сооружение воспринималось и демонстрировалось не только как художественный образ, наделённый формальными архитектурными особенностями, но и как фокус социальных, политических, религиозных, культурных и других исторических событий. Такой взгляд на архитектурный процесс и отдельное сооружение позволил взглянуть на события русской истории IX—XX веков под совершенно новым углом зрения, проявить и показать новые связи явлений, влияния, причины и следствия многих известных событий.

Наш подход основывается на методах структурного, компаративного и антропологического анализа, которые позволяют проявить «текстовые характеристики», содержащиеся в архитектурном сооружении.

Результаты этих методов в интерпретации истории архитектуры будут полезны историкам, культурологам, искусствоведам, студентам гуманитарных вузов. Они позволят воспринимать архитектурное сооружение как носитель ценнейшей гуманитарной информации.

Такая интерпретация архитектурного памятника использованы творческой группой преподавателей Факультета музеологии РГГУ (Алла Александровна Аронова, Артур Адамович Галашевич, Марта Александровна Полякова) для разработки интернет-проекта «История государства Российского в памятниках архитектуры и градостроительства», который получил поддержку Министерства культуры в нынешнем 1999 году.

Цель проекта — популярная обработка историко-архитектурного материала, превращение его в многоуровневую информацию, способную донести знание об архитектуре, истории и культуре России до широкого круга людей, пользующихся сетями Интернет.

Памятники архитектуры и градостроительства объединены в проекте в четыре историко-культурных блока. Каждый блок содержит 5—6 памятников архитектуры и градостроительства, обладающих большой информационной насыщенностью и представляющих значительные явления в истории русской архитектуры. Они позволят

раскрыть события истории и одновременно дать представление о культуре и искусстве данного периода.

Предполагаемый перечень памятников таков.

- Средневековая Русь (IX—XV века) — Софийский собор в Новгороде (1045—1050 годы), собор Михаила Архангела в Смоленске (конец 1180—начало 1190-х годов), Успенский собор во Владимире (1158—1160, 1189 годы), ансамбль Боголюбова под Владимиром (1158—1165 годы), церковь Спас-Нередицы (1198 год).
- Московское государство (XV—XVII века) — ансамбль Московского Кремля (1475—1508 годы), церковь Вознесения в Коломенском (1532 год), собор Покрова на Рву в Москве (1555—1561 годы), Кирилло-Белозерский монастырь (конец 1490—конец 1690-х годов), Троице-Сергиев монастырь (1422—конец 1690-х годов), ансамбль митрополичьей усадьбы в Ростове Великом (1660—1680 годы), Рождественская церковь в Нижнем Новгороде (1697—1703 годы).
- Российская империя (XVIII—XIX века) — Петропавловская крепость в Петербурге (1706—1787 годы), ансамбль Петергофа (1714—1833 годы), ансамбль Дворцовой площади в Петербурге (1754—1838 годы), здание Сената в Московском Кремле (1776—1787 годы), ансамбль центра Ярославля (конец XVIII—первая половина XIX века), храм Христа Спасителя в Москве (1832—1883 годы), театр в Тобольске (конец XIX века).
- Современная Россия (XX век) — ансамбль Комсомольской площади и трёх вокзалов в Москве (1903—1926 годы), усадьба Талашкино под Смоленском (начало XX века), московское метро (1930-е—1970-е годы), Днепровская ГЭС в Запорожье (1927—1932 годы), ансамбль ВДНХ (1956—1980 годы).

Компьютеры в XX и XXI веках играют столь же важную роль, как железные дороги — в прошлом веке.

Россия постепенно входит в мировую информационную сеть. Сейчас наша страна переживает своеобразный компьютерный бум. Постоянно растёт число компьютеров, подключенных к сети Интернет. Стремительно увеличивается количество серверов и провайдерских фирм, дающих возможность выхода в сеть. Эта информационная среда стала доступной для большого числа пользователей на всей территории России и за её пределами, а размещённый там проект —

может охватить максимальное число интересующихся гражданами, преподавателей, учёных и работников культуры.

Наш проект может иметь перспективу дальнейшего развития, так как структура позволяет дополнять его новыми архитектурными объектами и фактами.

Проект может быть моделью для создания других подобных ему проектов, поскольку через памятники архитектуры и градостроительства можно рассматривать историю и культуру любого города, района, области и края. В этом случае важным источником знаний выступает Свод памятников культуры Российской Федерации.

Уникальный адрес проекта (доменное имя) позволит быстро и эффективно осуществлять обратную связь со всеми возможными пользователями. Через месяц после начала работы проекта предоставит нам статистику посещений сайта, а к концу его реализации даст возможность оценить степень эффективности и популярности проделанной работы.

Старицкий архитектор Матвей Чернятин

А. А. Галашевич, И. А. Мокрушина

Наследие палладианства давно волновало русских зодчих. Оно становится особенно актуальным в эпоху петровских преобразований. Основным создателем этого архитектурного направления был Андреа Палладио (1508—1580 годы) — великий мастер эпохи Возрождения. Архитектурные произведения Палладио просты, целесообразны и одновременно величественны. К наследию Палладио обращались архитекторы всех стран Европы и Америки.

Исследованию палладианства посвящены труды многих отечественных историков искусства. Следует упомянуть И. Э. Грабаря,¹ Д. Е. Аркина,² А. И. Некрасова.³ Большое внимание этой теме уделили М. А. Ильин,⁴ В. Н. Гращенков,⁵ Н. Ф. Гуляницкий.⁶ В трудах Н. А. Евсиной рассматриваются вопросы теории и практики.⁷ Кроме того, имя Палладио часто мелькает в отдельных статьях в связи с творчеством тех или иных архитекторов.

¹ *Грабарь, И. Э.* История русского искусства / И. Э. Грабарь. — М.: И. Кнебель, 1912. — Т. 3.

Грабарь, И. Э. История русского искусства / И. Э. Грабарь. — М.: И. Кнебель, 1913. — Т. 4.

² *Аркин, Д. Е.* Образы архитектуры / Д. Е. Аркин. — М.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1941.

³ *Некрасов, А. И.* Русский ампи́р / А. И. Некрасов. — М.: Изогиз, 1935.

⁴ *Ильин, М. А.* О палладианстве в творчестве Д. Кваренги и Н. Львова / М. А. Ильин // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования / Под редакцией Т. В. Алексеевой. — М.: Наука, 1973.

Ильин, М. А. Наследие Палладио и русская архитектура конца XVIII века / М. А. Ильин // *Архитектура СССР*. — 1938. — № 10.

⁵ *Гращенков, В. Н.* Наследие Палладио в архитектуре русского классицизма / В. Н. Гращенков // Советское искусствознание 1981. — М.: Советский художник, 1982. — Вып. 2.

⁶ *Гуляницкий, Н. Ф.* Метод Палладио в композиции русской классицистической усадьбы / Н. Ф. Гуляницкий // *Архитектура русской усадьбы*. — М.: Наука, 1998.

Гуляницкий, Н. Ф. Метод Палладио и античное наследие / Н. Ф. Гуляницкий // *Архитектура русской усадьбы*. — М.: Наука, 1998.

⁷ *Евсина, Н. А.* Архитектурная теория в России XVIII в. / Н. А. Евсина. — М.: Наука, 1975.

Евсина, Н. А. Архитектурная теория в России второй половины XVIII—начала XIX века / Н. А. Евсина; отв. ред. Г. Ю. Стернин. — М.: Наука, 1985.

Евсина, Н. А. Русская архитектура в эпоху Екатерины II: Барокко—классицизм—неоготика / Н. А. Евсина. — М.: Наука, 1994. — С. 92—119.

Русские архитекторы познакомились с палладианством довольно поздно. Расцвет архитектуры русского классицизма связан с работами Василия Ивановича Баженова, Матвея Фёдоровича Казакова, Николая Александровича Львова, Ивана Егоровича Старова, а также с деятельностью приглашённых в Россию западных архитекторов, особенно Чарлза Камерона и Джакомо Кваренги.

Наиболее тесное соприкосновение архитектуры русского классицизма с палладианством имело место в усадебном строительстве. Здесь ближе всего к идеалу Палладио приблизился Николай Александрович Львов, ставший его апологетом и прямым последователем. Великолепные владения и скромные усадьбы, в основном в Тверской губернии (Никольское-Черенчицы Львовых, Прямухино Бакуниных, Знаменское-Раёк Глебовых и другие), украсили «храмовидные» палаты, прообразом которых стали произведения Палладио.

Творчество Николая Александровича Львова на многие годы определило направление русского провинциального строительства. У известного мастера в начале XIX века появились многочисленные последователи среди губернских и уездных архитекторов: в Торжке работает Федор Ананьин, в Старице Матвей Чернятин, в самой Твери однофамилец известного палладианца, губернский архитектор Иван Фёдорович Львов.

Имя Матвея Алексеевича Черятина впервые было упомянуто в литературе в начале нашего столетия краеведом и историком города Старицы И. П. Крыловым.⁸ В его книге, посвящённой городу, сообщается, что Матвей Чернятин построил белокаменные кузницы на средства владельцев. На фронтоне одной кузницы до сих пор сохранилась дата — 1796 год. К строительному ремеслу Чернятин приобщился, скорее всего, в кругу семейной артели. Строительство кузниц было одним из первых частных заказов родственникам молодому мастеру.

Фамилия Черянтиных хорошо известна в Старице. Фамилию эту определил характер ремесла старицких кузнецов — Черянтины, что значит чёрные, мазаные люди. Черянтины вели торг железом, владели многими старицкими кузницами.⁹ После добычи и обработки

⁸ Крылов, И. П. Старица и её достопримечательности / И. П. Крылов. — 2 изд. — Старица: Типография И. П. Крылова, 1914. — С. 119.

⁹ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 174. Оп. 1. Д. 504. Л. 10, 16. Там же. Оп. 2. Д. 502. Л. 16.

белого камня кузнечное дело было вторым основным промыслом местных жителей.

В конце XVIII века Матвей Чернятин приезжает в Тверь, где проходит его обучение в «команде» губернского архитектора. Сумев достаточно быстро проявить способности, он в 1798 году получает звание «архитекторского ученика». ¹⁰ Это звание давалось человеку, прошедшему специальную подготовку, и позволяло самостоятельно проектировать и наблюдать за ходом строительных работ. Под руководством тверского губернского архитектора А. А. Трофимова Чернятин выполнял некоторые проекты для Твери и Торжка. Судить по этим работам о Чернятине как архитекторе трудно. Ему отводилась второстепенная роль исполнителя, о чём свидетельствуют подписи под чертежами: «Тверской губернский архитектор А. Трофимов. Чертил архитекторский ученик Матвей Чернятин». ¹¹

Происхождение Чернятина из Старицы во многом определило его дальнейшую судьбу и многолетнюю связь с городом. Уроженец Старицы, архитектор Чернятин долгие годы работал здесь: делал проекты для города, следил за их осуществлением и за строительством по присылаемым проектам из Твери. Благодаря его творческому вкладу Старица приобрела тот неповторимый облик, который частично сохранился до наших дней. По его проектам возведены церковь-колокольня Борисоглебского собора, приделы Пятницкой церкви, Троицкая церковь (усыпальница Тутолминых) в Успенском монастыре. Будучи городским архитектором, Матвей Чернятин наблюдал за строительством Борисоглебского собора, колокольни Никольской церкви, торговых рядов и кузниц. Помимо основных работ в центре города он много времени уделял благоустройству Старицы: проектировал водостоки, подпорные стенки, предохранявшие от земляных оползней, небольшие мостики. Несколько церквей построено Чернятиным в усадьбах Старицкого, Зубцовского и Ржевского уездов, но перечень их ещё предстоит уточнить.

В конце 30-х годов, когда строительство в Старице резко сократилось, Матвей Чернятин переселяется в Тверь, где получает звание «помощника архитектора» ¹² и работает вместе с губернским архитектором Иваном Фёдоровичем Львовым. Наиболее крупное

¹⁰ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1586.

¹¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1488. Оп. 4. Д. 377, 489.

¹² Там же. Ф. 216. Оп. 2. Д. 76. Лл. 1, 2.

их совместное сооружение — здание Губернского дворянского собрания. Последнее упоминание о Матвее Алексеевиче Чернятине относится к 1845 году в связи с разделом имущества после смерти архитектора.¹³ Если считать дату на старицких кузницах (1796 год) временем начала творческой деятельности Чернятина, то последнее упоминание об архитекторе приходится на семидесятилетний возраст. Период работы мастера чрезвычайно большой — почти 50 лет. Таков вкратце творческий и жизненный путь провинциального зодчего, трудившегося в Старице.

Характерная черта его творчества — желание работать в манере Николая Львова. Постройки старицкого зодчего имеют несомненное сходство с произведениями знаменитого архитектора, работавшего в Торжке и его окрестностях, проектировавшего и строившего на Украине, в Петербурге и Твери. Эта близость не была случайной. Палладианская по духу архитектура Львова, согласная с эстетикой русской усадьбы конца XVIII века, оказалась не чужда и городской культуре, особенно культуре небольшого городка, где немаловажную роль играет пейзаж — неотъемлемое окружение львовских строений. Это, помимо формальных черт в произведениях известного зодчего, видимо, и привлекало Матвея Чернятина.

В конце XVIII века в Старице со всей остротой стал вопрос о строительстве нового кафедрального Борисоглебского собора. Именно эта «нужда, необходимая для города», имелась в виду в указе тверского губернатора о назначении в Старицу архитектурного ученика Чернятина.¹⁴ Документы не связывают имя Матвея Чернятина со строительством старицкого Борисоглебского собора, проект для которого был разработан столичным архитектором Луиджи Руска. Однако наблюдение за ходом строительства осуществлял, скорее всего, именно Чернятин, при этом внося значительную лепту в его конечный облик.

Борисоглебский собор в Старице напоминает соимённый торжокский, построенный по проекту Николая Александровича Львова, однако старицкий храм меньших размеров и производит впечатление добротной штудии палладианских мотивов известного мастера. Собор крестово-купольный, квадратный в плане, четырёхстолпный, его кубообразный центрический объём увенчан пятиглавием —

¹³ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1121.

¹⁴ Там же. Д. 1586.

то есть за основу взята та же схема, что и в торжокском Борисоглебском соборе. Только здесь всё становится словно упрощённым, уменьшенным в масштабе. Различие ещё в большей мере проступает в интерьере, где исчезает развитое пространство и сложное декоративное оформление. По-видимому, не без вмешательства Матвея Чернятина купола старицкого собора получили завершение в виде конусообразных белокаменных главок с развитыми волютами у центральной главы, в чём сказалась приверженность молодого зодчего к барочным формам, невольно проявившаяся в такой ясной и простой классической постройке, как новый городской собор.

В 1817 году по проекту Матвея Чернятина при Борисоглебском соборе было начато строительство колокольни: «план с фасадом, сочинённый архитекторским учеником Чернятиным, на построение при вновь выстроенном Старицком Борисоглебском соборе каменной колокольни, а под нею тёплой церкви — губернским архитектором Леграндом освидетельствован».¹⁵

Зодчий избрал для своего проекта весьма редкий тип здания, восходящий к традициям древних храмов «иже под колоколы», где нижняя часть служила церковью, а верхняя звонницей. Незадолго до закладки этой церкви-колокольни закончилось строительство надвратной церкви-колокольни в Борисоглебском монастыре в Торжке, по проекту Николая Львова, с которой старицкая колокольня имеет немало общих черт. Центрическое и крестообразное в плане трёхъярусное здание, как и надвратная церковь-колокольня в Торжке, разделено на ярусы, увенчано барабаном и высоким шпилем.

Как и там, все ярусы различны по назначению, объёму и декоративному убранству. Над нижней частью — собственно церковью — возвышается невысокий массивный ярус, трактованный в виде открытой обходной галереи из колонн тосканского ордера и воспринимающийся в общей композиции как основание развитого яруса звона. Одновременно этот ярус служит конструктивным переходом от крестообразного основания храма к высокому столпообразному ярусу звона, фасады которого выделены ризалитами и оформлены по углам колоннами с изящными белокаменными ионическими капителями.

Помимо формального сходства композиции с колокольней Борисоглебского монастыря в Торжке, мастер использовал излюбленные

¹⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 14. Д. 165/13. Л. 6.

львовские приёмы оформления фасадов и интерьеров — ниши, «венецианские окна», колонны различного ордера, развитые лепные и белокаменные карнизы, росписи сводов в технике «гризайль».

Завершением строительства Борисоглебского собора и отдельно стоящей церкви-колокольни окончательно оформилась вершина холма, царящая над городом. В окружении древних валов, опоясанных со стороны города белокаменными кузницами и подпорными стенками — соборный комплекс зрительно объединил две городские половины, разделённые крутыми береговыми откосами речного русла Волги, стал заключительным аккордом в сложной композиционной взаимосвязи раскинувшейся у подножья холма торговой площади, у подъездного пути к ней и второго развитого комплекса строений — Пятницкой церкви напротив брода. В этом сплетении различных по назначению построек хорошо чувствуется рука одного мастера, сумевшего собрать разновремени́ые здания в одно целое.

Пятницкая церковь (1750—1825 годы) — эффектный архитектурный ансамбль, находящийся в непосредственной близости от Борисоглебского собора, на подоле. Этот комплекс состоит из разновремени́ых, но гармонично связанных между собой построек. Здание основного храма выстроено в характерных формах провинциального барокко в середине XVIII века. В первой четверти XIX столетия к церкви по проекту Матвея Чернятина пристроили с юга и севера два одинаковых придела-ротонды и подпорную стенку-ограду перед ними, с тосканской колоннадой вдоль фасада.¹⁶

В построении приделов Матвей Чернятин отталкивался от любимых львовских церковей ротондального типа, точно так же и декорация фасадов имеет вполне определённый отправной адрес к творчеству известного зодчего. Выносы ризалитов, ориентированных по сторонам света, достаточно велики и в плане образуют развитый крест, в центр которого вписана ротонда — собственно помещение придела. Ризалиты завершены аттиками, над которыми поставлены низкие барабанчики, перекрытые плоскими куполами. Вместе с куполом ротонды они образуют традиционное пятиглавие. Кстати, приём устройства глухих барабанов над аттиками — одна из характерных черт Борисоглебского собора, к тому же на проекте придела Пятницкой церкви, как и у собора, имеются конусообразные завершения глав и подкрестовые яблоки, не осуществлённые

¹⁶ Там же. Д. 25, 29, 47.

в натуре. Ограда Пятницкой церкви — это подпорная стена, выстроенная вдоль восточного фасада церкви и оформленная колоннадой тосканского ордера. Достаточно высокая со стороны проезжей части улицы, она ограничивает пространство двора изнутри низким парапетом. Ограда сложена из кирпича и облицована белым камнем. В линию ограды включены лестничные марши, устроенные напротив придельных алтарей, встроена часовня и церковная свечная лавка, перекрытые куполами на низких барабанах. Сопоставляя колоннаду второго яруса церкви-колокольни Борисоглебского собора с колоннадой подпорной стены, легко убедиться в принадлежности этой декоративной стенки и её оформления руке одного мастера.

Чернятину пришлось решить сложную задачу — организовать на небольшом и неудобном участке развитый церковный комплекс с широким дворовым пространством. Двор на склоне холма вокруг приделов храма был выровнен и замощён белым камнем, склон холма за церковью был срезан и облицован на большую высоту белым камнем. Эта стена стала восприниматься кулисой, на фоне которой разворачивалась архитектурная композиция церкви с двумя приделами и парадная подпорная стена с колоннадой вдоль красной линии улицы. Одинаковые приделы с двух сторон старого храма совершенно скрыли первоначальное церковное строение с его скупым архаичным декором фасадов. Будучи изолированными от внешней среды, дворики изнутри обрели широкий обзор на Волгу и противоположный берег. С севера комплекс был отгорожен от городской застройки на подоле одноэтажными домами церковного причта, а с юга от церкви открывался вид на площадь с торговыми рядами. Подпорная стенка вдоль улицы, развёрнутая фасадом к Волге, оформленная ритмично поставленными тосканскими колоннами, служила торжественным фоном, подготавливавшим въезд на главную площадь.

Подъём национального самосознания после войны 1812 года во многом определил быт и уклад жизни не только в столицах, но и в губернских и уездных городах. Сознание гордости за Россию, победившую в тяжёлой битве, становится одной из тем разговоров, прозаических и поэтических произведений. В большинстве небольших городов стали возникать целые комплексы, в которых всё было взаимосвязано и соподчинено. Стремление к такому единству проявилось и в формировании городского центра Старицы, где был создан великолепный архитектурный ансамбль.

Распластанный вдоль береговой линии храмовый комплекс Пятницкой церкви с многочисленными главками, мощёная лента дороги, ведущая в сторону торговой площади, с подпорными стенками вдоль неё, кузницы в подножье валов Нового городища, сами торговые ряды — все они получили законченное продолжение в монументальных сооружениях Борисоглебского собора и колокольни на вершине холма, ясным силуэтом рисующихся на фоне неба. В этом ансамбле значение комплекса Пятницкой церкви подчёркивал неторопливый ритм аркады торговых рядов. Торговые корпуса начали строить в конце XVIII столетия и продолжили в первой трети XIX века. Учитывая, что все они возникли в разное время, можно предполагать лишь участие Матвея Чернятина в наблюдении за ходом строительных работ, а проектировал он, видимо, только те, которые стояли на центральной площади, имели единое фасадное решение и теперь не сохранились.

С наибольшей вероятностью можно говорить о причастности Матвея Чернятина к строительству Торгового павильона. Павильон был поставлен на высокий стилобат и по своим функциональным назначениям разделялся на две части: верхнее торговое помещение и полуподвальное складское, в стилобате, напоминающее устройство кузниц в валах. Местоположение на углу, вероятно, определило конфигурацию здания как полуротонды. Приём постановки открытого павильона над погребом явно навеян известными львовскими парковыми беседками-погребями. Раньше на противоположной стороне улицы находилось второе такое же здание. Поставленные на самой высокой точке обширной площади, павильоны замыкали её северо-западный угол, отмечали границы главной площади города, служили своего рода торжественными пропилями при въезде в торговый центр города.

Не менее оригинальным строением, связанным с именем Матвея Чернятина, может служить Троицкая церковь и усыпальница Тутолминых (1819 года) в Успенском монастыре, который располагается на противоположном от городищ низком берегу Волги. Проект церкви Чернятин разработал, будучи управляющим у Алексея Тимофеевича Тутолмина в его имении под Старицей.¹⁷ Аналогом для этой церкви, возможно, служила построенная несколько раньше в московском Новоспасском монастыре Знаменская церковь

¹⁷ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 220-а.

(1791—1795) по проекту архитектора Елизвоя Назарова.¹⁸ Чернятину, вероятно, был известен подобный тип церкви-усыпальницы, где храм и помещение семейного некрополя были неразрывно связаны. Подобные композиции храмов разрабатывал и Николай Львов.

Церковь-усыпальницу выстроили из кирпича на высоком белокаменном цокольном этаже и с белокаменными деталями архитектурного декора. В центре храма через круглое отверстие, почти равное подкупольному пространству, в своде цокольного этажа — было устроено хорошо обозримое нижнее помещение некрополя с надгробиями. Каждую могилу отмечало мраморное или бронзовое изваяние, а над центральной был установлен обелиск, поднимавшийся из усыпальницы в храм, зрительно объединяя пространство храма и усыпальницы. Открывавшийся из светлого высокого храма через круглое отверстие в полу вид на усыпальницу настраивал на мистический лад в духе романтических фантазий на тему о бренности существования человека. Идея единения жизни и смерти, светлого и мрачного, сиюминутного проходящего и вечного — откровенно выражена в интерьере храма-усыпальницы. В отличие от интерьера, фасады церкви лишены мистической окраски. Снаружи храм подобен классическому мавзолею.

К востоку от главной Торговой площади города построена Никольская церковь. Её массивный объём до сих пор играет важную роль в панораме левобережной части Старицы. Матвей Чернятин, по-видимому, принимал участие только в проектировании колокольни Никольской церкви, строительство которой завершилось в 1843 году,¹⁹ уже после отъезда архитектора в Тверь. Композиция и убранство колокольни напоминают аналогичные сооружения 40-х годов XIX века в Твери, Ржеве, Селижарове, возведённые по проектам губернского архитектора Ивана Фёдоровича Львова, совместно с которым Чернятин с конца 30-х годов работает в Твери.

В 1841—1842 годах в губернской столице на средства тверских дворян было построено здание Губернского дворянского собрания. Строительство велось под наблюдением Матвея Чернятина по про-

¹⁸ Паламарчук, П. Г. Сорок сороков: Краткая иллюстрированная история всех московских храмов / П. Г. Паламарчук. — М.: Книга и бизнес, 1992. — Т. 1: Кремль и монастыри. — С. 309—310.

¹⁹ Архив Государственного института искусствознания. Паспорт. Никольская церковь в Старице.

екту Ивана Львова.²⁰ Эта последняя крупная работа Чернятина, подытожившая его творческий путь, совпала с кризисом стиля классицизма и в этом отношении характерна для своего времени.

Двухэтажное здание Губернского дворянского собрания в Твери, с двусветным парадным залом, поднимающимся выше уровня карниза — предельно лаконично в объёмной композиции и наружной декоративной обработке. Внешней простоте противопоставлены пышность и парадная представительность внутреннего убранства, нарастающие по мере движения от вестибюля к главному залу, повторяющему в принципе архитектурное решение казаковского зала Благородного собрания в Москве. Зал Губернского дворянского собрания меньше по масштабу, он уютный, домашний и приближен к провинциальному быту, более скромному, нежели столичный. Высокое помещение торжественно оформлено колоннадой коринфского ордера, поддерживающей хоры. Над каждой колонной в уровне хор поставлены гипсовые кариатиды.

Строительство Тверского дворянского собрания — эпизод в творчестве Матвея Чернятина. В эти годы стареющий архитектор уделяет больше внимания работам, выполняемым под руководством губернского архитектора Ивана Фёдоровича Львова, выполняющего многочисленные строительные проекты по государственным заказам.

События победоносной войны наложили вполне определённый отпечаток на представление людей прошлого столетия о своей значимости. В ожидании больших перемен люди испытывали вполне законное чувство гордости, отразившееся в стремлении воздвигнуть монументы и памятники, украсить свой быт, оформить городские улицы классическими образцами, соответствующими их идеалам прекрасного. В этом отношении палладианские идеи Николая Александровича Львова пришлось как нельзя кстати и нашли для себя подходящую почву в провинции.

В начале XIX века Старица испытала новый необычайный строительный подъём. Наличие в пригороде дешёвого строительного материала (белого камня и извести), развитое мелкое кузнечное промысла — всё это способствовало экономическому процветанию города. Именно экономический подъём содействовал той невиданной волне строительных заказов, которые исходили от благодарного

²⁰ Там же. Паспорт. Здание дворянского собрания в Твери.

купечества и жителей города. Чернятин — плоть от плоти человек своей эпохи, порождённый ею, пришёлся буквально вовремя, его породила атмосфера экономического подъёма города. Он пристально, даже с некоторым болезненным пристрастием изучает творческое наследие Николая Александровича Львова. Идя от него, Чернятин по-своему интерпретирует палладианские мотивы известного зодчего. Одарённый от природы, он наделяет древнюю Старицу, регулярно планированную в XVIII столетии, наивно героизированными чертами архитектуры, что становится основным содержанием облика этого города. Он словно соединяет целые строительные эпохи — средневековья, провинциального барокко и провинциального классицизма.

Изучение творчества Матвея Алексеевича Чернятина далеко не закончено. Если мы кое-что знаем о сохранившихся постройках, исполненных при его участии, то совершенно ничего не знаем о тех памятниках, которые были разрушены за годы Советской власти в усадьбах, где строил он сам или велось строительство по его проектам. По счастью, ряд документов, свидетельствующих о его работах, ещё сохранился в архивах. Это и предстоит выявить при дальнейшей работе.

Княжеское храмовое строительство Старицы XVI столетия

А. А. Галашевич

Успенский собор в городе Старица был возведён в 1530 году за очень короткий срок, всего за три-четыре года. Строительство каменных соборов в России в преддверии больших исторических перемен стало своего рода обычаем и расценивалось современниками как большое общегосударственное дело. По меткому определению историка Василия Осиповича Ключевского, удельные князья на свои вотчины взирали как на собственный дом, где каждое деяние хозяина — великое благо. Это замечание историка во многом объясняет, почему во внешнем облике белокаменного старицкого Успенского собора, особенно в оформлении фасадов, наблюдается сходство с Успенским собором Московского Кремля. Однако прямыми предшественниками объёмной композиции старицкого собора следует считать соборы Андроникова (построен до 1427 года) и Рождественского (1501 год) монастырей в Москве.¹

Сложенный из гладкотёсаных квадров белого камня, «уложенных на постель», крестово-купольный центрический собор, стоящий на высоком подиуме, сохраняет традиционный план четырёхстолпного трёхапсидного храма. В объёмной композиции здания выделена повышенная центральная часть на подпружных арках и понижены угловые компартименты. Благодаря этому само завершение собора становится ступенчатым, с ярко выраженным пирамидальным построением, подчёркнутым пятью барабанами и повышенным в центре аркатурным поясом. Завершение старицкого Успенского собора — промежуточное звено между четырёхстолпными крестовокупольными центрическими храмами и последующим этапом развития русской архитектуры, шатровыми храмами.

О том, как выглядел собор вскоре после завершения строительства, даёт некоторое представление монастырская опись, составленная в 1607 году. «А в монастыре большая церковь каменна Успения

¹ *Арсений, игумен*. Историческое описание Старицкого Успенского монастыря / *Арсений, игумен*. — Тверь: Типография губернского правления, 1895. — С. 10—11.

Крылов, И. П. Старица и её достопримечательности / *И. П. Крылов*. — 2 изд. — Старица: Типография И. П. Крылова, 1914. — С. 25.

Пречистыя Богородицы о пяти версех; да придел похвала Пречистыя, а под ними погреб камень. Над предними дверми у церкви с монастыря подписано Успение Пречистыя; а над другими дверми с правую сторону Пречистая воплощение, а с левую сторону подписано на дверми Сергиево видение».²

Пять шлемовидных глав собора, видимо, были покрыты черепицей, позже центральную главу «опояли железом». Глубокий и просторный подклет со сводчатыми перекрытиями предполагался для княжеской усыпальницы или, возможно, для хранения монастырских запасов. Входы в собор оформляли перспективные порталы, форма которых найдёт подражание в убранстве порталов храмов, построенных в «украинных тверских землях» во второй половине XVI века в Иванишском и Оршине монастырях. Интерьер долгое время оставался без росписей. Алтарь отделялся от храма белокаменной невысокой алтарной преградой, заменённой вскоре иконостасом. Пяты подпружных арок сводов храма, апсид и столбов строители украсили профилированными карнизами и «капителями», повторяющими обломки ренессансного архитектурного декора. Собор неоднократно ремонтировался, расписывался и перестраивался.³

Возвышение Старицы и строительство в удельном княжестве белокаменного собора, повторившего облик главного государственного храма Кремля, не прошло незамеченным в московских кругах. Умирая, Василий III завещал престол малолетнему сыну Иоанну, будущему царю Ивану Грозному, а правительницей назначил его мать, Елену Глинскую. Этим обстоятельством тут же воспользовались оба дяди маленького царя — дмитровский и старицкий князья, по праву старших претендовавшие на Московское княжество и ненавидящие бояр Глинских. Но их притязания успеха не имели. Первым в борьбе с Глинской пал брат князя Андрея — дмитровский князь Юрий, которого уморили в темнице голодом.

² Описные книги Старицкого Успенского монастыря 7115—1607 г. — Старица: Типография И. П. Крылова, 1911. — С. 9.

³ При написании этого раздела статьи использованы материалы архитектора-реставратора Макса Борисовича Чернышёва «Проектные предложения по проведению реставрационных работ Успенского собора Успенского монастыря в Старице». Архив Треста «Мособлреставрация». № 151—157. Архив треста передан в Музей архитектуры имени А. В. Щусева. Выражаю искреннее признание Максиму Борисовичу Чернышёву за возможность познакомиться с материалами его неопубликованных исследований по собору.

Напуганный таким «гостеприимством» свояченицы, князь Андрей отказался ехать в Москву. Никакие увещания не помогли. Елена, опережая события и опасаясь старицкого князя, направила дружину во главе с князьями Никитой Васильевичем и Иваном Фёдоровичем Овчиной Оболенскими. Иван Овчина в Старице Андрея Ивановича не застал, нагнал его по пути в Новгород и обманом привёз в Москву. Андрей Иванович быстро убедился, что его выступление против малолетнего царя не найдёт поддержки бояр, и легко поддался на обман. Старицкого князя Иван Овчина доставил в Москву, а Глинская его тут же заключила в тюрьму. В 1537 году он был умерщвлён, а поддерживавшие его бояре казнены.

Расправиться с остальными членами рода Старицких князей Елена не посмела. Сына князя Андрея — Владимира Андреевича — вместе с матерью отправили в ссылку, где они пребывали до кончины Елены Глинской. Представленный после смерти правительницы юному Иоанну, князь Владимир Андреевич получил обратно во владение Старицкий удел, право иметь собственный двор, бояр и слуг, стал правой рукой великого князя. Казалось бы, все притязания в царствующем доме должны быть исчерпаны. Но на сцену вступает вторая вдова — Ефросиния Старицкая, жена убитого князя Андрея и мать Владимира, не сумевшая примириться с тем, что на престол сел отпрыск Глинских, пока её сын, старший по возрасту и потомок Рюриковичей, оставался удельным князем.

Имя Ефросинии Старицкой с недавних пор начинает привлекать внимание историков искусства. Причина тому — сложившаяся при её дворе мастерская золотошвейного шитья. Именно отсюда вышла знаменитая красочная пелена со сценой оплакивания Христа, называемая «пеленой Ефросинии Старицкой», хранящаяся в Загорском музее-заповеднике.⁴

Старицкие князья подолгу живут в Москве. Владимир Андреевич принимает участие в решении наиболее важных государственных вопросов. По пышности и числу приближённых его двор считается вторым после царского. Среди окружения княгини Ефросинии много выходцев из Литвы и Польши, мастера, знакомые с европейскими производственными технологиями. Старицкие князья делают

⁴ *Маясова, Н. А.* Мастерская художественного шитья князей Старицких / Н. А. Маясова // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. — Загорск, 1960. — Вып. 3. — С. 45, 49, 56.

вклады в монастыри, подчас превосходящие пожертвования самого царя. Владимир Андреевич сопровождает Ивана Грозного в поездках на охоту, а тот приезжает в Старицу пировать. Рядом с болезненным, подозрительным, и неуравновешенным Иоанном князь Владимир выгодно отличался своей ловкостью и рассудительностью, умом и твёрдостью характера. Гордыня Владимира, постоянно подогреваемая матерью, доходит до того, что в старицком детинце, рядом с древними соборами тверских князей, он начал строительство пятишатрового Борисоглебского собора, не уступающего собору Покрова на Рву.

В искусствоведческой литературе сложилось мнение, что собор этот был построен не Владимиром Андреевичем, а Иваном Грозным. Веским основанием такого мнения послужила керамическая надпись на соборе, повествующая о его освящении, в которой имя старицкого князя не упоминается. Собор в начале XIX века сломали. Его строительная история и облик остаются мало изученными. Попробуем в этом разобраться.

В 1552 году из Казанского похода с триумфом возвратился царь Иван IV. Память об этом славном событии вскоре увековечили строительством Покровского собора на Рву (1555—1560). В казанском походе вместе с царём шёл старицкий князь Владимир.⁵

Царь высоко оценил заслуги князя. Во время крестного хода, когда митрополит провозгласил здравицу царю, тот, по словам летописца, ответил так: бог привёл к победе «попечением и мужеством и храбростию брата нашего князя Владимира Андреевича и всех наших бояр и воевод, и всего нашего христианского воинства тщанием и страданием». За участие в походе «князя Владимира Андреевича жаловал государь шубами и великими фрязьскими кубки и ковшы златыми».⁶ Именно в эти годы, по-видимому, не без влияния княгини Ефросинии, у него формируется представление о значимости собственной личности. Допустить, что Иван Грозный возымел желание одновременно с Москвой построить в удельном княжестве собор, превосходящий по величине храм в его вотчине в селе Дьякове и по размеру плана чуть меньше московского Покровского собора — невозможно. Строительство в Старице было начато

⁵ Зимин, А. А. Россия времени Ивана Грозного / А. А. Зимин, А. Л. Хорошкевич. — М.: Наука, 1982. — С. 66, 97.

⁶ Полное собрание русских летописей. — СПб., 1904—1906. — Т. 13: Патриаршая, или Никоновская летопись, часть 5 (в 2 книгах). — С. 224, 225, 228.

в 1558 году, когда Покровский собор ещё строился. Грозному не было нужды пускаться в сложные интриги, замыслив сначала возвести собор в Старице, а затем отнять удел у Владимира Андреевича.

Есть ещё один аргумент, подтверждающий наши выводы. Несмотря на сходство с памятниками Москвы тех лет, старицкий собор имеет много отличий в декоративном убранстве, делающих его вовсе не похожим на известные прототипы. К сожалению, о соборе можно получить представление лишь по несовершенным обмерам и зарисовкам, выполненным накануне его разборки, по обмерам фрагментов цоколя и фундамента, открытых при раскопках в начале XX века, и по фрагментарному декоративному убранству, дошедшему до наших дней и собранному во время археологических исследований в семидесятые и восьмидесятые годы.

Судя по планам, за основу построения собора был взят план церкви села Дьяково. Как и в Дьякове, вокруг центрального восьмигранного храма с апсидой, увенчанного шатром, группируются четыре меньших объёма, но также восьмигранные, поставленные по диагонали и открытые до самого верха. Объёмная композиция Борисоглебского собора отличается от прототипа тем, что каждый столпообразный восьмерик завершён шатром, а кроме того, с севера и востока и юга они окружены широким двухъярусным гульбищем. Если верить обмерным планам, то западные столпообразные объёмы в уровне двух ярусов были прорезаны широкими арочными проёмами, опиравшимися на круглые в плане столбы.

Насколько точно обмеры передают действительную картину — во многом остаётся неясным. Попытки совместить планы, наложив один на другой (обмеры были сделаны по трём ярусам), изучить и представить конструктивное решение интерьера — дали немного. Допуская большую долю фантазии при составлении этих планов, можно заметить, насколько сложным было решение интерьера. Его западная часть служила папертью, которая вместе с гульбищами образовала взаимосвязанное многоплановое пространство, окружая собственно храм с двумя приделами. В подклете хранился «городовой наряд», а паперть и гульбище служили для прохода в храм, наподобие хоров древних княжеских соборов. После разорения Старицы поляками на паперти размещалась воеводская канцелярия: «и ныне я холоп твой сижу за твоими государевыми делами в паперти у Бориса и Глеба и туто, государь, в дощь капель, в городской пожар на паперти кровля огорела, идёт, государь, к осени приюту

нет».⁷ Центральный храм, небольшой по площади и с маленькими приделами, явно был рассчитан только на княжескую семью и её ближнее окружение.

Стройную композицию собора из пяти тесно поставленных столпообразных объёмов, увенчанных шатрами, выгодно подчёркивал мерный ритм аркады гульбища и паперти, прорезанной узкими окнами. Аркаду расчленил на два яруса широкий аркатурный пояс. Её мотив повторялся в основании шатров пяти восьмериков, где грани украшали широкие арки, опирающиеся на угловые крепованные пилястры. Ритм повторяющихся аркад — основной декоративный элемент храма — натолкнул исследователя русской архитектуры Николая Николаевича Воронина на мысль о преемственности традиций, идущих от владими́ро-суздальского зодчества через московское (Успенский собор в Кремле) к таким сооружениям Старицы, как Успенский и Борисоглебский соборы.

Карнизы и межъярусные тяги были оформлены овами и пальметтами — эта декоративная форма широко применялась в архитектуре ренессанса. Впервые эти италинизирующие декоративные формы в убранстве собора были открыты при его раскопках в начале XX века. Никак не опубликованные в отчётах и литературе, они остались практически неизвестными науке.

В отличие от других храмов XVI столетия, Борисоглебский собор украшали полихромные изразцы. На фасадах или над порталами помещались керамические полихромные иконы. По периметру барабана центральной главы проходила пространная посвятельная надпись о строительстве собора.

В 1980-х годах архитекторы Макс Борисович Чернышёв, Вольфганг Вольфгангович Кавельмахер, археолог Елена Леонидовна Хворостова и автор настоящей статьи, по сути дела, при новой разборке строительных отвалов собора обнаружили уникальные поливные изразцы, рисунок которых угадывался в белокаменном декоре центрального столпа Грановитой палаты Московского Кремля.⁸

⁷ Крылов, И. П. Материалы для истории города Старицы Тверской губернии / И. П. Крылов. — Старица: Типография И. П. Крылова, 1905. — Т. 1. — С. 60.

⁸ Отчётные материалы об археологических раскопках остаются пока неизданными и хранятся в архивах Института археологии РАН, Центральных научно-реставрационных проектных мастерских Министерства культуры РФ, треста «Мособлреставрация» (архив передан в Музей архитектуры имени Щусева). Вещественные находки вошли в коллекцию Старицкого краеведческого музея.

Изучение археологических находок в сопоставлении с немногочисленными летописными сведениями и внимательное прочтение текста посвятительной надписи, зафиксированной перед разборкой Борисоглебского собора, привели упомянутых исследователей к выводу, что собор был построен не Иваном Грозным, а старицким князем Владимиром Андреевичем.⁹

Мотив убранства памятников XVI века овами сравнительно редкий — это соборы Николо-Песношского монастыря под Дмитровом и Чудова монастыря в Кремле, церковь в селе Юркино под Москвой и, наконец, карнизы Золотой палаты в Московском Кремле. Но эти детали декоративного убранства выполнены или из белого камня, или керамические, без цветной поливы. Ничего похожего нет и в пышном оформлении собора Василия Блаженного. В Старице декор исполнен мастерами, которые хорошо знали ренессансное декоративное оформление фасадов. Различные по цвету и величине овы в сочетании с пальметтами были основным декоративным мотивом в убранстве собора.

Изготовление таких больших изразцов, как здесь, доступно лишь мастерам, виртуозно владевших технологией обжига глины. Об их высокой квалификации говорят два сохранившихся изразцовых рельефа, после разборки древнего Борисоглебского собора перенесённых на фасады нового храма, построенного в начале XIX столетия на Новом городище по проекту архитектора Луиджи Руска и освящённого в честь тех же святых Бориса и Глеба. Один рельеф с изображением «Спас нерукотворный» поместили на восточном фасаде, а другой, с композицией «Распятие с предстоящими», установили на стене за колоннами южного портика над входом в храм. Своими невысокими рельефными изображениями они живо напоминают плоскостную резьбу по белому камню или дереву с последующей раскраской. Композиции составлены из нескольких изразцов с плот-

⁹ В конце 1970 годов архитекторы Вольфганг Вольфгангович Кавельмахер и Макс Борисович Чернышёв сделали интересное сообщение о Борисоглебском соборе в Старице. В сообщении впервые прозвучал вывод о строительстве собора не Иваном Грозным, а Владимиром Старицким. К сожалению, сообщение указанных авторов осталось не опубликовано. Автор статьи знаком с работой Кавельмахера и Чернышёва и, вне зависимости от их выводов, пришёл тогда же к аналогичным. Отдавая должное проделанной работе Кавельмахера и Чернышёва, мы опускаем собственные наблюдения в надежде, что их сообщение будет завершено и опубликовано.

Чернышев, М. Б. Разведки руин Борисоглебского собора в г. Старице Калининской области / М. Б. Чернышев, В. В. Кавельмахер // Археологические открытия 1977 года. — М.: Наука, 1978. — С. 95.

но подогнанными друг к другу румпами. Каждый из них — часть целого панно. Полихромная окраска рельефов, контрастная по цвету, была рассчитана на восприятие с большого расстояния.¹⁰

«Спас нерукотворный» — это почти правильной формы тондо с изображением лика Христа на белом развёрнутом убрусе, подерживаемом стоящими по бокам ангелами. Диаметр панно более метра. Изображения детально проработаны и выдержаны в единой зеленоватой цветовой гамме. Мастер технически точно использовал возможности нанесения глазури на поверхность румпы. При обжиге, стекая, полива легла тонким слоем на выпуклые поверхности и, наоборот, скопилась в углублениях, стекловидная масса приобрела множество оттенков от густо-зелёного, почти чёрного, до светло-зелёного, прозрачного, рисунок рельефа усилился, формы стали зрительно более объёмными и выпуклыми. Вкрапление в общий колорит других цветов — синего, чёрного и белого придало изображению яркое красочное контрастное звучание, подобно живописной иконе. К сожалению, лик Христа позже был грубо пропемзован, цветная глазурь содрана и обнажилась светло-жёлтая керамическая основа, что исказило цветовую гамму тондо.

На втором рельефе «Распятие с предстоящими» изображён распятый на кресте Христос и две фигуры по сторонам. Рельеф выполнен в виде киота и больше предыдущего по высоте. Он, по-видимому, помещался в одном из центральных кокошников древнего собора. По цвету — более светлый, общий колорит фона золотистый, контраст достигается сопоставлением на этом фоне почти чёрного креста, водружённого над Голгофой, и тёмных согбённых в поклоне фигур Богоматери и Иоанна Предтечи.

Старицкие рельефы редко привлекали внимание исследователей, хотя они этого, несомненно, заслуживают. Керамические изображения такого колоссального размера нечасто встречаются в искусстве западноевропейского Средневековья и Ренессанса. Здесь же присутствует сразу два рельефа, принадлежащие руке одного мастера или одной артели. Есть для них и прямые аналоги — рельефы Успенского собора в городе Дмитрове: тондо с изображением Георгия Победоносца и два Распятия, выполненные в прозрачной глазури в лёгких охряных тонах. То, что рельефы оказались обойдёнными

¹⁰ Филиппов, А. В. Древнерусские изразцы / А. В. Филиппов. — М.: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1938. — Вып. 1. — С. 26—28, 57, 58.

вниманием исследователей, объясняется просто: они трудно доступны для изучения. Оба рельефа в 1978 году сняты со стен нового Борисоглебского собора и хранятся в отделе керамики ГИМ.

Рельефы имеют много общих черт с иконописными произведениями середины XVI столетия и с шитьём из мастерской Ефросинии Старицкой, что приоткрывает ещё одну страницу средневекового искусства, вызванную к жизни притязанием на российский престол одного из последних удельных старицких князей. Искусство в эпоху средневековья отражало политику, жестокую борьбу, поиск истины. Строительство в Старице храма, мало в чём уступающего Покровскому собору в Москве, явно велось её властителями с претензией на свою значимость в общегосударственных делах.

Отсутствие в посвяtitельной надписи на соборе имени удельного князя и подробное перечисление имён царя, великих князей и высших церковных иерархов — должно скорее насторожить исследователя, чем убедить в точности отражения в этой надписи сути событий. Как же могло случиться, что на главном храме удельного княжества нет имени заказчика строительства, нет самого удельного князя? Владимир Андреевич продолжал владеть Старицей ещё целых пять лет после завершения строительства собора, прежде чем Иван Грозный вынудил его согласиться на обмен родового удела на другие земли. Все эти годы отношения с царём обострялись, развязка приближалась. Находясь под тайным и явным надзором, старицкий князь, скорее всего, сознательно отказался от прославления своего имени в пользу царя. Создавая собор под стать московскому, он, видимо, не решился приравнять его по значимости царскому творению, а постарался представить это сооружение как одно из деяний Грозного. Начало надписи на соборе с перечислением имён достаточно стереотипно, общепринято и обязательно. Заключительная часть надписи на соборе звучит так: «и отделися сия святая церковь в лето 7069 (1561) и освящена (пропуск) великих страстотерпцев и русских князей Бориса и Глеба, и (пропуск) святого чудотворца Николая Великорецкого, родителям на поминование и память прочим родам и сему граду на украшение и утверждение от противных супостатов и всем христианам на спасение».¹¹

¹¹ Жизневский, А. К. Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 году / А. К. Жизневский. — Тверь: Типография губернского правления, 1888. — С. 7.

Ильин, М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века / М. А. Ильин. — М.: Искусство, 1980. — С. 90.

С позиции старицкого князя она воспринимается не как символ торжества царской власти над удельными княжествами, а совсем наоборот. Поминальные слова о родителях, почтение к прочим родам, пожелание украсить город, утвердившись от супостатов, и тем самым спасти христиан — это целая программа, не вяжущаяся с единой державной политикой Грозного. Более чем странно прозвучали бы в устах Ивана Грозного слова о памяти прочим родам, которую он старательно искоренял. Местническая удельная тенденция в конце надписи не слишком завуалированно выражает направленность деятельности старицкого князя, в конечном итоге приведшую к его гибели.

Обеспокоенный активизацией Литвы, находясь в состоянии войны с ней, Иван Грозный после откровенного выступления во время его болезни Владимира Андреевича, поддержанного боярами, зорко следит за ним. Начиная с шестидесятых годов XVI века его интерес к Старице и владениям Владимира Андреевича, находившимся в непосредственной близости к литовской границе, постоянен. В 1563 году в поездке по западным городам государства царя сопровождает и Владимир Андреевич. Грозный посетил даже село Оковцы — труднодоступный пункт на западной границе окраины глухих Оковецких лесов, вблизи озера Селигер, где находилась явленная икона Богородицы. Оттуда он приезжает в Старицу, пирует у князя Владимира Андреевича и жалуется княгине-матери Евфросинии, а спустя полгода «жалует» своих старицких родственников иначе. По его слову ведётся тщательный сыск, после которого княгиня вынуждена постричься в монастырь, старицких бояр Иван Грозный «берёт на себя», а к князю Владимиру приставляет своих слуг.

С этого момента царь ни на шаг не отпускает своего дядю. Постоянный страх измены, заговора и предательства заставляет Грозного принудить старицкого удельного князя совершить обмен его удельных земель на другие. Летописные сведения старательно нивелируют это событие, представляют его полюбовной договорённостью царя и Владимира Андреевича. Удельные земли старицкого князя и его столица находились в непосредственной близости от границ с Литвой, куда многие бежали от царского гнева. Опасение, что Владимир тоже сбежит в Литву или вступит с ней в союз, побудило Грозного на такой обмен. В результате мены старицкий князь получил Дмитров, Боровск, Звенигород и другие города, не имевшие стратегического значения и стоявшие далеко от границы. На этом история Старицкого удельного княжества закончилась.

В 1569 году Владимир Андреевич был отравлен в Александровской слободе, члены семьи убиты или пострижены в монастырь. По словам историка Александра Александровича Зимина, «гибель князя Владимира означала завершение длительной агонии последнего сколько-нибудь значительного удельного властителя на Руси».¹²

Среди многочисленных городов, которые Грозный под страхом заговоров выбирал своим местом жительства, Старица занимала не последнее место. Устное придание утверждает, что он любил Старицу, называл её «любим городок». Посетивший Россию Генрих Штаден отметил, что здесь великий князь хотел отстроиться, как в Александровской слободе. На его вклад в Успенском монастыре построили шатровую церковь с трапезной палатой. Но это уже следующая страница истории города.

Когда статья была написана, выяснилось любопытное обстоятельство. Одной из последней работ известного архитектора Бориса Львовича Альтшуллера с группой молодых учёных стало исследование Теремного дворца в Московском Кремле. При вскрытии пола была обнаружена яма, заполненная изразцами, сбитыми с фасадов дворца. Эти изразцы оказались необычайно схожими с изразцами старицкого Борисоглебского собора. Сходство рисунка настолько велико, что возникло предположение об их изготовлении в одних формах. Отличие цветовой гаммы поливы в данном случае не имеет значения.

Здесь возникло сразу несколько вопросов, от решения которых, возможно, прояснится история строительства старицкого собора: какая часть Теремного дворца была оформлена подобными изразцами и когда построена, были ли эти изразцы сначала изготовлены в Старице и потом повторены в Москве или наоборот, откуда подобные мотивы могли быть первоначально заимствованы, почему подобные изразцы в Москве украшали жилой терем, а в Старице храм, и наконец, насколько велико отличие московских изразцов от старицких. Все эти вопросы ещё ждут своих исследователей.

¹² Зимин, А. А. Опричнина Ивана Грозного / А. А. Зимин. — М.: Мысль, 1964. — С. 292.

К истории реставрации часовни Крест

О. Г. Карнушина, А. И. Карнушин

В трёх километрах от Переславля-Залесского у автодороги, на так называемой Поклонной горе, расположена древняя часовня под названием Крест. Она отмечена табличкой «памятник архитектуры XVII—XIX веков». Эта часовня представляет собой каменное сооружение в виде шатра на четырёх кувшинообразных столбах. Проёмы фасадов украшены двойными арочками, столбы — ширинками с муравлёнными изразцами. Своим внешним видом и местоположением она напоминает шатровые памятники-ориентеры XVI века.

Точных исторических сведений о строительстве часовни не сохранилось. Известна легенда о рождении на этом месте в 1557 году сына Ивана Грозного Фёдора, будущего царя, «в память о чём Грозный якобы построил монастырь и каменный собор Фёдора Стратилата», а по другой версии, «царица разрешилась от бремени, отъехав от монастыря в деревню Собилово, где поставлена по этому случаю каменная шатровая часовня Крест в форме московского крыльца». ¹ Этот небольшой по размерам памятник архитектуры своей легендарной историей строительства привлекает к себе внимание исследователей. ²

В Переславском районе было довольно много часовен. Часовни на Руси стали строить давно, с принятием христианской веры. Они устраивались на местах, озаменованных какой-нибудь милостью божией, или в память о важных событиях из церковной и государственной жизни. Часовни строились в деревнях или при дорогах. Одной из таких придорожных часовен является часовня Крест.

С неизвестного времени до конца XIX века часовня была оставлена на произвол судьбы и постепенно разрушалась. В середине XIX века, в связи с растущим интересом к отечественной старине,

¹ Смирнов, М. И. Переславль-Залесский: Исторический очерк 1934 года / М. И. Смирнов. — Переславль-Залесский: Плещеево озеро, 1996. — С. 138.

² Васильев, С. Д. Памятники истории в окрестностях Переславля-Залесского / С. Д. Васильев. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1968.

Иванов, К. И. Переславль-Залесский: Путеводитель по историческим и архитектурным памятникам города и окрестностей / К. И. Иванов, И. Б. Пуришев. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1986. — С. 152.

Императорская академия художеств посылает архитекторов и художников в различные губернии для изучения памятников. С этой целью в 1880-х годах Переславль посетил академик архитектуры Владимир Васильевич Сулов. Здесь он обмерил четыре памятника: Спасо-Преображенский собор, церковь Петра Митрополита, часовню Крест и Никитскую часовню.³

В 1889 году на отпущенные средства начались ремонтные работы на часовне Крест. Никитскую часовню не удалось отремонтировать, она обрушилась, однако остались её обмеры и чертежи Сулова.

Во время ремонтных работ на часовне Крест были выявлены некоторые особенности постройки этого единственного в своём роде памятника. При исследовании внутреннего пространства шатрового покрытия часовни обнаружена целая система деревянных скреплений. Они лежали на крестовом вспарушенном своде и представляли собой три яруса горизонтальных бревенчатых связей, соединённых лыком с 8-метровой стойкой. В основании восьмиугольного постамента при переходе от четверика к восьмерику в толще стены обнаружена была бревенчатая клетка. В углах она заменяла собой паруса, которые должны были здесь быть. Непрактичность такой конструкции повлияла на прочность памятника. Деревянные прогоны сгнили, в стенах образовались трещины. Первый ряд деревянных связей состоял из двух брёвен, положенных по диагонали, и четырёх отдельных связок. Следующие ряды представляли собой два бревна, положенные крестообразно.⁴

Было выяснено, что каменные перила с северной и южной стороны возводились не одновременно с часовней. После их разборки в углах пьедесталов были обнаружены дверные металлические крючки (кулачки).

Кирпичная кладка не была перевязана с пьедесталом. Двойные подвесные арки отделились от больших арок. Главные арки искривились и в средних частях провисли, в них образовались значительные трещины. По верху часовня была обтянута поздней металлической связью, которая повредила архитектурное украшение на углах. Карниз над четвериком провис. Восьмерик имел глубокие трещины.

³ Часовня Феодоровского монастыря (Крест), близ г. Переславля-Залесского, Владимирской губернии // Памятники древнего русского зодчества / Составитель академик В. В. Сулов. — СПб.: Типография А. Бенке, 1897. — Т. 3. — С. III-10.

⁴ Сулова, А. В. Владимир Сулов / А. В. Сулова, Т. А. Славина. — Л.: Стройиздат, 1978. — С. 36—37.

Шатровые плоскости изогнулись, кладка изветшала. Металлические связи перержавели. Изразцы зелёного полива были перебиты. В рисунках были заметны изображения двуглавых орлов, церковных глав, растительного орнамента.

В связи с тем, что памятник находился в ветхом состоянии, Сулов принял решение разобрать его, предварительно обмерив. В научных и краеведческих статьях можно прочесть, что часовня при реставрации 1889 года была возведена с отступлениями от первоначального вида. При визуальном осмотре складывается впечатление, что весь памятник заново сложен в XIX веке, так как кирпичная кладка выполнена на цементном растворе.

В 1979 году, к московской Олимпиаде, Ярославская специальная научно-реставрационная производственная мастерская (ЯСНРПМ) провела реставрационные работы по проекту архитектора Ивана Борисовича Пуришева. Однако постоянного присмотра за часовней не было, территория около неё была захлавлена. Деревья и кустарники подобрались к стенам часовни и почти сомкнулись вокруг неё. Сам памятник постепенно ветшает. Кирпич на шатре разрушается, от осадков стирается ажурный узор, вытесанный в кирпиче, утеряны «гирьки» в двойных арках. В центре часовни нет постамента и креста.

В 1998 году авторами статьи проведены обмерные и исследовательские работы по часовне. В результате было обнаружено, что не вся кладка выполнена на цементном растворе, некоторые швы только зачеканены им. Под верхним слоем цементного раствора обнаружено известковое связующее. Известковые швы выявлены в пьедесталах, круглых частях колонн, а также в верхних частях, где расположены украшения в виде ширинок с изразцами. Это указывает на то, что при реставрации 1889 года столбы не разбирались и они являются древними. Об их первозданности говорит обмер плана.

Знакомясь с чертежами, выполненными Суловым, обращаешь внимание на геометрически правильно начертанный план. Это квадрат с прямыми углами и одинаковыми размерами сторон. На архитектурно-археологическом обмерном плане часовни стороны имеют значительное расхождение. Такие планы встречаются в более ранних постройках, когда измерение производилось верёвочкой с узелками или подобным способом.

На фотографиях Ивана Фёдоровича Барщевского (известный фотограф памятников архитектуры), выполненных после реставрации

1889 года, отмечаем, что узорочье фасадов часовни не отличается тщательностью обработки, в некоторых местах кирпич выветрен, резьба сглажена.

В угловых украшениях пьедесталов, в выветренных швах между кирпичей просматриваются металлические кованые крепления. Металл проржавел, расслоился и легко ломается. На наш взгляд этот факт подтверждает подлинность металлических креплений и некоторых декоративных деталей.

Кладка арок и карниза более ровная, не выветренная и имеет некоторую особенность. Она сложена на цементном растворе, однако на кирпичах заметен тонкий известковый слой. Это объясняется тем, что при реставрации для замены разрушенных кирпичей часовни Крест Владимир Васильевич Суслов использовал древний кирпич с Никитской часовни, которая к тому времени уже рухнула.⁵

Размер кирпичей, из которых сложена часовня, соответствует старым размерам. Длина колеблется от 31 до 29 сантиметров, ширина от 13 до 14 сантиметров, высота от 8 до 9 сантиметров. Встречается современный кирпич размером $25 \times 12 \times 6$, которым выложены ступени и основание. Они обновлялись при реставрации в семидесятых годах нашего столетия.

Данные натурных исследований дают нам право утверждать, что реставрация 1889 года не изменила первоначального вида памятника. Только шатёр и арки были разобраны и выложены заново без отступления от древнего вида. Реставрация, проведённая Суловым, выполнена на основе тщательных архитектурных исследований с максимальным сохранением древних элементов, тем самым методом, который начинал утверждаться в последние годы XIX века. Суслов не делает определённых выводов о времени сооружения часовни и времени появления декоративных перил, которые он разобрал как поздние элементы. По дореставрационной фотографии Барщевского, где на южном фасаде нет двойной арки, мы видим, что арка, возможно, не имела перевязки с главной аркой и является поздним украшением, подобно перилам.

С другими переславскими памятниками XVI века часовню Крест объединяет применение деревянных связей в толще кирпичной кладки. При реставрации шатровой Никитской церкви в селе Елизарово

⁵ Сулова, А. В. Владимир Сулов / А. В. Сулова, Т. А. Славина. — Л.: Стройиздат, 1978. — С. 36—37.

обнаружено три пояса сгнивших деревянных связей. В Фёдоровском соборе Фёдоровского монастыря, построенном в 1557 году, тоже были устроены деревянные связи в основании закомар четверика. Ещё одна немаловажная деталь — металлический крест, венчающий шатёр, выполнен в формах, характерных для XVI века.

Аналогом часовни может служить Царская башня Московского Кремля, выстроенная в камне в 1680 году.

Перечисленных фактов недостаточно для утверждения времени постройки памятника. Учитывая катастрофически тяжёлые годы первой половины XVII века, когда прошли экономический кризис, польско-литовская интервенция, эпидемия чумы, можно исключить их как возможные годы строительства памятника. Следовательно, годами строительства можно считать докризисные годы XVI века или вторую половину XVII века.

Иконы в интерьере трапезной костромского Богоявленского монастыря

С. С. Каткова

Архитектура одностолпных трапезных палат русских монастырей XVI—XVII веков с достаточной полнотой исследована историками архитектуры, однако художественное убранство их интерьеров не сохранилось, поэтому подробная опись братской трапезной Богоявленского мужского монастыря представляет особый интерес.

Писцовая книга города Костромы 1628 года уделила особое внимание имуществу этого монастыря.¹ Через 15 лет после Смутного времени, разорившего город и округу, иконостасы храмов Богоявленского монастыря отличаются полнотой, на местных иконах дорогие оклады с драгоценными камнями и жемчугом, сохранился вкладной образ Ивана Грозного «Иоанн Богослов с клеймами Апокалипсиса».²

Каменное строительство в монастыре началось 440 лет тому назад, 23 апреля 1559 года был заложен Богоявленский собор, о чём говорит надпись на плите слева от входных дверей. Судьба пощадила его, во многом он дошёл до наших дней. Пятиглавый, четырёхстолпный, с тремя апсидами, он стоял на высоком подклете, с трёх сторон окружённый высокими и просторными галереями. Юго-западный угол галереи занимала высокая столпообразная колокольня, увязанная с собором в единый объём. Арочные двухъярусные переходы вели от северного угла западной галереи к тёплой трапезной церкви Трёх святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Трапезная церковь была начата строением в 1607 году, но события 1608 года, разорение монастыря неприятелем и Смутное время

¹ Государственный архив Костромской области. Ф. 558. Оп. 2. Д. 133. С. 614—671.

² 30 декабря 1608 года монастырь был взят отрядом Лисовского, все 11 иноков, 5 служебников и 38 крестьян погибли. Имущество расхищено, жалованные грамоты уничтожены. После изгнания интервентов некоторые из похищенных священных предметов были «возвращены из разных мест людьми добросовестными, исторгнувшими их из рук нечестия».

Баженов, И. В. Костромской Богоявленско-Анастасьинский монастырь / И. В. Баженов. — Кострома: Губернская типография, 1895. — С. 41.

затянули окончание строительства до 1618 года. Церковь в длину 22 сажени, в ширину 12 сажен.³ Трёхэтажной была лишь восточная часть — высокий столп, увенчанный двумя главками, стоявшими в ряд по оси север-юг. Примыкавшая с запада трапезная палата была двухэтажной. В нижнем этаже, как и под самой церковью, были жилые и хозяйственные помещения: шесть келий, поварня, три кладовые, братская хлебопекарня. План церкви 1852 года даёт представление о самой трапезной и примыкавших к ней помещениях. По южной стене было 4 окна, на западной 3, на восточной две двери в церковь и келарню,⁴ на северной дверь в паперть перед приделом Трёх святителей московских Петра, Алексия и Ионы. Вход в церковь вселенских святителей и придел Макария Калязинского был в толще стены, как и спуск в поварню из паперти. Стены двухметровой толщины позволяли делать подобные ходы.

С западной стороны трапезная церковь примыкала к святым воротам под проездной башней. Всё это соединение разнородных объёмов, протяжённых папертей и переходов составляло фантастический ансамбль. Было ли строительство собора и церкви Трёх святителей воплощением единого замысла талантливого зодчего или эстафету творчества сумел подхватить не менее даровитый мастер, сказать трудно, но в стилистике обеих зданий много общего.

Квадратная одностолпная трапезная восходит к ермолинскому прототипу. Выстроенная в 1469 году Василием Ермолиным трапезная палата Троице-Сергиевой лавры стала образцом трапезных русских монастырей и определила тип русского парадного зала (Грановитые палаты Московского и Новгородского кремлей).⁵

В троицкой трапезной интерьер украшала стоящая на поставках вокруг столпа дорогая серебряная посуда. Это была важная деталь русского парадного интерьера.⁶ В богоявленской трапезной по одну

³ Там же. — С. 12.

⁴ Баженов пишет, что «можно было только догадываться, где была трапеза и где келарская келья. Вероятно, это был длинный, составленный из разновременных построек, корпус на западной стороне обители» (с. 23). Наше исследование позволило уточнить местоположение келарской.

⁵ Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники / Под общей редакцией Н. Н. Воронина и В. В. Косточкина. — М.: Искусство, 1968. — С. 22.

⁶ Маркова, Г. А. Об употреблении европейского художественного серебра в Московской Руси XVI века / Г. А. Маркова // Русская художественная культура XV—XVI веков / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». — М., 1998. — С. 258.

сторону столпа тоже стоял поставец, но главным её украшением были киоты с иконами на стенах и вокруг столпа.

Столп — не только главный конструктивный элемент архитектуры, но и своеобразная точка отсчёта. Составители описи начинают с киота, что находился против столпа, то есть в центре стены. Какой именно? На оснований анализа предыдущих записей ясно, что речь идёт о восточной стене, так как после описания центрального киота идёт упоминание о церковных дверях, простенке слева и входе в келарскую. По плану такой расклад дверей есть только на восточной стене. На ней было сосредоточено самое большое число икон, которые создали своего рода иконостас (см. схему).

В киоте против столпа пять икон на золоте четырёх пядей: Шестоднев, Богоявление Господне, образ Успение Пречистые Богородицы, а на иконе Никола, писаны Леонтий и Игнатий Ростовские, Сергей, Макарий, во облаце Господь Саваоф, на иконе Три святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст да московские чудотворцы Пётр, Алексей и Иона да в ту же меру на празелени образ Предста царица, образ Софии Премудрости Божией, на иконе Гурий, Варсонофий Казанские чудотворцы, Еуфимий, Макарий, Максим Блаженный, Василий, на иконе благоверные князи Владимир, Борис и Глеб, благоверный князь Фёдор и дети его Давид и Константин ярославские, два столпника на празелени да под теми же образы в том же киоте деисус двадцать пять икон пядниц да два столпника, все на празелени. (1)

Над церковными дверьми — в киоте четыре иконы на золоте трёх пядей, а на них писано «Достойно есть». (2)

По левой стороне церковных дверей в одном киоте образ Пречистые Богородицы Одигитрии вверху по углам два ангела, по сторонам образ Богоявления Господня на той же доске вниз Иоанна Богослова, Никола, Сергей на празелени, по другую сторону архангел Михаил на золоте, ветх. (3)

Над келарскими дверьми, в киоте деисус: Спасов образ со ангелы и со святыми и с евангелисты, а вверху киота Благовещение Пречистой богородицы. (4)

На столпе в киоте над игуменским местом восемь икон образ Беседы о самарянине, образ Господь исцели ослабленного, образ Фомино испытание, да восемь икон на них писаны святые, киот иконы на празелени. (5)

На другой стороне столпа, в киоте образ Спасов Нерукотворенный, образ Пречистой Богородицы вверху два ангела в молении Максим да благоверный князь Александр Невский, киот на празелени. (6)

На столпе ж над поставцом в киоте восемь икон Сретение Господне, Лазарево Воскресение, Преполовление, праздника со святым во облаце

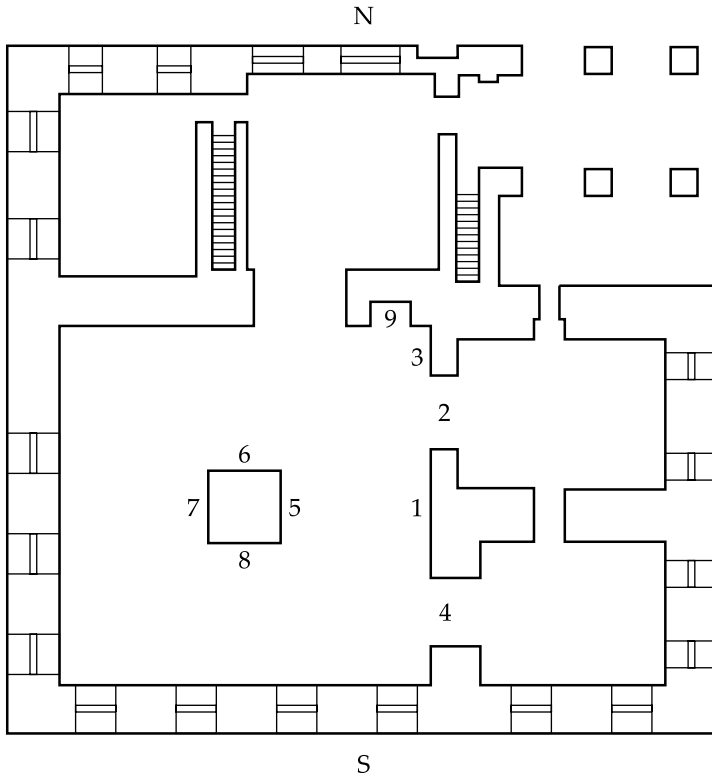

Рис. 1. Схема расположения икон в трапезной.

Троица, киот писан по сусальному золоту травы, а иконы на празелени. (7)

На четвёртой стране столпа в киоте деисус Спасов да Пречистые Богородицы да Предтеча, иконы на празелени. (8)

По правой стороне дверей Трёх святителей московских образ Живоначальные Троицы на золоте. (9)

Над игуменским местом столовым образ в киоте Преломление хлеба два ангела, образ на золоте, а киот на празелени, травы. (10)

Над казначейским местом в киоте четыре иконы на золоте настоящих храмов Богоявление и Успение со святыми. (11)

Против столпа в киоте образ шестодневец, киот и икона на золоте.

Над брацким столом пядница, образ Спасов на золоте. (13)

Анализ показывает, что иконы по тематике соответствуют назначению помещений. Над игуменским столовым местом образ «Преломление хлеба», над братским Спас, к нему обращаются с ежедневной молитвой «хлеб наш насущный даждь нам днесь», недельный цикл олицетворяется образом Шестоднев, который повторён дважды. Среди избранных святых те, кому посвящены храмы и престолы обители, а также ростовские епископы Леонтий и Игнатий, что служит напоминанием о ростовских корнях основателя обители.⁷ Также почитались московские святые митрополиты Пётр, Алексей, Иона (последний был родом из деревни Одноушево под Солигаличем), московские юродивые Максим и Василий. Перечень святых программно русский, что вполне в русле политики создания национального пантеона святых и поклонения местным святыням. В монастырской трапезной эта программа дополняется идеей святых подвижников православия, основателей обителей, поэтому сюда входят образы казанских святых Гурия и Варсонофия, чей подвиг христианизации покорённого ханства был достоин святости.

Набор святых над игуменским местом раскрывает тему милосердия господня: беседа о самарянине, исцеление расслабленного, воскрешение Лазаря, уверение Фомы.

Как были расставлены столы, где находилось столовое игуменское место и где казначейское, судить невозможно, как нельзя с уверенностью указать, где висели иконы Спаса и Шестоднев.

В середине XVI века к трапезной была пристроена казначейская палата, а над ней гостевая. В Троице-Сергиевой лавре для царствующих богомольцев тоже был отведён верхний этаж трапезной.

Рассказ о художественном убранстве трапезной будет неполным, если не отметить разнообразие светильников перед иконами и паникадил для освещения. Авторы описи отметили материал, количество свечей и способ крепления шандалов, характер росписи или окраски яблока, кисти. Эти светильники обозначены так:

⁷ В древнейшем синодике Богоявленского монастыря сказано, что основателем был старец Никита Костромской. Биографических данных о нём нет. По косвенным данным он жил в годы княжения Василия Тёмного (1425—1462), был учеником и родственником Сергия Радонежского, до Костромы был настоятелем Высоцкого Боровского монастыря в Калужской области. По трапезному уставу память ему 15 сентября.

Баженев, И. В. Костромской Богоявленско-Анастасьинский монастырь / *И. В. Баженев.* — Кострома: Губернская типография, 1895. — С. 4.

1. Шанданы железные лужёны ввертные.

2. Перед «Достоинно есть» подсвешник железной на нём три шанданы.

3. Против церковных дверей паникадило о двух свечах, яблоко деревянно золочено, кисть шёлк червчат, паникадило медное о шеста свечах, кисть шёлк червчат.

4. Шандан железной ввертной.

10. В киоте шандан железной лужёной ввертной.

12. Паникадило деревянное по сусальному золоту писано травы, а в нём четыре шанданы медных ввертных, кисть шёлк червчат.

В трапезной висели пять паникадил железных лужёных трапезных о четырёх шанданах, все паникадильца медные лужёные на железных цепях.

Переустройство этого корпуса началось уже при архимандрите Макарии (упоминается в 1637—1639 годах).⁸ Трапезная была превращена в Сретенскую церковь, алтарём которой стала ризничная палата, и в этом качестве она просуществовала до пожара 1847 года. Епископ Леонид настойчиво добивался упразднения монастыря, а затем занялся разрушением его зданий. Епископ был уверен, что в Костромской епархии находится уже 12 мужских обителей и умножать их незначем.⁹

Епархиальный архитектор Попов, зависимый от епископа, в 1852 году писал в объяснении к планам так.

Обе церкви со времени бывшего в 1847 году в Костроме пожара находятся без крыш и куполов, а части их, покрытые на плане лёгкою тушью, не имеют даже ни сводов, ни потолков... Сверх сводов и куполов за неимением покрышек выросла трава, а в весеннее время стоит на сводах вода... В Сретенской церкви вдоль свода в проезде под галерею имеется трещина от одной пяты до другой; в самой церкви в крещатом своде, идущем со столба, по большей части распалубок имеются весьма значительные трещины, в особенности в углу, каковая трещина, начинаясь от полу, идёт по всей стене, — равно как и в стрелке самого свода, и вообще весь свод — в самом неблагонадёжном виде и не представляет возможности к исправлению. Перемычки в окнах также треснули; свод над подвалом совсем обрушился... Стены же обеих церквей по толстоте своей довольно прочны».¹⁰

⁸ Там же. — С. 42.

⁹ Там же. — С. 62.

¹⁰ Там же. — С. 62—63.

Собор спас ропот горожан, видимо, столь явственный, что к епископу приехал жандармский полковник и заставил приостановить варварство. Однако зло было настойчивым. Приостановленная 21 февраля разборка зданий была возобновлена и к 5 апреля разобрали галерею, а колокольню с её прочными стенами вынуждены взрывать порохом, в мае сломали Сретенскую церковь со всеми строениями вокруг неё.

Когда случился пожар, священные предметы вынуждены взрывать порохом, в мае сломали из Сретенской церкви были вынесены в собор. «В Богоявленском соборе от угольев, падавших в прогревшие окна его, уже пылали ризы и другие вещи. Однако огонь поспешно был потушен и из церкви вынесены иконы, сосуды, ковчеги и драгоценные вещи». В Сретенской церкви сгорело всё, что находилось внутри.¹¹

Насколько типично насыщение интерьера трапезной иконами? Всё зависело от богатства монастыря и вкладчиков. Например, в одностолпной трапезной палате при церкви Рождества Богородицы Ипатьевского монастыря иконы «годуновского данья» были сосредоточены по сторонам от входа в четверик (на восточной стене палаты), над гостиным столом находилась большая пядничная икона «Троица» (вклад боярина Дмитрия Ивановича Годунова), а на столпе в киоте четыре монастырских образа «Достойно есть», пядница большая, на золоте.¹²

Традиция отмечать игуменское столовое место киотом с иконами сохранялась и в начале XX века. На фотографии интерьера трапезной того же монастыря в трёхчастном киоте над игуменским местом висели некие иконы (описи нет). В простенках видно стенное письмо картинного типа на знакомые сюжеты «Христос и самарянка», «Притча о насыщении пятью хлебами». Между столбами, лицом к игуменскому месту, стоял аналой, вдоль стен были расставлены столы с простыми скамьями, у игуменского стола были стулья.

¹¹ Там же. — С. 49—51.

¹² Соколов, М. И. Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года / М. И. Соколов. — М.: Университетская типография, 1890. — С. 40.

Картинная галерея Ростовского кремля и современная художественная жизнь города

Е. В. Ким

Деятельность музея оказывает заметное влияние на развитие художественной жизни в городе. Хрестоматийным тому примером стал Саратовский художественный музей, с открытием которого связывают формирование целой плеяды художников саратовского происхождения — В. Э. Борисова-Мусатова, П. В. Кузнецова, К. С. Петрова-Водкина. Ещё в 1913 году Н. Г. Машковцев писал: «Не будет преувеличением сказать, что искусство наполовину создано музеями, и эту сторону их деятельности ни в коем случае нельзя забывать. Планомерная организация музея, определённая его эстетическая физиономия окажет несомненное влияние на развитие искусства. Таким образом, музеи, вызванные искусством к жизни, в свою очередь делаются для него могучим фактором».¹

В Ростовском музее, как и во многих других музеях-заповедниках, коллекция живописи вообще и особенно современный материал не стоят на магистральных путях развития. Живопись ростовских мастеров XVIII—XIX веков в определённой степени изучена, осмыслена и представлена в экспозиции,² а вот коллекция искусства XX века разрознена, в ней существуют значительные пробелы. Внушительную часть фондов составляют случайные материалы, которые, как принято говорить, «не прошли проверку временем». Экспозиция отсутствует, нет документальных материалов о ростовских и ростовского происхождения художниках XX века, даже о самых известных, среди которых П. И. Петровичев, Г. Д. Епифанов, Л. И. Кищенко, Р. Н. Галицкий.

В сфере современной художественной жизни музей чаще шёл за Товариществом ростовских художников. Эта организация, созданная в 1989 году, регулярно проводила в стенах музея свои выставки, которые далеко не всегда отвечали музейным требованиям.

¹ Машковцев, Н. Г. Из истории русской художественной культуры / Н. Г. Машковцев. — М.: Советский художник, 1982. — С. 294 (статья «Искусство и музеи»).

² Колбасова, Т. В. Ростовский художник Григорий Васильевич Юров / Т. В. Колбасова // Сообщения Ростовского музея. — Ростов, 1993. — Т. 5. — С. 131—140.

Колбасова, Т. В. Ростовский художник А. Ф. Крылов / Т. В. Колбасова // История и культура Ростовской земли: 1995. — Ростов, 1996. — С. 177—184.

Таким образом, к концу столетия музей подошёл не только без логически построенной коллекции и экспозиции искусства XX века, но и без осмысленной концепции их формирования. Нет у музея и осознанного места в современном художественном процессе.

С одной стороны, эта ситуация — отражение общего состояния дел в стране с музеями современного искусства, о чём написано очень многое. Достаточно обратиться к недавнему номеру газеты «Культура», где было опубликовано открытое письмо деятелей культуры мэру Москвы и министру культуры РФ. Письмо констатирует: «На рубеже третьего тысячелетия Россия оказалась единственной страной, фактически не имеющей ни музея современного искусства, ни центра, где можно было бы представлять широкому зрителю как постоянную коллекцию, так и периодические выставки новейшего изобразительного искусства».³

С другой стороны, современная художественная жизнь небольшого провинциального города вряд ли может вызвать у публики такой же интерес, что и памятники архитектуры и монументальной живописи Ростовского кремля, имеющие мировое значение. Поэтому так важно определить место и роль коллекции ростовской живописи XX века в системе крупного музея-заповедника, поскольку «научная ценность музейного объекта заключается не столько в его самодовлеющем значении, сколько в том месте, которое он занимает в определённом подборе»,⁴ а также выработать активную позицию музея в современной художественной жизни.

Решение этого вопроса имеет большое значение не только для определения дальнейших путей развития картинной галереи, но и для пополнения коллекции искусства XX века местным материалом. Правильно скомплектованное живописное собрание отразит и усилит своеобразие музея. Как писал А. Н. Бенуа, музей «должно рассматривать не как захваченный историей в определённый момент и подлежащий мумификации труп, но как обладающий своей жизнью организм, требующий не только правил хранения существующего, но и подчиняющийся известным законам развития».⁵

³ Современное искусство — в Провиантские склады // *Культура*. — 1999. — 20 мая. — С. 1.

⁴ *Тройницкий, С. Н.* Основы строительства гуманитарных музеев / С. Н. Тройницкий // *Музей*. — Пг.: Петроградское отделение Главнауки, 1923. — Т. 1. — С. 19.

⁵ *Бенуа, А. Н.* Дворцы-музеи / А. Н. Бенуа // *Музей*. — Пг.: Петроградское отделение Главнауки, 1923. — Т. 1. — С. 26.

Чтобы выработать концепцию деятельности музея в сфере современной художественной жизни города, необходимо обратиться к опыту самого Ростовского музея.

Ростовский музей церковных древностей, открытый в 1883 году, по понятным причинам ставил перед собой задачи только в сфере подготовки иконописцев, финифтянщиков, резчиков и позолотчиков по дереву. В 1921 году в русле общего развития музейного дела в России в Ростовском музее была открыта картинная галерея. Её создатели ставили целью художественное просвещение масс через воссоздание истории русского искусства в экспозиции.

Картинная галерея изначально не была непосредственно связана с основной линией развития музея. Директор Ростовского государственного музея Д. А. Ушаков в письме 22 февраля 1926 года в музейный отдел Главнауки Наркомпроса писал о необходимости создать «показательное собрание предметов разного рода, наполнявших Кремль в эпоху занятия его целиком Ростовским митрополичьим домом». ⁶ В собрание же картинной галереи входили вновь поступившие произведения из фондов различных организаций Наркомпроса, что составляло незначительную часть хранившихся в музее картин (живопись ростовского происхождения входила в иконографический отдел и отдел усадебного и городского быта). ⁷

Особое значение для понимания нашей проблемы имеет коллекция произведений художников «левых» направлений. Она поступила в Ростовский музей в 1922 году из ИЗО Наркомпроса, но для того, чтобы её получить, сотрудники музея вели работу более двух лет. Коллекция отличается высоким художественным уровнем и цельностью, так как воплощает определённую концепцию русского авангарда и модель современного художественного музея — Музея живописной культуры. Само название «Музей живописной культуры» встречается в музейных документах 1920-х годов, следовательно, сотрудники Ростовского музея были вполне осведомлены о новациях в области музейного дела и современной художественной жизни. Однако документы музейного архива не содержат сведений о работе с современными местными художниками, о стремлении изучать художественную ситуацию и влиять на неё, что было связано просто с недостатком сотрудников, поскольку штат музея в момент

⁶ Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». АДМ-471. Л. 22.

⁷ ГМЗРК. АДМ-280. Л. 23—24.

создания галереи составлял всего 9 человек, а объём работы был чрезвычайно большим.

К концу 1920-х годов музей ориентируется на агитационную работу, поэтому интенсивность работы картинной галереи снижается. В 1928 году на заседании совета музея Забелов (председатель научного общества по изучению местного края) указывает, что «художественный отдел является излишней нагрузкой для музея и способствует разбрасыванию его деятельности».⁸ В 1929 году свёрнута экспозиция произведений художников «левых» направлений,⁹ в октябре 1930 года — остальные экспозиции картинной галереи. К 13-й годовщине Октября в освободившихся залах размещена выставка «Наши достижения».¹⁰ Картины вынесены в церковь Григория Богослова, причём разные комиссии отмечали «неудовлетворительность в отношении хранения».¹¹

Почти 40 лет работа с живописным собранием не велась, если не считать списания картин.¹² В 1969 году, когда Ростовский музей получает статус государственного архитектурно-художественного музея-заповедника, начинается работа над выставкой русской живописи второй половины XIX—начала XX веков, открытой в 1972 году. В 1986 году в художественном отделе появляется ставка научного сотрудника, занятого русским искусством XVIII—XIX веков. После ряда выставок в 1989 году начата работа над экспозицией живописи, которая была размещена на третьем этаже Самуилова корпуса.

В феврале 1989 года по инициативе художников в музее был организован салон-магазин по продаже произведений живописи, графики, декоративно-прикладного искусства (на основании приказа Министерства культуры РСФСР, предусматривающего расширение платных услуг в музеях). 20% от суммы реализации перечисляются на реставрацию памятников истории и культуры. Салон стал привлекать к музею художников, ранее не вовлечённых в орбиту художественной жизни города. Вскоре было создано Товарищество ростовских художников. В декабре 1989 года прошла первая выставка Товарищества, а затем один-два раза в год в стенах музея

⁸ ГМЗРК. АДМ-495. Л. 18 об.

⁹ ГМЗРК. АДМ-632. Л. 46.

¹⁰ Там же. Лл. 77 об., 78 об.

¹¹ ГМЗРК. А-204. Лл. 147 об., 154 об.

¹² Колбасова, Т. В. История комплектования коллекции живописи Ростовского музея / Т. В. Колбасова // История и культура Ростовской земли: 1993. — Ростов, 1994. — С. 33—40.

проходят выставки ростовских художников, на которых показаны их последние работы. Музей не оказывал влияния на эти выставки. Художники сами работали над ними, от принятия решений, что и как выставлять, до развески произведений.

В 1995 году, после признания Ростовского музея объектом федерального значения и включения его в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов РФ, вновь была создана картинная галерея как самостоятельный отдел музея. В апреле 1996 года появилась ставка научного сотрудника, занимающегося искусством XX века. С этого времени (правда, почти с годичным перерывом, связанным со сменой сотрудников) началась планомерная работа с местными художниками. В положение о картинной галерее включены такие задачи:

- Активизация художественной жизни Ростова, её фиксация.
- Изучение и популяризация творчества ростовских художников-станковистов.
- Развитие детского художественного творчества.
- Научно-методическая помощь руководителям и педагогам детских студий.

Сейчас в городе Ростове, при 37 тысячах населения, и его округе постоянно живут и работают сто художников. Многие из них создают интересные станковые произведения. Ростовские художники регулярно показывают свои работы в Ярославле, Москве, есть даже участники аукциона Сотби.

Детское творчество, которое сейчас принято рассматривать частью художественного процесса, также представляет интерес, оно отличается разнообразием и значительными достижениями.

Подготовлены две базы данных: биографический справочник современных ростовских художников¹³ и детское художественное творчество Ростова.¹⁴ Использование новых технологий позволило собрать большой материал, который стал фундаментом для дальнейших исследований. Базы данных не только дают представление

¹³ Алитова, Р. Ф. Использование новых информационных технологий в ГМЗ «Ростовский кремль» / Р. Ф. Алитова, Е. В. Ким, С. В. Сазонов // Материалы международной конференции EVA'98. Москва 26—30 октября 1998 г. — М.: ГТГ, 1998.

¹⁴ Алитова, Р. Ф. Детское художественное творчество в Интернет / Р. Ф. Алитова, Е. В. Ким, С. В. Сазонов // Международная конференция «Интернет. Общество. Личность. (ИОЛ-99)». Тезисы докладов участников конференции. — СПб., 1999. — С. 71—72.

о сегодняшней художественной культуре Ростова, но и позволяют наметить круг проблем, требующих осмысления и обобщения.

Активизировалась выставочная деятельность. Если в 1996 году была проведена одна персональная выставка современного ростовского художника, то в 1997 — три.

Изменился наш подход к организации выставок, к построению экспозиции, подготовке аннотаций и этикетажу. Все выставки современных ростовских художников сопровождаются каталогами. Сотрудник картинной галереи принимает участие в подготовке выставок ростовских художников вне стен музея. Для проходившей с декабря 1998 до февраля 1999 года в Ярославском художественном музее выставки ростовского художника Владимира Константиновича Трапезникова были подготовлены текст буклета и электронная презентация, а для изостудии «Семицветик» Центра внешкольной работы Ростовского муниципального округа, учащиеся которой участвовали во втором Московском детском фестивале искусств и ремёсел «Мастера» (он прошёл в мае 1999 года на территории Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства) — аннотации.

Большое значение имеет регулярное освещение всей художественной жизни города в местной прессе. Сотрудник картинной галереи посещает все выставки с участием ростовских художников, в том числе юных, в Москве и Ярославле, производит фотофиксацию и обязательно даёт информацию о выставках в газеты, на радио и телевидение. Это позволило привлечь внимание жителей Ростова и округа к художественной жизни.

Этой же цели должен способствовать и цикл мероприятий, разработанный картинной галереей в связи с 10-летием Товарищества ростовских художников (будет отмечаться в декабре 1999 года). Весь год идёт работа, которая должна помочь восстановить историю Товарищества, определить его роль, осмыслить происходящие процессы, активизировать художественную жизнь города. Завершением и кульминацией юбилейных мероприятий должна стать ретроспективная выставка.

Подготовкой выставки занимается специально созданная рабочая группа из художников и искусствоведов, которая разработает и утвердит концепцию, подготовит и проведёт выставку с сопутствующими мероприятиями. Выставка должна стать своего рода экспозиционным исследованием и отразить искусство Ростова последних десяти лет в лучших образцах, для чего нужно привлечь

собрания музеев и коллекционеров. Обязателен документальный раздел — фотографии, буклеты, газетные публикации. Выставка должна не просто воссоздать картину художественной жизни Ростова за последние 10 лет, но стать первым шагом к восстановлению истории искусства Ростова в XX веке.

Ориентиром при работе с современными художниками стала программа деятельности Отделения новейших течений художественного отдела Государственного Русского музея, которую разработал Николай Николаевич Пунин в 1926 году. По его мнению, «музей из учреждения пассивно изучающего должен превратиться в учреждение деятельно-созидающее, стать как бы фильтром, пропускающим сквозь себя всё многообразие современной художественной жизни».

Ирина Нисоновна Карасик, автор статьи «Н. Н. Пунин в Русском музее»,¹⁵ особо выделила следующие положения его программы:

- Соединить строгие музейные критерии с интересами и тенденциями современной художественной жизни.
- Не ограничиваться собирательскими и исследовательскими задачами, но взять на себя роль центра, организующего и координирующего — то есть осуществляющего художественную жизнь.
- Выбирая мастеров для персональных выставок, ориентироваться на мастеров, чьё индивидуальное творческое движение, будучи симптоматичным и показательным, могло служить моделью художественного процесса.
- Самостоятельный исследовательский сюжет, который скрепил собой все выставочные мероприятия.
- Не только бесстрастно констатировать, но и судить о значении тех или иных художественных явлений.
- «Методологически единообразное изучение» позволит соблюдать «объективную точку зрения».
- Выявление творческого развития художников должно строиться на подробном изучении биографии и формальной эволюции, на описании произведений.
- Привлекать художников и организации к обсуждению работы отдела новейших течений.

¹⁵ Карасик, И. Н. Н. Пунин в Русском музее / И. Карасик // *Творчество*. — 1988. — № 10. — С. 12—13.

Новаторская для музейного строительства 1920-х годов, программа работы музея с современными художниками Николая Николаевича Пунина во многом и сейчас звучит актуально, его подходы представляются действенными, поскольку приносят нужный результат. Сам же Пунин считал, что «при дальнейшем нормальном росте художественной культуры художественные оценки, а тем самым и художественное восприятие скорее будут идти не от прошлого к настоящему, как это имеет место сейчас, а от настоящего к прошлому».¹⁶

Таким образом, система работы с современными ростовскими художниками ещё только приобретает законченные очертания. Нужно провести работу по созданию архива современных художников; необходима более тесная и продуманная взаимосвязь с художественным салоном музея; а главное — нужно разработать и утвердить концепцию комплектования фондов картинной галереи современным местным материалом. Активные действия помогут переломить отношение к современному искусству как среди коллег, музейных работников, так и среди широкой публики.

¹⁶ Обе цитаты Пунина взяты из статьи: Пунин, Н. Н. Отделение новейших течений в искусстве. Его образование и задачи / Н. Н. Пунин // Отчёт Государственного Русского музея за 1926 и 1927 гг. — Л.: Издательство Государственного Русского музея, 1929. — С. 43, 48.

Цитируем по указанной статье Ирины Нисоновны Карасик, с. 13.

История деревянного зодчества Серпухова XVI—XX веков по архивным материалам

С. Г. Лесников

В градостроительстве и архитектуре Подмосковья с древнейших времён до второй половины XX века деревянными были укрепления городов, храмы, боярские и дворянские осадные дворы внутри городских укреплений, дворы рядовых жителей городов и слобод. Административные здания (земские избы) состояли сплошь из деревянных построек, очень редко стоявших на каменных подклетах. В настоящее время застройки старых кварталов городов, подобных Серпухову, состоят из деревянных зданий, преимущественно конца XIX и первой половины XX века. Уже одно это указывает на важность изучения и сохранения тех немногих памятников деревянного зодчества, имеющих художественную ценность. Лишь единицы входят в список из 160 названий памятников архитектуры и культуры, утверждённый Комитетом по культуре Администрации Московской области, как памятники архитектуры Серпухова.¹

Историческое ядро города — Соборная гора, на которой ещё в XIV веке был построен деревянный кремль, расположенный на высоком мысу при впадении реки Серпейки в реку Нара. При постройке крепости мыс был перекопан поперёк рвом, а северный край холма усилен валом. К северу от кремля, под защитой крепости в XVI веке находился Посад с торгом и ямским двором. На Посаде стояло семь деревянных церквей: Ильинская, Троицкая, Спасская, Фроловская, Егорьевская, Рождества Богородицы, Пятницкая. Две последние церкви стоят на территории так называемого Острого конца, отделённого от Посада оврагом с протекающим по нему ручьём Мешалкой. Здесь в XVI веке (до постройки острога) заканчивалась территория торгового квартала и начиналась Гончарная слобода. Затем город распространялся за Серпейку на восток, где Посад занимал две высокие возвышенности, разделённые оврагом: Воскресенскую и Афанасьевскую. Эта часть города называлась Подолом. Одновременно ремесленники опасных и вредных профессий (кузнецы, кожевники)

¹ В капитальном труде «Памятники архитектуры Московской области» (том 2, 1975) среди учтённых памятников зодчества Серпухова нет ни одного деревянного.

заселили правый берег Нары — Занарье (по отношению к кремлю). Здесь были построены четыре деревянные церкви: Богоявления, Покрова, Николы Будки, Косьмы и Дамиана (впоследствии Сретенская). На севере правобережья Посад заканчивался Богоявленским концом и слободкой, «что была за татарами».²

В середине XVI века, согласно описанию серпуховского Посада, данному в сотной книге князя Василия Семёновича Фуникова 1552 года, отдельные части Посада, примыкавшие к древнему ядру с востока и юга, а также расположенные за Нарой, носили названия слобод, причём в названиях этих поселений отразилась история их возникновения ещё в те времена, когда Серпухов являлся центром Серпуховского удельного княжества: Ключничья, Подключничья, Сокольничья, слобода «бывших оброчных бобровников». Дворы посадских людей и слобожан располагались улицами и переулками. При переписи храмы служили ориентирами для указания местоположения отдельных групп дворов: «за Фролом Святым», «под Спасом на Мешалке», другим ориентиром были возвышенности: «на Воскресенской горе», «на Афанасьевской горе». На левом берегу посадские дворы граничили на юге с владениями Высоцкого монастыря, на правом — с дворами крестьян Владычного монастыря. Между группами посадских дворов сохранялись значительные участки незастроенной земли, поэтому город занимал большую территорию, но плотность застройки сильно менялась от центра к периферии.³

В 1556 году деревянная крепость Серпухова была заменена каменной, а часть Посада с торгом ограждена деревянным острогом. В это время в Посаде насчитывалось 623 двора и 250 лавок на торгу. Все они были деревянными, как и храмы, за исключением, по всей вероятности, Троицкого собора в кремле. О внешнем виде и планировке построек ничего не известно, но они, надо полагать, не отличались от изученных по материалам других городов центра России.⁴

² Разумовский, Ф. В. Художественное наследие Серпуховской земли / Ф. В. Разумовский. — 2 изд. — М.: Искусство, 1992. — С. 107.

³ Симсон, П. Ф. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественной историей / П. Ф. Симсон. — Москва: Типография Т. Рис, 1880. — С. 311—334.

Гарин, Г. Ф. Серпухов / Г. Ф. Гарин, С. С. Савоскул, В. В. Шилов. — М.: Московский рабочий, 1989. — С. 18—21.

⁴ Рабинович, М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города / М. Г. Рабинович. — М.: Наука, 1988. — С. 42—82.

Планировка и застройка городов в XVII веке нашла отражение в графических материалах. В 1680-х годах, в ходе многолетней тяжбы Посада с Высоцким монастырём о луговой земле на левом берегу реки Нары, были изготовлены два чертежа, изображающие постройки Серпухова и Высоцкого монастыря. Видна разница в исполнительской манере авторов этих чертежей. Первый чертёж более точно изображает топографию крепости, острогов и окружающих посадских дворов, их взаимное расположение. Второй более точен в изображении отдельных башен крепости и острога, фасадов изб посадских людей при большой схематизации плана всего города,⁵ зато отличается великолепным миниатюрным изображением Высоцкого монастыря.

Если исходить из того, что изображения зданий Высоцкого монастыря на том же плане соответствуют описаниям обители XVIII века, то можно думать, что и посадские строения на плане соответствуют натуре. По их фасадам видно, что дома посадских людей в соответствии с архитектурой и строительной практикой того времени представляют собой пятистенки, встречаются и однокамерные постройки. Здания имеют от двух до четырёх окон по фасаду, от чего зависит ширина фасада. Некоторые постройки, изображённые вверху над деревянным острогом, показаны с боковым фасадом и входом в избу со двора. Большинство крыш трёхскатные, но есть и двускатные. Двери, ведущие в избы, расположены посередине фасадов, иногда в правой или левой части фасада избы. Все избы — одноэтажные, разной высоты, возможно, на фундаменте.⁶

На первом плане хорошо видно, что Серпухов, переживший в конце XVI и начале XVII веков несколько пожаров и разорений в результате набегов крымских татар (особенно губительным был набег 1571 года, когда татары сожгли Посад, деревянный острог и оба монастыря) и в ходе борьбы с польско-литовскими интервентами в Смутное время,⁷ не увеличился по площади по сравнению с описаниями середины XVI века и планом города, подготовленным Павлом

⁵ Гудзинская, А. П. Новые материалы по истории древнерусских городов / А. П. Гудзинская, Н. Г. Михайлова // *История СССР*. — 1970. — № 4. — С. 199—202.

⁶ Рабинович, М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города / М. Г. Рабинович. — М.: Наука, 1988. — С. 58—62 (обзор практики).

⁷ После разорения Смутного времени в 1620 году в Серпухове осталось только 63 посадских двора, к 1647 году их число выросло до 307.

Гарин, Г. Ф. Серпухов / Г. Ф. Гарин, С. С. Савоскул, В. В. Шилов. — М.: Московский рабочий, 1989. — С. 34, 40.

Фёдоровичем Симсоном, и сохранил планировку, унаследованную от XVI века. Посадские двory группируются около храмов, расположенных вдоль основных дорог и улиц, пересекавших территорию Посада.

В середине XVII века площадь Посада и его население увеличились за счёт приписанных к нему монастырских сёл и слобод, с которыми город в XVI веке граничил на юге.⁸ Крупнейшими среди них были сельцо Мироносицкое Высоцкого монастыря, на плане показанное плотным массивом дворов вокруг церкви Жён Мироносиц на юге от города.

Состав строений, составляющих двory серпуховских посадских людей, можно выяснить по данным письменных источников. В частности, Павел Фёдорович Симсон приводит описания двух посадских дворов XVII века, проданных в Серпухове. В 1627 году серпуховский жалец Василий Ельдерев продал свой двор за Нарой «на белом месте... против Казённой улицы». На дворе было: «хором изба да против избы клеть, меж избы и клетки сени заметаны, а в сенех погреб; возле клетки пристенец, да баня з переднею, сенцы, позадь бани конюшня рубленая да ворота; да у товож двора на вымя от мосту огород, а другой огородец с другой стороны... да около двора городьба плетенная».⁹ Цена двору 10 рублей. Другой двор, проданный в 1662 году, много беднее и принадлежал не богатому беломестцу, каким был Василий Ельдерев, а самому рядовому посадскому человеку: «на дворе хором и изб: клеть да пристен рубленой с огородом и с садом, а кругом городьба замет и плетень», стоил он 8 рублей.¹⁰

Площадь дворов также различалась, но в целом была невелика: «в длину 18 сажен, поперёк 7», «11 сажен в длину, поперёк 9», были двory и дворовые места размером 6 на 4 сажени, 7,5 на 8 сажен. Непременной принадлежностью двора был сад, иногда огород.¹¹

⁸ Симсон, П. Ф. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественной историею / П. Ф. Симсон. — Москва: Типография Т. Рис, 1880. — С. 282—283.

Гарин, Г. Ф. Серпухов / Г. Ф. Гарин, С. С. Савоскул, В. В. Шилов. — М.: Московский рабочий, 1989. — С. 39—41.

⁹ Симсон, П. Ф. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественной историею / П. Ф. Симсон. — Москва: Типография Т. Рис, 1880. — С. 209.

¹⁰ Там же. — С. 209.

¹¹ Там же. — С. 208.

Вряд ли эти дворы уцелели после опустошительного пожара 1669 года.

О внешнем виде посадских изб конца XVII и начала XVIII века можно судить по фотографии ныне снесённого одноэтажного дома начала XVIII века на улице Тульской.¹² На ней изображён рубленый дом на высоком хозяйственном подклете, проданный в 1662 году. Такими избами была застроена большая часть Серпухова. В документах, имеющих отношение к городской застройке и отдельным зданиям первой половины XVIII века, встречаются описания дворовых построек. Вот как выглядит кожевенный завод по отдельной Вавиловых: «хоромного строения кожевенная изба, да сенница, да дубня». А вот описание лавки на серпуховском торгу в Новом Москотильном ряду с лавочным местом в один затвор. «Лавка срублена в едином срубе с лавкою брата моего... мерю та моя лавка длины 5 аршин без четверти, шириною 2 аршина и 2 вершка». Стоила она 50 рублей.¹³ По духовной 1725 года гостиной сотни граф П. Шилов оставляет детям и снохе следующие строения: «Дворового своего места мерюю... сыну Ивану владеть четверной жеребей от саду брата моего Козьмы Шилова, а хоромное строение горницы с сенями и со всем надлежащим к тем горницам строением владеть невестке вдове Марье з детьми».¹⁴

Дворовая застройка часто бывала плотной. В 1725 году К. И. Вавилов получил по духовной матери двор «да на том дворе хоромного строения изба с подклетом, сушило с погребницею, баня с пристеном, дубня, сарай с воротами».¹⁵

До середины XVIII века в документах о Серпухове не упомянуты каменные административные, жилые и производственные строения. В 1781 году даже канцелярия, находившаяся в крепости, была деревянной. 445 жилых строений купцов и мещан были деревянными. Из 24 промышленных зданий деревянными были 22. Оценивая городскую застройку в целом, авторы описания 1781 года делают вывод: «некоторые из каменных домов довольно имеют правильности и хорошего вида, но прочие поставлены нерегулярно».¹⁶

¹² Разумовский, Ф. В. Художественное наследие Серпуховской земли / Ф. В. Разумовский. — 2 изд. — М.: Искусство, 1992. — С. 160—161.

¹³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 615. Оп. 1. Д. 10195. Лл. 48 об.—49.

¹⁴ Там же. Л. 85.

¹⁵ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 10197. Л. 51.

¹⁶ Там же. Л. 79—80.

В конце XVIII столетия начинается новый этап в русском и подмосковном градостроительстве. Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы предписывала самые решительные меры по упорядочиванию городской планировки, вплоть до уничтожения старой застройки слобод. Основой для новой планировки становилась сеть прямоугольных кварталов, которая накладывалась на живописную нерегулярную застройку. Новые центры городов на планах получают правильную геометрическую форму. Закреплялось значение главных улиц и площадей, устанавливались нормы по ширине улиц и размеру площадей. Из прежней застройки сохранению подлежали только каменные храмы и отдельные общественные здания.¹⁷

В 1784 году градостроительная комиссия Петербурга и Москвы после долгой разработки утвердила новые генеральные планы для городов Московской губернии. При создании одного из вариантов такого плана для Серпухова на нём были отмечены все каменные строения, имевшиеся к этому времени в городе. Эти здания должны были оказаться в глубине кварталов новой застройки или быть разобранными. Перепланировка не способствовала сохранению деревянных построек, которые в большинстве своём разбирались, некоторые подлежали переносу на новые места в прямоугольные кварталы.¹⁸

Первоначальные проекты регулярной застройки, предполагавшие коренную перепланировку города, не могли быть осуществлены на сильно пересечённой местности Серпухова. Прямоугольная сетка запланированных кварталов вступила в противоречие с холмами и оврагами городской территории, заливными лугами по берегам Нары, сильно затапливаемыми водой. Основной замысел проектировщиков состоял в переносе общественного и торгового центра со старого Посада на высокую часть городской территории к юго-востоку от крепости. Поэтому главная планировка города — дорога из Москвы в Тулу — перемещалась на возвышенность левого берега Нары и Серпейки. На новой магистрали наметили ряд площадей для

¹⁷ Кириллов, В. В. Архитектура и градостроительство Подмосковья (картина развития с XIV в. до 1917 г.) / В. В. Кириллов // Русский город (проблемы городообразования) / Под редакцией В. Л. Янина. — М.: Издательство Московского университета, 1980. — Вып. 3. — С. 170—174.

¹⁸ Там же. — С. 174.

торговли и постройки общественных зданий. Другая цепочка площадей размещалась по Боровской улице, пересекавшей северную часть города с запада на восток. Одна из площадей предполагалась на месте старого торгового квартала. В промежуточных кварталах, согласно экспликации планов, предписывалось размещение общественных зданий, городских служб, промышленных заведений, жилых купеческих и мещанских домов.

При застройке новых кварталов деревянная застройка сокращалась за счёт общественных зданий, лавок и жилых домов богатого купечества и некоторых мещан. Однако деревянное строительство активно велось в новых кварталах на протяжении всего XIX века, так как внутри кварталов и на окраинах оставались незастроенные участки.

Документы конца XVIII и XIX века из архива Серпуховской городской управы содержат много сведений о строительстве каменных и деревянных зданий «по вновь подтвержденному Е. И. В. города Серпухова плану». При оформлении документов на владения дворами и зданиями, указывая на их местоположение, владельцы всё реже называют церковные приходы или другие ориентиры — вместо них называют номера кварталов новой застройки. Так, купеческая вдова М. И. Мурашкина, отдавая сыну участок под строительство дома, указывает, что землю эту выделяет «во отведённую мне по высочайше апробированному Е. И. В. городу Серпухову для обывательского строения плану в квартале № 29 по линии фасада Дворянской улице, состоящую в приходе церкви Николая Чудотворца, называемого Белого земли».¹⁹

Жилые деревянные дома строятся представителями разных социальных групп, но, поскольку Серпухов был городом купцов и мещан, подавляющая часть строений принадлежала именно им. Кварталы по Калужской улице, предназначенные для дворянских домов, были в первой половине XIX века застроены купеческими особняками, так как дворян в то время в городе насчитывалось всего семь.²⁰ В целом строительство по регулярному плану завершено в середине века.

Во второй половине XIX века оно велось на незастроенных участках внутри кварталов и на окраинных «порозжих» землях, особенно

¹⁹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 44. Оп. 1. Д. 407. Л. 38.

²⁰ Разумовский, Ф. В. Художественное наследие Серпуховской земли / Ф. В. Разумовский. — 2 изд. — М.: Искусство, 1992. — С. 170—180.

в южной части левобережья, следуя естественному направлению развития города. План 1852 года топографа Н. Рождественского — единственный графический источник XIX века, показывающий каменные строения красной краской, деревянные жёлтой, строящиеся серой, дворовые постройки светло-серой.²¹ К сожалению, нижняя часть плана испорчена.

Наиболее плотно к середине века была застроена северная часть города, включая Торговую площадь. В первую очередь строительство велось в кварталах, примыкающих ко главной магистрали города — Московской улице, — и в новых кварталах. Два городских района почти не задеты новостройками: Соборная гора и берега Серпейки. Эти участки даже не внесены в сетку регулярной застройки. Менее застроены кварталы южной части Московской улицы. Количество дворовых построек не зависело от места квартала, а было связано с характером и масштабом деятельности владельцев земли. На одном участке стоят жилые и производственные помещения, что видно из документов и плана 1852 года. Лишь с середины века промышленники начинают выводить свои производства на окраины и за границу города.

Среди деревянной застройки конца XVIII и XIX века есть несколько характерных памятников деревянного зодчества, представляющих художественный интерес. Подобные здания до середины XIX века определяли архитектурный облик города. В настоящее время они сохраняются в районе Серпейки (дома 29 и 37 по улице Нижняя Серпейка, конец XIX века). Все они представляют собой простые бревенчатые срубы, замечательные своими наличниками. Этот комплекс зданий сейчас подвергается значительной перестройке. Например, дом 29, построенный в 1900 году, владение мещанина Л. А. Грязнова, покрыт четырёхскатной кровлей «колпаком». Сохранились поставленные в одно время с домом большие двустворчатые ворота, обшитые тёсом в ёлку. Подобное украшение ворот часто встречалось в Серпухове в самых разных концах города.

²¹ Серпуховский историко-художественный музей. КП 4346. План выполнен на бумаге, наклеенной на ткань, состоит из четырёх частей. Размеры каждой части 41,5 на 41,5 см. Экспликации к плану нет. Письменные источники по истории города в архиве СИХМ и ЦИАМ, фотографии города конца XIX и начала XX веков и современные фотографии, материалы обследований памятников 1970-х годов позволяют установить назначение многих построек, изображённых на плане.

У Троицкой церкви стоит дом священника, построенный на месте раннего здания во второй половине XIX века. Это одноэтажный дом с мезонином на каменном фундаменте, частично переходящим в подклет. Тёплый объём первого этажа состоит из двух срубов компактной и функциональной планировки. Деревянная резьба его декора проста и лаконична, но, тем не менее, выразительна. Это один из лучших по своей художественной выразительности памятников деревянного зодчества в городе. Изразцовая печь перенесена в дом из более ранней постройки.

В последние годы выявлено ещё несколько памятников архитектуры — деревянных построек. Прежде всего это дом 22 по улице Чернышевского. Он был построен в 1782 году, затем перестроен, но в целом сохранил планировку и декор. Пока это единственный деревянный дом до регулярной застройки, сохранившийся до наших дней. Интересна усадьба на углу улицы Чехова (бывшей Фабричной) и Маловысоцкого переулка — одноэтажный дом с мезонином и балконом (середины XIX века). Практически без переделок сохранились два здания середины XIX века на Соборной горе: дом 2 и фасадная часть дома 3. Это постройки, типичные для архитектуры города, но очень ветхие. Поэтому представляется насущной проблемой дальнейшее изучение и выявление новых памятников деревянного зодчества Серпухова на основе архивных материалов.

К изучению архитектуры усадьбы Отрада

Т. А. Лесникова

«Усадьба Отрада — один из крупнейших в Подмосковье и наиболее полно сохранившийся усадебный комплекс XVIII—XIX веков. Заложенная в 1774 году, вскоре после её приобретения графом Владимиром Григорьевичем Орловым, усадьба к началу XIX века представляла пышную благоустроенную резиденцию». Длительный процесс формирования сказался на внешнем облике усадьбы, отразившем все фазы развития стиля классицизма. Этот приём достаточно широко применяется во многих усадьбах. «На главной оси композиции поставлен усадебный дом с двумя флигелями... В середине двора во второй половине XIX века установлена монументальная колонна... К парадному двору примыкают два служебных, застроенных флигелями для прислуги... В стороне от центрального комплекса стоят усадебная церковь и мавзолей Орловых».¹

В Серпуховском историко-художественном музее (СИХМ) хранится фонд графов Орловых-Давыдовых, ценный рядом документов. Особенно важны и интересны данные по строительству в усадьбе. Некоторые постройки усадебного комплекса не дошли до нас. Материалы Серпуховского музея дают перспективы для исследования архитектурной истории усадьбы. Они содержат сведения о перепроектировании и перестройках в 1840—1860-х годах, проведённых по самым разным причинам: проходило время, строения старели, менялись вкусы владельцев и мода, представления об удобстве отдельных отрадинских зданий, их интерьеров, ландшафта. Всё это проявлялось на фасадах и в интерьерах барского дома.

Основным источником для работы послужила «Опись архива графа В. П. Орлова-Давыдова, 1876 год»,² её IV отдел «Архитектурные планы и рисунки». В этом отделе описи учтено 85 листов с рисунками, разрезами архитектурных и ландшафтных памятников

¹ Памятники архитектуры Московской области / Под общей редакцией Е. Н. Подъяпольской. — М.: Искусство, 1975. — Т. 2. — С. 279—280.

² Лесникова, Т. А. О реконструкции состава собрания графов Орловых-Давыдовых из усадьбы Отрада / Т. А. Лесникова // III Грабарёвские чтения, 28—30 ноября 1995 года: Сборник научных трудов. — М.: ВХНРИЦ, 1999. — С. 216—226.

СИХМ. КП 10249. Д. 1285. Лл. 559—568.

на территории усадьбы. Планы имеют продолжающуюся нумерацию содержащихся документов — с № 82 по № 171. Включены пять фотографий: на трёх запечатлены виды имения в Усолье, на двух гербы на фасадах усадебного дома (№ 163—167).³

Хронологически крайние даты этих планов и рисунков — август 1801 года и 1870 год.

Состав IV отдела довольно разнообразен. В него входят планы зданий, проекты перестроек, достроек или внесения изменений во внешний вид зданий Отрады, рисунки интерьеров главного дома. Несколько ранних планов, разрезов и рисунков, выполненных в начале XIX века, дают представление о постройках и парковом ландшафте, которые не дошли до нас и известны лишь по исследованиям и изображениям усадьбы XIX века — таким, например, как картина неизвестного художника «Семёновское-Отрада. Вид от церкви на дом, реку Лопасню и парк» из собрания ГИМ, опубликованная в истории подмосковных усадеб,⁴ или пейзажный фон на портрете Владимира Петровича Орлова-Давыдова из собрания Серпуховского музея.

В архиве нет планов усадьбы в целом, за исключением рисунка дочери графа Владимира Петровича Орлова-Давыдова, Марии Владимировны: «Вид отрадинского дома со стороны моста», то есть со стороны реки Лопасни (№ 146), и рисунка архитектора Роберта Андреевича Гёдике (№ 132).

Основная часть планов и рисунков, хранившихся в архиве, имеет отношение к перестройкам усадебного дома, его ограды и интерьеров. Таких документов 26. Среди них проекты архитектора Михаила Доримедонтовича Быковского для пристройки усадебного дома. Предполагалось увеличить этажность здания до трёх этажей, переделать фасад «с прибавлением башен, соединённых новой пристройкою» (№ 102). Для сравнения с реконструкцией здания на том же листе изображён старый фасад дома. Этот проект реализован лишь частично — третий этаж так и не надстроили. Проект дома был заказан графом Владимиром Петровичем Орловым «лучшему в то время архитектору», предполагал трёхэтажную постройку и был отвергнут

³ СИХМ. КП 10249. Д. 1285. Л. 567. Далее в тексте указаны только номера планов без ссылок на страницы.

⁴ ...в окрестностях Москвы. Из истории русской усадебной культуры XVII—XIX веков. — М.: Искусство, 1979. — Илл. 87.

самим заказчиком.⁵ (Споры об авторстве проекта усадебного дома в Отраде пока не дают положительного результата: оно приписывается то Василию Баженову, то Карлу Бланку.) Тем не менее, факт интереса владельцев усадьбы, более чем через полвека со времени постройки дома, к трёхэтажному варианту не случаен.

Скупость архивных описаний при полном отсутствии планов не позволяет нам судить о виде и расположении башен. Может быть, имелись в виду ротонды, пристроенные к боковым фасадам усадебного дома со стороны реки Лопасни и Екатерининского парка. На двух отдельных листах Михаил Быковский выполнил «предложение о балконе и пилястрах посреди отрадинского дома» (№ 103) и проект украшения чёрной лестницы (№ 104). «Предложение о балконе» осуществлено не было, как и другие предложения зодчих.

Михаил Быковский — ученик Доменико Жилярди, который, возможно, был рекомендован для работы в Отраде после того, как сам выполнил проект Успенской церкви-мавзолея, одного из лучших зданий усадьбы.⁶ Известно, что Доменико Жилярди покровительствовал Михаилу Быковскому в Академии художеств в 1828—1829 годах. В свою очередь Быковский в знак признательности в 1830 году литографировал портрет Жилярди кисти неизвестного живописца.⁷ Проекты Быковского могут быть отнесены к концу 1830-х и к 1840-м годам. В 1848 году он построил усадебную оранжерею.

В архиве были обнаружены проекты известного архитектора Гаральда Андреевича Боссе (работал в Санкт-Петербурге и окрестно-

⁵ Свербеев, Д. Н. Записки Дмитрия Николаевича Свербеева / Д. Н. Свербеев. — М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерёв и Ко, 1899. — Т. 2. — С. 116—117.

Дунаев, М. М. К югу от Москвы / М. М. Дунаев. — 2, переработанное и дополненное изд. — М.: Искусство, 1986. — С. 126—127.

⁶ Дьяконов, М. В. К биографическому словарю московских зодчих XVIII—XIX вв. (извлечения из архивов) / М. В. Дьяконов // Русский город. — М.: Издательство Московского университета, 1976. — Т. 1. — С. 286.

Хомутецкий, Н. Ф. Выдающийся русский зодчий М. Д. Быковский / Н. Ф. Хомутецкий // Архитектурная практика и история архитектуры / Ленинградский инженерно-строительный институт. — Л.: Госстройиздат, 1958. — Вып. 21.

⁷ Дьяконов, М. В. К биографическому словарю московских зодчих XVIII—XIX вв. (извлечения из архивов) / М. В. Дьяконов // Русский город (проблемы городообразования) / Под редакцией В. Л. Янина. — М.: Издательство Московского университета, 1980. — Вып. 3. — С. 236.

Памятники архитектуры Московской области / Под общей редакцией Е. Н. Подъяпольской. — М.: Искусство, 1975. — Т. 2. — С. 282—283.

Литография опубликована в книге: *Июкар*, Л. Н. Улица Воровского, 25а / Л. Н. Иокар, Н. М. Тимофеева. — М.: Московский рабочий, 1987.

стях).⁸ Им выполнены «рисунки» для переделки крыши и парапета на главном доме (№ 105) и на боковых флигелях (№ 106). Увлечение владельцев усадьбы башнями стало причиной появления четырёх неосуществлённых проектов для той же крыши (№ 107—110). Они имеют дату — 1847 год. Воплощения эти проекты не получили, как и другие «предложения» Боссе и его коллег. Больше повезло выполненным Боссе проектам парадного крыльца (№ 116—118) и железной ограды с воротами перед домом (№ 115), которые осуществлены и сохранились до наших дней.

Парадное крыльцо подверглось переделке, о чём свидетельствует рисунок плана и фасада архитектора Алексея Алексеевича Ветлицкого, «как было в прежнее время» (№ 129, без даты), работавшего в Москве и её губернии.⁹ Его чертёж в любом случае сделан до 1876 года, которым датируется опись планов и рисунков. Парадное крыльцо — вообще предмет особой заботы хозяев усадьбы. Есть ещё рисунок «существующего парадного крыльца» без подписи и даты (№ 128), возможно, тоже работы Ветлицкого, так как соседствует с его подписанной работой, как и рисунок столбов ограды с каменными орлами (№ 160).

Значительные работы производились в Отраде в конце 1860-х годов по проектам Роберта Андреевича Гёдике — ученика Александра Павловича Брюллова и племянника Гаральда Андреевича Боссе.¹⁰ Он занимался перестройкой конторского и восточного флигелей, для чего сделал планы обоих зданий и разрез конторского флигеля (№ 130—132), рисунок коридора в Бутеневском флигеле (№ 134). В 1870 году Гёдике осуществил перепланировку Успенской церкви-усыпальницы, в связи с чем выполнил два рисунка плана и разреза склепа церкви: первый — до перепланировки, второй — «с показаниями перемены в устройстве склепа» (№ 95—96). Эти изображения сохранили первоначальный вид постройки, возведённой по проекту Доменико Жилярди его двоюродным братом Александром Жилярди. Гёдике — также автор рисунка киота Успенской церкви (№ 97,

⁸ Борисова, Е. А. Русская архитектура второй половины XIX века / Е. А. Борисова. — М.: Наука, 1979. — С. 297—298.

⁹ Дьяконов, М. В. К биографическому словарю московских зодчих XVIII—XIX вв. (извлечения из архивов) / М. В. Дьяконов // Русский город. — М.: Издательство Московского университета, 1976. — Т. 1. — С. 291.

¹⁰ Борисова, Е. А. Русская архитектура второй половины XIX века / Е. А. Борисова. — М.: Наука, 1979. — С. 299.

1868 год). Кем-то из двоюродных братьев Жилярди выполнен план и разрез училища и богадельни в селе Семёновское (№ 100—101). Скорее всего, это был Александр Жилярди, который в 1833—1834 годах «заканчивал строительство в усадьбе... Отрада и наблюдал за постройкой школы, двух богаделен». ¹¹ Доменико Жилярди уже в середине 1833 года уехал в Швейцарию. ¹²

В архиве есть несколько не подписанных планов и рисунков отдельных строений усадьбы: план и фасад отрадинской фермы (№ 87), библиотечного флигеля (№ 133), нижнего этажа отрадинской больницы (№ 88) и тому подобное. Возможно, это были подготовительные эскизы или рисунки выполненных работ и построек.

Несколько графических изображений имеют отношение к интерьерам усадебного дома и других строений. Это работы Боссе — рисунок шкафа (№ 111), рисунок лестницы в сад (№ 112), двери в столовой (№ 113); Гёдике — проект парадной лестницы (№ 127), стены в оранжерее (№ 156); Шакурова — план и разрез кабинета графини Ольги Ивановны (№ 119); Мартьянова — рисунки для мебели (№ 122—123), драпировки (№ 124) и другие. Архитектор Мартьянов — это, судя по всему, Иван Тимофеевич, получивший в 1846 году звание неклассного художника архитектуры с правом производства строений. ¹³ Его работа у графов Орловых-Давыдовых, возможно, связана с тем, что в 1850 году он женился на Анне Львовне Гурилёвой, дочери композитора Льва Степановича Гурилёва, бывшего крепостного графов Орловых.

Нет подписи на двух чертежах горок для посуды в столовой (№ 85—86), на изображениях спальни и кабинета графини Ольги Ивановны (№ 120—121), возможно, работы Ивана Тимофеевича Мартьянова, на двух рисунках мебели в спальне (№ 122—123).

Следует выделить ряд изображений планов парковых строений и ландшафтов, выполненных в период с 1801 по 1869 годы. Наиболее

¹¹ Дьяконов, М. В. К биографическому словарю московских зодчих XVIII—XIX вв. (извлечения из архивов) / М. В. Дьяконов // Русский город (проблемы городообразования) / Под редакцией В. Л. Янина. — М.: Издательство Московского университета, 1980. — Вып. 3. — С. 235.

Чертежи с его подписью хранятся в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры имени А. В. Щусева.

¹² Там же. — С. 237.

¹³ Дьяконов, М. В. К биографическому словарю московских зодчих XVIII—XIX вв. (извлечения из архивов) / М. В. Дьяконов // Русский город. — М.: Издательство Московского университета, 1981. — Т. 4. — С. 217—218.

ранние — план, фасад и разрез беседки на острове Лебединого озера, выполненный А. Цукановым в августе 1801 года (№ 89—92); план Лебединого озера с островом, на котором находится склеп (№ 98). Можно сделать вывод: неподписанные изображения относятся к тому же десятилетию, что и номера 89—92, как и план пруда, «где мокрое место» (№ 99), выполненный А. Цукановым 28 июня 1808 года. Парк Отрады, относящийся к распространённому в России в конце XVIII и начале XIX веков пейзажному типу, был предметом гордости графа Владимира Григорьевича Орлова.¹⁴ О долгом его строительстве свидетельствует план временного пруда и родников Владимирского парка, подписанный А. Цукановым, Н. Туруновым и Б. Лопуховым (№ 170).

Кто были эти люди, чертившие планы ландшафтов и парковых построек Отрады? Вероятно, они участвовали в создании архитектурного комплекса. Во всяком случае их причастность если не к замыслу парка, то к его созданию, несомненна. Парк Отрады, возникший в годы владения усадьбой графом Владимиром Орловым — подлинное произведение ландшафтного искусства. Участие в создании и исполнении планов не могло быть доверено случайным людям. К тому же на плане временного пруда в части парка, носившей имя графа, воспроизведена копия резолюции «сего года не делать» от 14 августа 1806 года. По-видимому, исполнители планов (подобно крепостному строителю Бабакину, возводившему усадебный дом) служили по отрадинской или иной вотчине Орловых, были достаточно грамотными и подготовленными к серьёзной работе. Н. Турунов в 1819—1824 годах был столоначальником в конторе Отрады, где ведал бумагами графа, то есть был далеко не последней фигурой в вотчинной администрации.¹⁵ Возможно, более компетентным в вопросах паркового и ландшафтного искусства оставался А. Цуканов, его подпись стоит на трёх планах парковых ансамблей. Все трое в описи не названы архитекторами, чем можно подтвердить, что они не получили профессиональной подготовки. Парк, особенно его часть, занимавшая противоположный к дому берег реки Лопасни (там находились Лебединое озеро с островами и беседками

¹⁴ Дунаев, М. М. К югу от Москвы / М. М. Дунаев. — 2, переработанное и дополненное изд. — М.: Искусство, 1986. — С. 129—130.

¹⁵ СИХМ. КП 10243. Д. 1658.

СИХМ. КП 10246. Д. 1709.

СИХМ. КП 10254.

на них), сохранился очень плохо. Островные сооружения не дошли до нас. Их изображения видим на упомянутой выше картине в ГИМ. Интересно, что на острове «А» Лебедино острова находился склеп. Возможно, это сооружение было романтической декорацией. Сведений о захоронениях на острове нет.

В создании парка и сада принимали участие иностранные специалисты. Семь проектов моста через реки Лопасню и Меремешку, проект фермы, два проекта беседок (№ 136—143) выполнил баварский архитектор Ценгер в самом начале 1860-х годов. О содержании двух писем Ценгера (№ 144—145, 1861 год) следует думать, что они посвящены проектам и условиям его работы в усадьбе. Прусский архитектор Пфлаум из Кёльна проектировал мост через Лопасню (№ 149). Он предоставил эскиз благоустройства площади у бассейнов около флигелей (№ 147) и проект стеклянной крыши для оранжереи — на трёх листах (№ 150—152). При планах хранились письма Пфлаума и Гёдике, по-видимому, рекомендовавшего прусского архитектора графам Орловым.

С реконструкцией парка в конце 1860-х и 1870-х годов связаны хранившиеся в архиве три листа плана реконструкции, выполненные архитектором садово-паркового искусства французом Андре (№ 153). В отдельном письме он давал необходимые пояснения. Тогда же Шакуров (уже известный автор плана сада и огорода в Отраде, № 146) выполнил копию плана Андре (№ 154). Видимо, к этому же периоду относится предложение садовника Пельцера по устройству парка (№ 145) и чертёж Сен-Галли устройства конюшен в усадьбе (№ 82).

Последним в описи планов и рисунков значится не имеющий отношения к усадьбе план дороги из села Семёновское до Серпуховского шоссе (№ 171). Дорога была построена в 1850-х годах.

Содержащиеся в описи сведения позволяют сделать выводы.

Строителями зданий в Отраде между 1830 и 1860 годами были выдающиеся архитекторы — Доменико и Александр Жиллярди, Михаил Доримедонтович Быковский, Гаральд Андреевич Боссе. Последним известным зодчим в период до 1870-х годов был Роберт Андреевич Гёдике, который, судя по записям, руководил реконструкцией усадьбы. Деятельность Жиллярди и Боссе заключалась в основном в перестройке усадебного дома и флигелей, в обустройстве интерьеров. Некоторые их проекты (например, надстройка дома третьим этажом) не были осуществлены. Гёдике осуществил последнюю значительную работу по перепланировке Успенской церкви-

усыпальницы и, как и Боссе, работал над интерьерами. Жиллярди привлекает для работы в Отраде архитекторов Михаила Доримедонтовича Быковского и Алексея Алексеевича Ветлицкого. Такая практика приглашения зодчих давала возможность сохранять единую направленность усадебного целого и избежать резких отклонений отдельных построек от ансамбля.

В XIX веке продолжалась практика использования доморощенных специалистов, в числе которых А. Цуканов, Н. Турунов, Б. Лопухов. Их деятельность была продолжением зодчества Бабакина, построившего усадебный дом в конце XVIII века. В частности, в начале XIX века они много сделали для создания отрадинского парка и парковых строений.

В 60—70-х годах XIX века для реконструкции парка и сада, для проектирования объектов парковой архитектуры здесь работали иностранные специалисты: Андре, Ценгер и Пфлаум, а также Шаульфербергер — автор плана и рисунков «павловского монумента» (№ 168—169).

В заключение отметим, что даже скупая опись графических материалов по истории зодчества усадьбы Отрада достаточно информативна для дальнейшей работы в архивах с целью выявления и атрибуции перечисленных в ней планов, рисунков и чертежей. Это откроет новые возможности изучения одной из богатейших усадеб южного Подмосковья.

Формирование коллекции современной живописи в Переславском музее-заповеднике

Н. А. Селивёрстова

Художественным коллекциям Переславского музея принадлежит заметное место в музейном собрании. В их число входят произведения древнерусского, русского, современного и народного искусства.

Коллекция современной живописи начинает складываться в музее с первых лет его существования. Первый этап её формирования связан с уроженцем переславской земли, академиком Дмитрием Николаевичем Кардовским, и его женой художницей Ольгой Людвиговной Делла-Вос-Кардовской. В числе первых поступлений — пейзажные, жанровые, портретные произведения кисти этих мастеров, написанные в Переславле и его окрестностях, а также не связанные с местной тематикой. В 1920-е годы в музей поступили переславские пейзажи самобытного ярославского художника М. А. Владыкина и москвича М. М. Берингова. В 1930-е годы — много работ местного художника Б. И. Покровского.

Надо отметить, что в 1920—1930-е годы наиболее активно формировались коллекции древнерусского и русского искусства. И хотя поступления современного советского искусства по сравнению с ними не были такими значительными в качественном и в количественном отношении, они всё же имели место, и этому направлению развития музей уделял определённое внимание.

В 1931 году Союз советских художников сделал музею небольшой дар, в котором были произведения М. И. Авилова, П. Д. Бучкина, П. И. Котова, В. А. Кузнецова, А. А. Рылова.

После кончины Д. Н. Кардовского (последовавшей в 1943 году) директор музея К. И. Иванов обратился к его ученикам с просьбой подарить музею свои работы для создания экспозиции «Д. Н. Кардовский и его ученики», которая должна была увековечить память их учителя. Многие художники откликнулись на эту просьбу, после чего в музее была сформирована самостоятельная коллекция произведений учеников Кардовского (живопись и графика), где представлены К. А. Александров, В. П. Ефанов, П. В. Мальков, Д. А. Шмаринов, П. П. Шмелёв, В. И. Шушаев, П. М. Шухмин, А. Я. Яковлев и многие другие. В коллекции есть произведения, выполненные в Переславле (Г. Б. Смирнов, Б. В. Смирнов).

Серию прекрасных пейзажей написал в Переславле летом 1948 года замечательный русский художник А. А. Осмёркин, три из них вошли в собрание музея.

В 1951 году музей получил в дар от О. Л. Делла-Вос-Кардовской 50 работ Дмитрия Николаевича и её собственных. В эти же годы продолжают поступать работы учеников Кардовского. В 1952 году коллекция музея пополнилась произведениями О. С. Малютиной и её отца С. В. Малютина («Портрет скульптора Эрззи», 1926).

С середины 1950-х годов развитие коллекции современной живописи получило новое направление. В 1956 году в Переславле открылся Дом творчества художников имени Д. Н. Кардовского, вначале служивший дачей для живописцев. Круг мастеров, приезжавших в Переславль, был различен. Дом творчества имел республиканское значение, здесь побывали художники из разных регионов РСФСР: Владимира, Москвы, Подмосковья, Поволжья, Сибири, Ярославля. Это были представители различных школ и направлений. Их произведения стали поступать в музей в виде даров, закупок, с выставок, с них началось формирование коллекции «Переславль в творчестве современных художников». В ней можно выделить работы ярославских (С. А. Глушков, С. П. Горячев, Т. П. Майкова, В. К. Непостаев, Ф. В. Новотельнов, В. В. Шепелёв), московских (Э. Г. Браговский, В. Е. Попков, И. А. Попов, А. А. Тутунов, В. И. Иванов), владимирских авторов (К. Н. Бритов, В. Г. Кокурин).

Основу же коллекции составляют произведения художников «московской школы живописи», развивающих и сохраняющих традицию. Они наиболее последовательно, целенаправленно и углублённо разрабатывали переславскую тему. Здешнее местопребывание, активное познание и творческое осмысление особенностей жизненного уклада русской глубинки оказали большое влияние на становление многих молодых живописцев и графиков, с именами которых впоследствии будут связывать развитие и существование данной школы (Э. Г. Браговский, Е. И. Зверьков, В. И. Иванов, И. А. Попов, И. В. Сорокин, А. А. Тутунов). В своих произведениях они развивали основы живописных и идейно-содержательных принципов, характерных как для творчества самих художников, так и для «школы живописи», к которой они принадлежали. Продолжая национально-демократическую традицию русской живописи, художники этого направления раскрывают серьёзное значение жизни русской глубинки в условиях урбанистического мира, отстаивают чисто живописный вариант станковой картины.

Произведения художников «московской школы» поступали в наш музей на протяжении длительного периода времени, начиная с 1956 года вплоть до сегодняшних дней, и постепенно заняли ведущее место в музейной коллекции. Поэтому её дальнейшее формирование главным образом связано с представителями данной живописной традиции, чьё творчество связано с Переславлем.

За последнее время из музейной практики ушли традиционные пути и формы комплектования. В условиях депрессивной экономики каждый музей старается найти и воплотить в жизнь новые формы и приёмы работы. Этими вопросами занимается и Переславский музей, в собирательской деятельности которого, пожалуй, не столько появились новые формы, о которых ничего не было известно в музейной практике, сколько поменялись приоритеты в работе по комплектованию. Речь идёт об активном пути формирования коллекции через организацию выставок с последующим дарением авторами своих произведений. Например, в 1990 году в Переславле работала «пенэзная группа» московских живописцев в количестве 15 человек (П. Б. Блуднов, Э. Г. Браговский, В. А. Глухов, И. М. Глухова, А. А. Лазыкин, И. В. Сорокин, А. П. Суровцев и другие) под руководством В. Н. Разгулина. Проживание художников финансировал директор АО «Завод ЛИТ» Н. Д. Шилов при поддержке председателя горисполкома В. И. Шестернёва. В ответ участники пленэра подарили городу и заводу свои картины, часть из которых была передана музею. Надо признаться, эта форма работы не получила, как задумывалось, дальнейшего развития. Подаренные же музею произведения были показаны на выставке «Последние поступления» (1993 год).

В 1996 году в музее состоялась выставка народного художника России И. В. Сорокина, творчество которого на протяжении всей жизни самым тесным образом связано с Переславлем и старинным селом Усолье. По окончании выставки Иван Васильевич подарил музею 14 произведений живописи и графики. Выставка была приурочена к 75-летию юбилею художника и явилась важным событием в культурной жизни всего города.

После выставки И. В. Сорокина музей начинает напрямую сотрудничать с художниками, организуя групповые и персональные выставки. В 1997 году прошла выставка «Московские художники в Переславле», посвящённая 40-летию Дома творчества и открытию переславской тематики для изобразительного искусства. На выставке принимали участие «первооткрыватели» Дома творчества,

давние и новые приверженцы Переславщины: Э. Г. Браговский, В. И. Иванов, Н. С. Любимова, И. А. Попов, И. В. Сорокин, А. П. Суворцев. Из своего собрания музей показал работы В. Е. Попкова и А. А. Тутунова. По окончании выставки музей пополнился новыми произведениями.

В том же 1997 году состоялась посмертная выставка замечательного ярославского художника-графика С. А. Глушкова (1925—1994), в чьём творчестве заметное место принадлежит переславской серии. Эти произведения принесли автору успех и признание. По окончании выставки вдова художника О. С. Глушкова подарила музею несколько работ своего мужа.

В настоящее время воплощение переславской темы в живописи, что нас прежде всего интересует в контексте данного сообщения, связано с художниками, поселившимися в Переславле и его окрестностях. Для того, чтобы показать художественную жизнь Переславля, познакомить посетителей музея с творчеством некоторых художников, в 1998 году были показаны персональная выставка В. Н. Разгулина и групповая «Московские живописцы в Переславле» (В. Н. Разгулин, И. Н. Лотова, В. А. Трифонов, А. Д. и Н. А. Мочальские, И. О. Комов и О. И. Воробьёва). Работы, подаренные авторами по окончании выставки, экспонируются в настоящее время на специальной выставке новых поступлений.

В 1998 году в музее состоялась несколько неожиданная, но интересная выставка шведских скульпторов, участников международного симпозиума, проходившего в переславском Доме творчества. Участники и организаторы симпозиума предложили музею показать сделанные в Переславле работы с последующей передачей их в дар музею. Выставка познакомила местного зрителя и многочисленных туристов с иным пониманием возможностей скульптуры, иным языком декоративно-живописных построений. С другой стороны, она подчеркнула, что людей искусства, как и всех жителей планеты, тематически волнуют одни и те же проблемы, вечные ценности, которым человечество следует на протяжении столетий.

Неоценимую помощь музеям России в деле комплектования коллекций оказывает ГМВЦ «РОСИЗО». В новых экономических условиях его сотрудники нашли и успешно претворяют в жизнь такую форму комплектования, как организация даров от художников. Этой новой возможностью пользуются сегодня многие музеи, в том числе и Переславский, получивший пополнение в виде живописных и графических произведений. Музей благодарен О. Е. Шандыбину,

Л. В. Максимовой, Н. П. Климовой и другим сотрудникам «РОСИЗО» за их поддержку и помощь в работе.

За деятельностью музеев по комплектованию коллекций стоят люди: сотрудники музеев, художники, сотрудники художественных фондов, Министерства культуры, «РОСИЗО». В профессиональном отношении для них полезны все встречи и знакомства, поскольку они делают одно общее дело по собиранию и пополнению музейных коллекций произведениями искусства.

Почитание Пресвятой Богородицы на северо-востоке Московской области с XIV до начала XX века (по посвящениям храмов)

В. А. Ткаченко

Известный русский богослов Сергей Николаевич Булгаков следующим образом разъяснил почитание Пресвятой Богородицы Православной церковью: «Православная церковь чтит Деву Марию как „честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим“, превысшую всей твари. Она видит в Ней Матерь Божию и Ходатаицу пред Сыном за весь человеческий род и непрестанно молится Ей об этом предстательстве. Любовь и почитание Богоматери есть душа православного благочестия, сердце его, согревающее и оживляющее всё тело».¹ Пресвятой Богородице посвящено четыре из двенадцати праздников: Рождество Девы Марии, Богородицы (21 сентября по новому стилю), Введение Её во храм (4 декабря по новому стилю), Благовещение (7 апреля по новому стилю), Успение Божией Матери (28 августа по новому стилю), а также три из двенадцати великих праздников: Покров Богородицы (14 октября по новому стилю), Собор Богородицы (8 января по новому стилю), Положение честной ризы Богородицы во Влахерне (15 июля по новому стилю).² Складывавшиеся веками представления о Божией Матери нашли отражение в иконописании и литературе.³

Почитание Пресвятой Богородицы выразилось в посвящении ей отдельных храмов и приделов в них.

В нашей статье представлены результаты анализа почитания Пресвятой Богородицы на северо-востоке Московской области с XIV по начало XX века на примере посвящения главных престолов храмов. Выбор территории обусловлен прежде всего сохранностью

¹ Булгаков, С. Н. Православие: очерки учения православной церкви / С. Н. Булгаков. — М.: Терра, 1991. — С. 253.

² Православный месяцеслов. Церковный календарь на 10 лет. 1993—2002. — М.: Трим, 1992. — С. 12—13.

³ Кондаков, Н. П. Иконография Богоматери / Н. П. Кондаков. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1914—1915. — Т. 1, 2.

Кисин, Б. М. Богородица в русской литературе. Опыт социологического анализа / Б. М. Кисин. — М.: Атеист, 1929.

большого количества актов по этой части Московской области. Благодаря документам удалось восстановить в какой-то степени историю храмового строительства XIV—XVI веков, наиболее тёмного в этом отношении периода. Помимо актов в основу работы положены духовные и договорные грамоты и межевания великих и удельных князей с XIV до начала XVI века, летописи и литературные сочинения с XV по XVII век, писцовые, переписные, межевые и отказные книги с XVI до первой четверти XVIII века, материалы Генерального и Специального межеваний XVIII—XIX веков, клировые ведомости с XVIII до начала XX века, публикации по истории отдельных храмов, погостов и монастырей.

Хронологические рамки исследования определены временем первого появления храмов на данной территории и временем, когда советская власть взяла курс на прекращение их деятельности.

На северо-востоке Московской области, согласно письменным источникам, с XIV до начала XX века построено 288 храмов, из которых 88 церквей, то есть треть, были посвящены Пресвятой Богородице.

По векам ситуация со вновь построенными богородичными храмами выглядит следующим образом. Из 6 храмов, построенных в XIV веке, Божией Матери посвящена одна церковь, то есть шестая часть. Из 27 храмов, построенных в XV веке, 7 церквей, то есть чуть больше четверти. Из 53 храмов, построенных в XVI веке, 12 церквей, то есть несколько больше пятой части. Из 78 храмов, построенных в XVII веке, 19 церквей, то есть чуть меньше четверти. Из 60 храмов, построенных в XVIII веке, 23 церкви, то есть свыше трети. Из 60 храмов, построенных в XIX веке, 25 церквей, то есть значительно больше трети. В первые два десятилетия XX века построено 4 храма, ни один из которых не был посвящён Пресвятой Богородице.

Отсюда следует, что при строительстве храмов XIV—XIX веков наблюдалась общая тенденция к росту числа вновь строившихся богородичных храмов. С XIV по XIX век их число выросло в 2,5 раза.

Рассмотрим теперь, какова тенденция в основных посвящениях главных престолов вновь построенных храмов по векам.

Из 6 храмов XIV века два храма были посвящены Иисусу Христу, по одному храму — Всесвятой и Живоначальной Троице, Пресвятой Богородице, великомученику Георгию Победоносцу и святому Николаю Мирликийскому. Из 27 храмов XV века 9 церквей были посвящены святому Николаю Мирликийскому, 7 церквей Божией Матери. Этим двум лицам было посвящено свыше половины новых храмов. Из 53 храмов XVI века 12 церквей были посвящены

Пресвятой Богородице, 11 церквей святому Николаю Мирликийскому и 8 церквей Иисусу Христу. Всего же этим трём лицам было посвящено более половины новых храмов. Из 78 храмов XVII века 19 церквей было посвящено Божией Матери, 12 церквей Иисусу Христу и 11 церквей святому Николаю Мирликийскому. Этим трём лицам было посвящено более половины новых храмов. Из 60 храмов XVIII века 23 храма были посвящены Пресвятой Богородице и 19 храмов Иисусу Христу. Этим двум лицам посвящено чуть более двух третей новых храмов. Из 60 храмов XIX века 25 храмов были посвящены Божией Матери и 13 храмов Иисусу Христу. Этим двум лицам было посвящено почти две трети новых храмов.

Таким образом, с XIV по XVII век наибольшие предпочтения отданы Пресвятой Богородице, святому Николаю Мирликийскому и Иисусу Христу, а в XVIII и XIX веках Божией Матери и Иисусу Христу. В XVIII веке богородичных храмов построено на четверть больше, чем господних, а в XIX веке их построено вдвое больше.

Эти факты отражают, если можно так выразиться, дух веков. Но помимо вновь строящихся храмов, в каждом столетии продолжала действовать какая-то часть церквей, основанных в предыдущих веках. Поэтому рассмотрим теперь, как выглядела ситуация с почитанием Пресвятой Богородицы в XV—XIX веках на основе анализа посвящений главных престолов всех действовавших храмов.

Согласно письменным источникам, на исследуемой территории в XIV веке действовали 6 храмов. В XV веке их насчитывалось 33, сюда входили 6 храмов предыдущего столетия. Следовательно, в XV веке построено храмов по сравнению с XIV веком в 4,5 раза больше. В XVI веке действовало 76 храмов, в том числе 5 храмов XIV века и 18 храмов XV века. Таким образом, в этом столетии построено новых храмов по сравнению с действовавшими более чем в 2 раза. В XVII веке действовало 117 храмов, в том числе 3 храма XIV века, 10 храмов XV века и 26 храмов XVI века. В этом столетии новых храмов построено вдвое больше по сравнению с действовавшими с предыдущих столетий. В XVIII веке действовало 152 храма, в том числе 3 храма XIV века, 10 храмов XV века, 20 храмов XVI века и 59 храмов XVII века. Количество продолжавших действовать храмов предыдущих столетий в этом веке в 1,5 раза превышало количество вновь построенных церквей. В XIX веке действовало 167 храмов. В это число входили 3 храма XIV века, 10 храмов XV века, 15 храмов XVI века, 48 храмов XVII века и 31 храм XVIII века. Количество продолжавших действовать храмов предыдущих столетий в этом

веке почти в два раза превышало количество вновь построенных церквей. В начале XX века действовало 154 храма, из которых 150 были построены в прошлые века.

Таким образом, в XV—XVII веках количество вновь построенных храмов превышало количество храмов, продолжавших действовать с предыдущих столетий. По этой причине в эти века ситуация с посвящениями главных престолов всех действовавших храмов следовала за тенденцией посвящения главных престолов вновь построенных храмов. В XV веке престолы 10 храмов были посвящены святому Николаю Мирликийскому, 8 храмов Пресвятой Богородице и 4 храма Господним праздникам. В XVI веке престолы 19 храмов были посвящены Пресвятой Богородице, 18 храмов святому Николаю Мирликийскому и 10 храмов Иисусу Христу. В XVII веке престолы 29 церквей были посвящены Пресвятой Богородице, 23 церквей святому Николаю Мирликийскому и 16 церквей Иисусу Христу.

В XVIII—XIX веках построено новых храмов, соответственно, в 1,5 и 2 раза меньше по сравнению с количеством храмов, основанных в предыдущих столетиях. По этой причине в эти века ситуация с посвящениями главных престолов всех действовавших храмов не совпадала с тенденцией в посвящениях престолов новых храмов.

В XVIII веке престолы 47 храмов были посвящены Пресвятой Богородице, 33 храмов Иисусу Христу и 21 храм святому Николаю Мирликийскому. В XIX веке престолы 63 храмов были посвящены Божией Матери, 36 храмов Иисусу Христу и 13 храмов святому Николаю Мирликийскому. Напомним, что в XVIII—XIX веках наибольшее количество главных престолов вновь построенных храмов было посвящено только Пресвятой Богородице и Иисусу Христу. В начале XX века главные престолы 54 храмов были посвящены Божией Матери, 33 храмов Иисусу Христу и 11 храмов святому Николаю Мирликийскому.

Внутри групп богородичных храмов было своё распределение приоритетов. Храмы, чьи главные престолы были посвящены всем богородичным праздникам, входящим в цикл двунадесятых, строились в течение XV—XIX веков. Храмы, посвящённые празднику Рождества Девы Марии, строились в XVI, XVII и XIX веках (соответственно 2, 4 и 2). Всего построено 8 храмов. Церкви, посвящённые празднику Введения Пресвятой Богородицы во храм, строились в XV, XVI и XIX веках (соответственно 1, 3 и 1). Всего построено 5 церквей. Храмы, посвящённые празднику Благовещения Пресвятой Богородицы, строились в XV, XVII и XVIII веках (соответственно 1, 1 и 1).

Всего построено 3 храма. Храмы, посвящённые празднику Успения Пресвятой Богородицы, строились в XV, XVI, XVIII и XIX веках (соответственно 1, 5, 4 и 2). Всего построено 12 храмов. Как следует из приведённых цифр, больше всего построено Успенских храмов.

Из трёх богородичных праздников, входящих в состав великих, на северо-востоке Подмосковья с XIV по XIX век выбор делался только в пользу праздника Покрова. В честь него было построено 19 храмов (соответственно 1, 2, 2, 7, 2 и 5).

В группе храмов, чьи главные престолы посвящены разным образам Пресвятой Богородицы, приоритеты распределились так.

Образу Владимирской Божией Матери престолы храмов посвящались в XVII и XVIII веках (соответственно 1 и 3). Всего построено 4 храма. В честь образа Смоленской Божией Матери храмы строились в XVII, XVIII и XIX веках (соответственно 2, 2 и 1). Всего построено 5 храмов. В честь образа Казанской Божией Матери храмы строились в XVII, XVIII и XIX веках (соответственно 3, 5 и 3). Всего построено 11 храмов. Таким образом Божией Матери, как Ахтырская, Донская, Знамение и Толгская, престолы храмов по одному разу посвящены в XVIII веке. В честь образа Тихвинской Божией Матери храмы строились в XVIII и XIX веках (соответственно 2 и 4). Всего построено 6 храмов. Образам Божией Матери Всех скорбящих Радость, Корсунская и Черниговская посвящено по одному храму в XIX веке.

Из приведённых цифр следует, что из группы храмов, посвящённых тому или иному образу Божией Матери, предпочтение было отдано образу Казанской Богоматери.

Таким образом, около половины богородичных храмов, построенных в течение XIV—XIX веков на северо-востоке Подмосковья, посвящено празднику Покрова Пресвятой Богородицы и образу Казанской Божией Матери (42 из 88).⁴

Номенклатура посвящений богородичных храмов, действовавших в XV по XIX век, была более широкой, чем номенклатура посвящений вновь построенных в эти столетия храмов.

Например, в XVI веке на северо-востоке Подмосковья не было построено ни одного храма, посвящённого празднику Благовещения, но продолжал действовать Благовещенский храм, построенный в XV веке. В XVII веке не было построено храмов, посвящённых

⁴ В XV—XVI веках построено 3 храма, посвящённых просто Пресвятой Богородице.

праздникам Введения во храм и Успения Пресвятой Богородицы, но продолжали действовать два Введенских и четыре Успенских храма, построенные в предыдущие столетия. В XVIII веке не было построено храмов, посвящённых праздникам Рождества и Введения во храм Пресвятой Богородицы, но продолжали действовать три Рождественских и два Введенских храма, построенные в предыдущие века. В XIX веке не было построено храмов, посвящённых празднику Благовещения, образам Ахтырской, Владимирской, Донской, Знамения и Толгской Божией Матери, но продолжали действовать по одному храму Ахтырской, Донской, Знамения и Толгской Божией матери, два храма Владимирской Божией Матери и три Благовещенских храма, построенные в прошлые века. На начало XX века уменьшилось не только количество богородичных храмов, но и номенклатура посвящений. В этот период продолжали действовать (как и в XIX веке) храмы, посвящённые всем четырём богородичным праздникам, которые входят в цикл двенадцатых, и одному богородичному празднику, входящему в состав великих.

Если в XIX веке действовали храмы, посвящённые 12 образам Божией Матери, то в начале XX века их число сократилось до 10. Исчезли храмы Донской и Толгской иконы Божией Матери.

Соотношения между отдельными группами посвящений всех богородичных храмов, действовавших с XV по начало XX века, были примерно такими же, как и соотношения между вновь построенными в эти века храмами.

Подводя общий итог, отметим, что Пресвятая Богородица была одним из самых почитаемых лиц на северо-востоке Подмосковья с XIV по начало XX века. Почитание Божией Матери почти неуклонно возрастало, начиная со времени появления первых храмов, и достигло своего пика в третьей четверти XIX века. Храмы посвящались всем четырём богородичным праздникам, входящим в состав двенадцатых, одному великому и 12 из 20 наиболее чтимых образов Божией Матери.⁵

Причины этих особенностей почитания Пресвятой Богородицы следует искать не только в области духовной жизни общества, но в социально-экономических и политических условиях указанного периода.

⁵ Православный месяцеслов. Церковный календарь на 10 лет. 1993—2002. — М.: Трим, 1992. — С. 12—14.

Памятники модерна в Переславле-Залесском

Е. К. Шадунц

В списках памятников архитектуры Переславля-Залесского здания конца XIX и начала XX веков занимают скромное место — их насчитывается около тридцати. Принято считать, что образ города формируется доминантами XII—XVIII веков и средовой деревянной застройкой XIX века. Однако архитектурное наследие рубежа XIX—XX веков заметно повлияло на облик Переславля, особенно в черте валов и вдоль главных планировочных осей — улиц Московской и Ростовской, Свободы и Плещеевской. Появляются и новые элементы планировочной структуры — общественные сады и парки. В этот период строятся деревянные и каменные купеческие особняки, мещанские дома, фабричные, учебные и больничные здания.

В 1992—1996 гг. малым предприятием «Симаргл» (Москва) были выполнены обмеры и описания этих памятников.¹ По стилевым особенностям большинство из них отнесено к образцам провинциальной архитектуры неоклассицизма, эклектики и «кирпичного стиля». Лишь некоторые здания точно датированы. Ни в одном из паспортов не указано авторство проекта или источник проектной документации (например, образцовый альбом). Любопытно, что почти все объекты признаны «необычными», «интересными» и даже «великолепными» образцами.

Занимаясь историей одного из особняков этого периода — дома купца Алексея Александровича Варенцова, удалось обнаружить сведения, позволяющие предположить единого автора нескольких построек. Анализ стилистических особенностей и композиционной структуры этих зданий дал неожиданные результаты, ещё более увеличившие список работ этого архитектора.

Речь идёт о трёх купеческих особняках, расположенных вдоль главной улицы города. Самый крупный из них — деревянный дом купца первой гильдии Сергея Петровича Павлова. Особняк 10 × 13 сажен с подвальным этажом, мезонином и верандой имеет прямоугольный план, усложнённый с северной стороны парадным тамбуром и комнатой в задней части дома, с востока сенями-верандой

¹ Паспорта памятников архитектуры хранятся в научном архиве Комитета по охране памятников истории и культуры Ярославской области.

чёрного хода с лестницей в подвал, с юга выступающим парадным залом с открытой верандой. Мезонин размещается в восточной части здания, занимая всю ширину. Лестница наверх расположена в просторном коридоре, всего же дом имеет три коридора. При этом обнаруживаются три анфиладные оси и три группы проходных комнат с круговым движением. Не останавливаясь подробно на описании дома, отметим замечательное резное крыльцо, многоярусные лепные карнизы и плафоны с неординарным узором, изразцовые и кафельные печи. В одной из задних комнат павловского особняка есть оконный переплёт «круг в квадрате» и характерная дверь стиля модерн, родственная входной двери дома Рябушинского.

Сергей Петрович Павлов имел пятерых дочерей, две из которых были замужем за купцами Варенцовым и Житниковым. Из истории семьи Варенцовых известно, что Владимир Варенцов, сын Варвары Сергеевны, родился в 1886 году в Москве, там же он в 1902 году окончил гимназию. На фотоснимках из семейного архива (хранятся в национальном парке «Плещеево озеро») можно видеть Варвару Варенцову с сёстрами в саду павловской усадьбы. Студент Владимир Варенцов был сфотографирован на веранде особняка Варенцовых с родителями. Таким образом, дом Павлова существовал уже около 1880 года, а дом Варенцова был построен около 1902 года.²

Особняк Варенцова, в двух кварталах от павловского, расположен у южных Никольских ворот городских валов. Валы — новая видовая площадка для дома, и он даёт рассмотреть себя, демонстрируя мезонин, полукруглую веранду и ломаную крышу с высокими трубами. С тротуара композиция фасада открывается по-другому, обращая внимание на детали декора. При этом каждая комната имеет своё лицо, подчёркнутое объёмом, формой окна и деталями фасада. Кажется, что дом выступает во все стороны, хотя его план в основе прямоугольный (19 × 26 аршин). Сам особняк кирпичный, оштукатуренный, мезонин и веранда (выше цоколя) деревянные. На фасадах насчитывается десять типов окон, не считая полуподвала и пристройки. Полуподвальный этаж расположен подо всем домом,

² Шадунц, Е. К. Дом Варенцовых / Е. К. Шадунц // *Переславские родники*. — 1998. — № 8 (декабрь). — С. 7.

Шадунц, Е. К. История дома Варенцовых в старинных фотографиях / Е. К. Шадунц // *Переславские родники*. — 1999. — № 1 (апрель). — С. 4—5.

Шадунц, Е. К. И вновь о роде Варенцовых / Е. К. Шадунц // *Переславские родники*. — 2000. — № 5 (декабрь). — С. 2—3.

включая веранду. Раньше существовала ещё одна веранда во двор, балкон и навес при входе (для выхода из экипажа). На старых снимках видны ажурные дымники, громоотвод, полотняные навесы над окнами южного фасада. Полукруглая веранда-ротонда имела спуск в палисадник.

Изнутри дом «нанизан» на лестницы из подвала в мезонин. При этом есть две анфилады и два коридорных направления, а также круговой проход через комнаты первого этажа. Сохранились входные и внутренние двери, мозаичный пол фойе, балясины входной и внутренней лестниц. Упомянем хрустальные гранёные стёкла двери фойе, посылающие радужные блики утреннего солнца на мозаику пола.

Пожалуй, из трёх особняков дом Варенцова — самый уютный. Ориентация и размеры комнат, подобие раковины в организации внутреннего пространства, разнообразие впечатлений делают пребывание в этом доме чем-то особенным, тем более по сравнению с современным жилищем. Автор публикации имеет личный опыт и самые тёплые чувства к этому особняку, поскольку работала в нём в течение пяти лет.

О семье Житниковых известно немного. В городе насчитывалось несколько Житниковых. Двое из них, видимо, братья Николай Алексеевич и Иван Алексеевич Житниковы, были гласными городской думы. Известно, что Николай Житников служил управляющим на фабрике Павлова. Дом Житникова, выстроенный из красного кирпича, расположен напротив бывшей фабрики механической вышивки Надежды Сергеевны Засс, старшей дочери Сергея Петровича Павлова. На главную улицу выходит западный фасад здания. Как и два других дома, этот особняк стоит на углу улиц, в глубине участка, что делает обозримым северный фасад и угловой вид. Если дома Павлова и Варенцова имеют главный вид на парадные комнаты с открытыми верандами, то в доме Житникова внимание приковано к парадному крыльцу. Рассматривая портал входной двери и козырёк на цепях, детали фронтона крыльца и аттик тамбура, смутно ощущаешь нечто знакомое. Полукруглые выступы тамбура с арочными окнами усиливают чувство узнавания, которое окончательно оформляется при входе в фойе. Мозаичный пол с несколько иным рисунком освещают два окна, в точности совпадающие по размерам и форме с варенцовскими. При рассмотрении плана здания оказывается, что фойе и тамбур совмещены, при этом размер плана на нулевой отметке совпадает с тамбуром дома Варенцовых, а форма

на фасаде — с формой варенцовского фойе, на скошенных углах которого расположены окна-близнецы.

Именно это сходство и подтолкнуло нас к дальнейшему анализу особняков. План дома Житникова также прямоугольный, при этом ширина совпадает с домом Варенцова, а длина больше на четыре аршина. За пределы прямоугольника выступает часть тамбура на северном фасаде, ризалит главной комнаты на восточном и хозяйственная пристройка на западном фасаде. Здание имеет антресольный этаж, выходящий на западный и северный фасады. Лестница на антресоли расположена в одной из комнат, включаясь в интерьер. Длинный коридор ведёт из тамбура к веранде, примыкавшей к южному фасаду. Сохранился след штукатурки в месте примыкания и дверь на веранду. Сейчас веранда перестроена и не закончена. В интерьере сохранились кафельные печи и внутренний деревянный тамбур, в остальном интерьер подвергнут переделке и оставлен в незаконченном состоянии. Сильно изменена планировка подвала, из печей осталась лишь одна. В связи с этим не очень понятна первоначальная связь комнат в доме.

Итак, три дома, хозяева которых были связаны родственными узами. Раньше всех был выстроен дом Павлова, другие особняки моложе лет на двадцать или двадцать пять. При всей индивидуальности облика есть некоторые общие черты в структуре, деталях и размещении на участке — всё это главные дома усадебных комплексов. Все дома имеют мезонин или антресольный этаж над частью дома, открытую веранду на одном из главных фасадов, имеющую крышу и выход в палисадник. Ограждение веранды колоннами и балюстрадой сходно по характеру в двух из трёх особняков, в третьем она просто не сохранилась. Зато два «младших» дома имеют прямотаки родственную связь входных помещений по деталям, форме и размерам. Главный зал во всех домах отмечен ризалитом, в каменных зданиях ещё и аттиком. Все комнаты выделены на фасадах: в старшем доме пилястрами и обрамлением окон, в младших более детально, ещё и формой окон и пластикой фасада.

И всё-таки декоративная форма — недостаточный довод в пользу отнесения к тому или иному стилю, а также к единому автору. Ключом к пониманию творческого метода архитектора являются структурные закономерности, определяющие специфику формообразования.

Евгения Ивановна Кириченко сформулировала систему закономерностей, присущих модерну — одному из самых импровиза-

ционных стилей искусства.³ Анализируя творчество крупнейших мастеров русского модерна, она так определяет специфику формообразования: живописная картинность всефасадных композиций, рассчитанных на длительное восприятие с разных точек зрения; непрерывность смены картин; огромная роль ритма как средства гармонизации пространства. Обнаруживается система принципов структурного порядка: наличие первичного пространственного ядра — композиционного центра; локальные осевые композиции; ритмическая композиция, основанная на повторах, соответствиях и подобиях, которые обнаруживаются как в объёмных, пространственных построениях, так и в плоскостных, линейных, орнаментальных формах и цветовых пятнах.

Композиционные закономерности закреплены в математических соразмерностях — пропорциональном строе и ритмике построения, исключая возможность случайности. За исходный размер пропорциональных зависимостей принимаются параметры ядра, как правило, вестибюля и аванзала. При этом в основе лежит принцип двойного квадрата, иррациональных зависимостей между стороной и диагональю и их производными, дающих любые взаимопроникающие зависимости между элементами структуры здания и деталями интерьера.

Таким образом, модерн впитал в себя существо русской национальной традиции. Каждый крупный элемент плана имеет самостоятельный, выраженный вовне объём и развивается самостоятельно, при этом все они соразмерны.⁴

На основании обмерных чертежей, выполненных искусствоведами фирмы «Симаргл», был сделан первичный анализ структуры рассмотренных особняков.

В доме Павлова в качестве ядра структурообразования просматриваются тамбур и аванзал, расположенный в северо-западном углу

³ Кириченко, Е. И. Восток и Запад: истоки русского искусства конца XIX—начала XX века / Е. И. Кириченко // Архитектура мира / ВНИИ теории архитектуры и градостроительства. — М., 1993. — Т. 2: Материалы конференции «Запад—Восток: взаимодействие традиций в архитектуре».

Кириченко, Е. И. Архитектурные теории XIX века в России / Е. И. Кириченко. — М.: Искусство, 1986.

⁴ Кириченко, Е. И. О принципах организации пространственной среды интерьеров особняков Ф. О. Шехтеля (рубеж XIX—XX вв.) / Е. И. Кириченко // Архитектурное наследие / Центральный НИИ теории и истории архитектуры. — М.: Стройиздат, 1986. — Т. 34. — С. 246.

плана. Построение остальных помещений связано с размерами стороны и диагонали основного квадрата. Построение выполняется геометрическим способом, циркульным построением из нескольких центров. При этом даже расположение окон, дверей и печей связано с этими построениями.

В доме Варенцова квадрат-ядро расположен внутри вестибюля. Здесь выявлено использование принципа двойного квадрата и частей его диагонали. Интересно, что исходный квадрат вынесен на декор южного фасада: включая в себя мезонин, его очертание продолжается на стене первого этажа в линии междуоконной тяги.

Дом Житникова, как и дом Павлова, имеет основой построения размер угловой комнаты при входе и размер вестибюля. Далее построение идёт от диагонали квадрата и двойного квадрата по мере развития структуры дома.

Таким образом, к выявленным ранее композиционным особенностям добавились и пропорциональные закономерности. В сочетании с такими проявлениями, как асимметрия композиции, гибкие линии и элементы интерьера, всё это характеризует рассмотренные объекты как особняки стиля модерн. Ранее они были стилистически определены следующим образом: дом Житникова — «интересный образец архитектуры эклектики и стилизаторства», дом Павлова — «один из лучших в городе образцов жилой архитектуры периода эклектики», дом Варенцова — «незаурядный для провинциального города образец архитектуры неоклассицизма», пишет искусствовед Георгий Константинович Смирнов.⁵

Мы предпринимали попытку найти имя автора дома Варенцова. По информации Владимира Ивановича Панфилова (до 1998 года заместитель директора по науке Переславского музея-заповедника), это был архитектор Никитин, проектировавший и мужскую гимназию. В архивах губернской чертёжной никаких свидетельств на этот счёт найдено не было, в списках чиновников уездный архитектор в 1900—1915 годах не значится. Лишь в журналах городской Думы за 1910—1915 годы отыскалось упоминание о Никитине. В ноябре 1909 года городской голова Василий Иванович Чернов и представитель от земства Сергей Алексеевич Федосеев обратились к архитектору, состоящему при Московском учебном округе, г-ну Никитину

⁵ Паспорта памятников архитектуры хранятся в научном архиве Комитета по охране памятников истории и культуры Ярославской области.

за составлением проекта и сметы переустройства городского приходского училища под мужскую гимназию. Такой проект, а также проект здания для квартир директора и инспектора и сметы, были получены и рассмотрены специальной комиссией городской думы. Однако в настоящее время здание приходского училища существует в изначальном виде, а мужская гимназия оказалась построенной на другой стороне улицы. Журналы городской думы повествуют о причинах перемены места по сравнению с первоначальным, однако больше не встречается имени архитектора и упоминаний о чертежах. Решение о приобретении бывшей земли Чечелёвых под гимназию было принято в связи с отказом Императорского археологического общества разрешить срытие части городского вала для расширения территории под перестройку училища.⁶

Встречается ещё одно упоминание: «в бытность городским головой Л. С. Павлова, архитектором Иордановым был составлен проект новых (торговых) рядов».⁷ Этот проект также не осуществлён.

Остаётся лишь предполагать, что новый проект гимназии могли заказать тому же специалисту при учебном округе. Имя архитектора требует уточнения, возможно, в Ростовском архиве отыщутся чертежи и дополнительные сведения.

Тем не менее, мужская гимназия (1912—1915 годы) заслуживает внимания по многим причинам. Это самое крупное гражданское здание дореволюционного Переславля, смелая доминанта в историческом центре неподалёку от храмов Красной площади. Однако изгиб улицы скрывает храмы, оставляя взгляду переключку трёх кирпичных учебных зданий — мужской гимназии, женского и приходского училищ.

Главный фасад представляет собой переложение на язык архитектуры фразы: «Цитадель знаний, мужская классическая гимназия имени Императора-освободителя». Дворовый фасад более живописен и включает формы башен и укреплений, отражая дух города-крепости, в древние времена окружённого стеной с двенадцатью башнями. Ведь западный фасад обращён к городскому валу — гордости и археологической древности Переславля. Здание выстроено

⁶ Журналы Переславской городской думы за 1910 год. — Переславль-Залесский: Типо-литография А. М. Шаланина, 1911. — С. 4—9.

⁷ Журналы Переславской городской думы за 1912 год. — Переславль-Залесский: Типо-литография А. М. Шаланина, 1913. — С. 53.

из красного кирпича с литыми бетонными гербовыми вставками. Разнообразие типов и декора окон, карнизов, пилястр и других элементов фасадов гармонизировано и проникнуто подобиями. Пилястры образованы выступами кирпича, образующими переплетённый по вертикали узор.

Для ответа на вопрос о едином авторстве дома Варенцова и гимназии достаточно посмотреть на планы этих столь различных зданий. Всё то же ломанной формы ядро вестибюля, подобие тамбуров «чёрных» лестниц и северного тамбура с житниковским тамбуром-фойе — случайность маловероятна, учитывая дальнейшее развитие плана из первичного ядра. Круглая бетонная вставка над порталом двери в северном тамбуре напоминает деталь тамбура дома Варенцовых. Наконец, на дворовом фасаде неожиданно обнаруживается единственное в здании узкое арочное окошко — родственник окон в тамбурах купеческих особняков, о которых говорилось ранее.

Теперь стоит присмотреться к зданию женского училища, стоящему недалеко от гимназии. Построенное на берегу реки Трубеж, оно предвещает въезд в северные Спасские ворота валов. Правда, ко времени постройки училища — к 1903 году — крепости уже не существовало, но в облике здания есть нечто, напоминающее старинные терема. Впечатление деревянного терема производит северный фасад, куда выходит ризалит с большим нижним и тремя маленькими окошечками второго этажа, как будто отороченными резным наличником. Силуэт дома с высокой ломанной кровлей и очертанием верха стены, подобным повалу рубленной постройки, навеивает воспоминания о старинном Переславле.

Женское училище было выстроено на средства переславского купца-мецената Николая Петровича Свешникова. Выразительный силуэт создаётся оригинальной конструкцией кровли — высокая крыша с широкой юбкой, где вместо кобылок использованы треугольные деревянные консоли. Вылет кровли снизу обшит профилированными брусками, консоли имеют решётку из резных планок. Здание построено из красного кирпича. Яркие белые наличники дверей и окон (известковый раствор на крупном кварцевом песке) и потемневшие деревянные консоли дополняют палитру фасада. Обращает на себя внимание кирпичный декор — мотив узора «городок» на фронтонах ризалитов и тамбуров, переплетение горизонтального пояса с наличниками. Сложность пластического решения, взаимосвязь горизонтальных и вертикальных элементов, удачно выбранная глубина профиля говорят о мастерстве архитектора.

Функция постройки диктует коридорную планировку, лестница размещена в левом фойе. Училище двухэтажное, но есть помещения «среднего» уровня, расположенные в тамбурах. Анализ плана здания показал наличие исходного квадрата построения — тамбура, и двойного квадрата — фойе.

При всей разнице форм, размеров и облика двух учебных заведений есть нечто, позволяющее говорить о характерном почерке автора. Это манера переплетения кирпичного декора — в гимназии по вертикали, в училище по горизонтали; крупные декоративные элементы типа «полотенце» или «пряжка»; выделение входов самостоятельными объёмами; пропорциональные зависимости, использованные при построении планов.

Ещё одно общественное здание может принадлежать автору училища имени Свешникова. На Московской улице расположен комплекс бывшей земской больницы, построенной в 1879—1913 годах. Новый заразный барак, выстроенный в 1913 году — одноэтажное кирпичное здание симметричного очертания, с двумя входами. Свес крыши поддерживают знакомые треугольные деревянные консоли. Кирпичный декор представлен мотивом «городок» и крупными вертикальными зубчатыми элементами («полотенце»). Окна имеют широкий оштукатуренный наличник более простой формы, но сходный с кирпичным наличником восточного и западного фасадов училища. Наконец, аттики ризалитов украшены криволинейными окошками, такими же, как в доме Житникова. Разницу представляет разрезка рамы: в больнице мелкие элементы расположены в нижнем ряду, а в доме Житникова — в боковых частях окна. Построение плана совершается знакомым способом, через соотношение диагонали и стороны квадрата комнаты.

Таким образом, можно предположить, что в начале XX века в Переславле работал какой-то московский архитектор, хорошо знакомый «отцам города», который выполнял заказы на частные и общественные здания. Его стиль — романтический модерн, он прекрасно владеет методами пропорционирования и формообразования. Работая в различных материалах, он демонстрирует умение использовать декоративные возможности каждого из них, в зависимости от вкуса и возможностей заказчика.

В заключение следует отметить, что предполагается продолжение исследований переславских зданий конца XIX—начала XX века. Предстоит определить все сохранившиеся постройки стиля «модерн», проанализировать их особенности и пространственную структуру.

К сожалению, обладая столь ценным наследием, мы остаёмся равнодушны к нему. Как правило, здания запущены, часто ремонтируются неправильно, имеется деструкция строительных материалов. При этом современное коттеджное строительство редко радует глаз. Цель анализа — реконструкция творческого метода, которая необходима прежде всего для нынешних архитекторов, не владеющих этим замечательным инструментом, позволяющим создавать маленькие шедевры красоты и удобства.

Секция 4

Естественно-исторические исследования

Из истории Пушкинского сада в городе Переславле-Залесском

Д. П. Воробьёва

Начиная с самых древних времён, во всех теоретических работах по градостроительству зелёным насаждениям отведено заметное место в городском комплексе.

Скверы и парки Переславля — это исторически озеленённые территории, результат работы предыдущих поколений горожан. Среди них особое место занимает Пушкинский сад, ценнейший фрагмент городского культурного ландшафта. Этот уголок природы дорог сердцу каждого переславца.

Загрязнение воздуха, воды и почвы растёт с каждым днём. Деревья, растущие в городе, значительно уменьшают вредное действие этих загрязнений, помогают избавиться от стресса, радуют глаз и сердце. Но радостных зелёных уголков в нашем городе становится всё меньше. Задыхаясь от городской копоти и дыма, окружённые асфальтом, растения страдают от небрежного и равнодушного отношения людей. При озеленении из года в год повторяются одни и те же ошибки, в результате которых на улицах уже редко встретишь здоровое, ухоженное, давно растущее дерево. А ведь когда-то Переславль славился Пушкинским и Летним садами.

Любопытна сама история появления Пушкинского сада. В библиотеке Переславского музея-заповедника сохранились журналы Переславской городской думы. В журнале от 28 января 1898 года содержится заявление гласного думы Владимира Карловича Шилля о необходимости устройства общественного сада между собором и тюрьмой. Дума признала за собой законное право по IV пункту 2 статьи городского положения иметь общественный сад и содержать его, и поэтому постановила:

Сад или сквер устроить и признать место, указанное г. Шиллем, для сада подходящим, относительно же времени, когда приступить к устройству сада, как его устроить и какой потребуется на то расход, было такое мнение: передать вопрос этот на обсуждение редакционной комиссии; но гласные Острецов и Шиль полагали: кредит на сад открыть теперь же пока в 300 р. на начало устройства сада, а детали разработать по устройству сада, между прочим, поручить управе с редакционной

комиссиею и доложить думе. Мнение это предложено решить на головах по запискам и, таким образом, большинством 13 голосов против 8 *решено*: Мнение гг. Острцова и Шилье принять и деньги 300 рублей употребить из непредвиденных расходов.¹

Год спустя, 22 марта 1899 года на заседании Переславской городской думы гласный Шилье делает другое заявление:

Как известно, 26 мая будет по всей России чествоваться день столетия рождения Пушкина, этого великого поэта, известность которого распространяется далеко за пределы своего отечества и сочинения которого переводятся на иностранные языки и читаются всеми образованными нациями. Ввиду этого было бы вполне уместно и нашей думе ознаменовать этот день достойным образом каким-либо торжеством в наших училищах с раздачей учащимся по экземпляру избранных сочинений Пушкина и наименованием его именем наше городское училище или прогимназию.²

Выслушав предложение, городская дума решила приобрести 500 экземпляров дешёвых произведений Пушкина, чтобы раздать их ученикам и ученицам городских училищ и прогимназии. Вновь устраиваемый городской сад решили назвать Пушкинским. Оба решения были приняты единогласно.

Не сохранилось известий, как происходила закладка сада и какие деревья были посажены. Из них в саду осталось лишь несколько тополей и берёз. Посадки производились учениками городских училищ, а в последующие годы сад был огорожен деревянными решётками, которые иногда ремонтировались. Вот как рассказывает об этом журнал городской думы за 12 сентября 1903 года.

В настоящее время деревянная решётка городского Пушкинского сада пришла в ветхость и требует немедленного ремонта, так как подгнившие столбы, грозя падением, держатся на одних только подпорках, ввиду же того, что деревянные заборы вообще недолговечны и каждые 3—4 года требуют капитального ремонта, или, вернее сказать, полного возобновления, я обращаюсь в городскую думу с просьбой ассигновать необходимую сумму на возведение нового каменного, с каменными или

¹ Журналы Переславской городской думы за 1898 год. — Переславль: Типо-литография А. М. Шаланина, 1900. — С. 8.

² Журналы Переславской городской думы за 1899 год. — Переславль: Типо-литография А. М. Шаланина, 1900. — С. 23—24.

железными столбами и решёткой из пачечного железа, забора, который может простоять десятки лет.³

Городская управа предложила обсудить это заявление в ноябре при рассмотрении сметы на 1904 год. В заседании 25 ноября устройство железной решётки было отклонено большинством 22 голосов против 9.⁴

Валентина Петровна Лихарева (монахиня Агафья из Никольского монастыря) в личной беседе рассказала, что к 300-летию дома Романовых в 1913 году планировали отремонтировать музейную усадьбу Ботик для приезда Николая II. Тогда же была посажена центральная липовая аллея Пушкинского сада.

Краевед Павел Васильевич Соболев писал, что «до революции летом по вечерам в нём и на прилегающем к нему тротуаре проходили гулянья переславцев. По воскресеньям на специальной эстраде, выстроенной в центре сквера, играл духовой оркестр».⁵

По сведениям Юлии Яковлевны Никитиной, научного сотрудника Переславского музея-заповедника, в 1949 году, когда отмечали 150-летие поэта, Переславский исполком и горком ВКП(б) организовали в саду торжественное заседание, посвящённое юбилею. С докладом выступил заведующий городским отделом образования Владимир Иванович Ростовцев. Хор и солисты дома культуры фабрики киноплёнки под руководством Бориса Георгиевича Былинина исполнили отрывок из оперы Даргомыжского «Русалка» и отдельные вокальные произведения Глинки на слова Александра Сергеевича Пушкина.

В те годы сад именовали (да и сейчас старожилы именуют) детским парком имени Пушкина. Дети не только отдыхали там и проводили пионерские сборы и праздники, но и заботились о парке. Летом пионеры и октябрята подметали дорожки детского парка, убирали его территорию. Тут были качели и аттракцион «гигантские шаги». Дети качались, играли в классики и подвижные игры, по вечерам на открытой эстраде читали стихи, пели песни, ставили инсценировки.

³ Журналы Переславской городской думы за 1903 год. — Переславль-Залесский: Типо-литография А. М. Шаланина, 1904. — С. 53—54.

⁴ Там же. — С. 90.

⁵ Соболев, П. В. Сады и парки в Переславле-Залесском и Переславском уезде на начало XX века / П. В. Соболев // *Коммунар*. — 1997. — 8 августа; 15 августа. — С. 6.

В 1956 году Дом пионеров принял шефство над детским парком. Директором Дома пионеров была Антонина Трифоновна Калачёва. Дети высаживали липы, тополя и чайные кусты вдоль высокого забора, который в конце 80-х годов был снесён и заменён низкой решёткой.⁶

Собирая материал по истории Пушкинского сада, мы расспросили переславцев о Пушкинском саде. Анкета включала несколько вопросов:

- Любите ли вы бывать в Пушкинском саду?
- С какой целью вы туда приходите?
- Как вы оцениваете его сегодняшнее состояние?
- Ваши предложения по его благоустройству?
- Нет ли в ваших семейных альбомах фотографий, связанных с Пушкинским садом?

Возраст анкетированных — от 8 до 85 лет. Количество опрошенных — 100 человек.

На первый вопрос все ответили «да», но есть уточнения: «редко бываю».

На второй вопрос наиболее характерны ответы: «Раньше приходили отдыхать со всей семьёй, с детьми. Сейчас вместе бываем редко, чаще прихожу один, посижу на скамеечке». «Специально в парк не хожу. Если только иду мимо него, захожу иногда или прохожу мимо него, чтобы скоротать путь». «Чтобы отдохнуть и погулять». «Полюбоваться природой». «Мне там очень нравятся растения». «Погрустить, молодость вспомнить». «Отдохнуть от всего». «Посидеть в одиночестве».

Наиболее типичные ответы на третий вопрос о состоянии сада: «плачевное», «очень плохое», «зброшенный», «нет хозяина», «он в очень плохом состоянии».

Предложения по благоустройству таковы. «Новые деревья, цветы и кустарники посадить, сад почистить». «Мне и так нравится, как в лесу». «Сделать фигурки героев из сказок Пушкина». «Озеленить новыми видами деревьев». «Посадить деревья, сделать какие-нибудь развлекательные аттракционы». «Посадить побольше деревьев и кустарников, сделать различные сооружения для детей».

⁶ Никитина, Ю. Я. Детский парк имени А. С. Пушкина / Ю. Я. Никитина // *Переславские вести*. — 1999. — 25 мая. — С. 5.

Как видно, большинство переславцев любят Пушкинский сад и тревожатся о его судьбе.

В 1998 году Пушкинскому саду исполнилось 100 лет. На его территории 180 деревьев, многие из которых стары и больны.

В Пушкинском саду можно видеть, как неблагоприятно влияет город на растения, как они страдают от выхлопных газов. Деревья первого ряда, которые расположены ближе всего к дороге, оказались тонкими и чахлыми, их кроны кажутся обожжёнными, на коре пятна, напоминающие язвы. В среднем ряду деревья толще, повреждений на стволах и кронах уже меньше. Деревья третьего ряда выглядят ещё более благополучными.

Для полного воссоздания истории сада было изучено его нынешнее состояние. Составлена схема сада с указанием деревьев. Измерен диаметр и высота деревьев, определён их возраст. Описано состояние деревьев, дефекты коры. По полученным данным составлен каталог деревьев. Проведены эксперименты по определению влияния автотранспорта на температуру снежного покрова, его загрязнения, подсчитано среднее количество автомобилей, проходящих за час, за сутки, за неделю мимо сада. Уже теперь можно сказать, что деревьям в саду приходится очень тяжело.

Как было бы замечательно, если бы на небольшом пространстве Пушкинского сада соседствовали клёны и ясени, липы и берёзы, рябины и вязы. Хорошо, если бы здесь появились хвойные породы. Правда, они более чувствительны к токсическим веществам, однако они — вечнозелёные, поэтому очищают воздух от пыли и вредных газов даже тогда, когда жизнь лиственных деревьев замирает и концентрация загрязняющих веществ в воздухе растёт. Установлено, что хвойные растения поглощают сернистый газ даже при температуре -6° . Наиболее устойчивы к загрязнению сосна чёрная, сизые и серебристые формы ели колючей, голубые формы ели канадской, ель Энгельмана. Хороша для озеленения дугласия сизая.

Совместно со специалистами горзеленхоза и дендрария даны рекомендации по подбору растений и уходу за зелёными насаждениями Пушкинского сада. Был выполнен план реконструкции, который предполагает посадку деревьев, кустарников, разбивку цветников, насаждение живой изгороди, создание уголков отдыха. Этот план реконструкции одобрен и поддержан главой городской администрации Евгением Алексеевичем Мельником.

В 1999 году при поддержке городской думы были выделены средства на реконструкцию сада. Работники зеленхоза убрали сухие

стволы и срезали больные ветви, увезли упавший прошлой осенью тополь, удобрили почву и устроили клумбы.

Работники жилищно-коммунального хозяйства обновили асфальтовые дорожки, уложили вдоль них бетонные бордюры, установили лавочки и урны. Шефство над садом взял Молодёжный центр. Школьники и студенты неоднократно убирали мусор из сада.

Хочется надеяться, что забота о саде не останется юбилейным мероприятием, что над садом возьмут постоянное шефство студенты и школьники, которые будут не только убирать мусор, но под руководством специалистов лечить больные деревья, подкармливать, подсаживать новые. И сад в дальнейшем будет дарить нам радость общения с природой.

Болото Сомино как особо ценный объект охраны и изучения международного значения

В. В. Горохова

Первым международным договором об охране и рациональном использовании природных ресурсов стала Международная конвенция о водно-болотных угодьях. Конвенция подписана 2 февраля 1971 года в городе Рамсар (Иран), а день её подписания объявлен Всемирным днём водно-болотных угодий.

На сегодняшний день к Рамсарской конвенции присоединилось более ста государств, а общее число Рамсарских угодий приблизилось к 900.

На территории России в настоящее время официально имеется 35 водно-болотных угодий международного значения, главным образом являющихся местообитанием водоплавающей птицы. На наш взгляд, для огромной страны, отличающейся разнообразием природных условий, такого числа недостаточно.

В 1999 году от субъектов федерации, научной общественности и исполнителей проекта Рамсарской программы Wetlands International поступили обоснованные предложения о 130 новых объектах, отвечающих Рамсарской дефиниции. Среди представленных нами объектов — два болота Ярославской области: Пыханское болото Первомайского округа и болото Сомино Переславского округа.

Болото Сомино. Площадь 2959 га (ТФ Ярославской области, № 972, 1977). Название болота произошло от одноимённого озера (возможный смысл названия: в озере жили сомы). Болото занимает обширную низину конечно-моренного ландшафта в пойме реки Нерли Волжской. Питание грунтовое и поверхностно-сточное. Большую часть поверхности массива занимают черноольховые и берёзовые формации.

Флористический состав угодья насчитывает более 200 видов. Выявлено по 3 вида хвощей и папоротников, 2 вида голосеменных, 185 видов цветковых растений и 15 видов мхов. На болоте растут 27 редких и исчезающих в Ярославской области растений. Среди них: ирис сибирский, куманика, герань Роберта, осока заливная, осока прямоколосая, остерикум болотный, змееголовник Рюйша, аир обыкновенный, рдест туполистный, пальчатокоренник пятнистый, рогоз узколистный, любка двулистная, кувшинка малая и другие.

Торфяная залежь низинного типа, лесного и лесо-топяного видов строения. Мощность торфа до 5 метров.

Большую ценность болото Сомино представляет как место стоянок на пролёте гусей, речных и нырковых уток, множество птиц гнездится. Здесь встречены: серая цапля, коростель, большая выпь, чомга, гуси, кряква, свиязь, чирок-свистунок, шилохвость, хохлатая черныш, морянка, синьга, лысуха, чайки и другие.

На данной территории обитают занесённые в Красную книгу РСФСР чешуекрылые насекомые: аполлон и мнемозина.

Болото имеет водоохранное значение для озёр Сомино, Плещеево и для реки Нерль Волжская.

Водно-болотное угодье Сомино представляет научный интерес для подзоны смешанных лесов таёжной зоны как болотный массив проточных логов краевой зоны оледенения, находящийся на эвтрофной стадии развития. Нанесено на карту-схему «Охраняемые объекты природы Ярославской области».

Болото имеет большое значение для активного отдыха: охоты, рыболовства, туризма. Рекреационная нагрузка относительно невелика.

К сожалению, о болоте Сомино сведения пока неполные, и одна из основных задач работы по данному объекту — получение недостающей информации.

Принятие международного статуса — лишь первый шаг в деле охраны водно-болотных угодий страны. Сохранить и восстановить водно-болотные экосистемы, их биоразнообразие и природные ресурсы через развитие научных исследований и природоохранной деятельности — реальная задача, стоящая перед переславскими краеведами.

Гербарий Переславского музея

Т. В. Гузилова

Гербарий — это собрание сухих растений, удовлетворяющее определённым требованиям, главное из которых состоит в том, что каждый гербарный образец должен быть документом.

Цели и задачи гербария в современной науке весьма многообразны: он используется для исследования морфологии растений, их экологической, географической и индивидуальной изменчивости. Гербарий — главная основа для работ по систематике растений, он документирует состав флоры территории, только гербарий даёт полные и надёжные сведения об изменении флоры региона. Гербарный образец, собранный в качестве документации для одной работы, в дальнейшем становится исходным материалом для многих других исследований. Многофункциональность — чрезвычайно важное средство гербарного образца.

Незаменимость и принципиальное преимущество гербария перед другими видами документации очевидно. Именно на признании принципа преимущества гербарного образца перед любой другой документацией основан принцип номенклатурных типов, ставший обязательным для систематики. Каждый гербарный образец всегда чем-то отличен от другого образца и чем-то неповторим.

Гербарий не может быть сделан сразу. Создание гербария, который способен давать научную отдачу, требует долгих лет упорного труда, терпения и ориентации на перспективу более широкую и далёкую, чем конъюнктура сегодняшнего дня. Гербарные фонды не устаревают морально, продолжая служить науке неограниченно долго.

Гербарий Переславского музея был заложен переславским лесничим В. А. Варенцовым в 1919 году.

Владимир Алексеевич Варенцов — известный исследователь флоры Переславского уезда, автор серии работ по растительности края: «К материалам для флоры Переславского уезда Владимирской губернии с дополнениями об особенностях распространения некоторых видов по его территории», «Растительность Берендеева болота и изменения её в связи с торфоразработками», «Из ботанических наблюдений на Савельевском озере».

Основу его гербария составила систематическая коллекция сосудистых дикорастущих растений Переславского уезда. До настоящего времени его гербарий насчитывает 454 образца, относящихся к 57 семействам.

География сборов гербария охватывает практически всю территорию Переславского уезда. В. А. Варенцовым были исследованы берега Плещеева озера и реки Трубеж, местечко Кухмарь, район села Городище, берега реки Яхромы, Берендеево болото, берега реки Кубрь, местечко Урёв, Ивановское болото, район ручья Сиваныч, район деревни Бутаково, берега реки Нерли Клязьминской и ряд других территорий.

Сохранившиеся сборы относятся к 1919, 1920, 1926 годам. Все растения определены, заложены в бумажные рубашки, часть гербария смонтирована.

В сборах этого гербария принимали участие сёстры Охотины.

В настоящее время гербарий В. А. Варенцова силами сотрудников отдела природы систематизирован в соответствии с системой Энглера, составлен его каталог.

После отъезда В. А. Варенцова из Переславля комплектование гербария Переславского музея прекратилось.

Сборы гербария продолжились в 1978 году силами сотрудников естественно-исторического отдела. Активизация сборов была связана с предстоящим строительством новой экспозиции отдела и созданием естественно-научной коллекции музея. Одним из важнейших направлений в соответствии с концепцией комплектования естественно-научного фонда стал сбор, определение и составление коллекций дикорастущей флоры сосудистых растений, грибов, мхов, лишайников.

С 1982 года в создании гербария Переславского музея принимает активное участие к. б. н. доцент кафедры ботаники ЯГПУ имени Ушинского Вера Васильевна Горохова.

География сборов распространяется по всей территории Переславского района. К настоящему времени нами обследованы берега озера Плещеево, Половецко-Купанское и Берендеевское болота, местечки Урёв и Симак, берега озёр Вашутинского и Сомино, берёзовая роща у озера Вашутинского и посёлок Мшарово, Алексинская дубрава, дубравы у деревни Болшево, Новинцы, район Кухмаря, парки у села Загорье, Елпатьево и ряд других территорий.

В результате многочисленных экспедиций с 1978 по 1998 год были собраны растения, документирующие флору нашего района, принадлежащую к зоне тайги подзоны смешанных лесов.

В гербарии Переславского музея представлены как обычные аборигенные виды нашего края, так и редкие, утверждённые к охране решениями Ярославского облисполкома: колокольчик персиколистный (*Campanula persicifolia*), ландыш майский (*Convallaria majalis*), пальчатокоренник пятнистый (*Dactylorhiza maculata*), башмачок настоящий (*Cypripedium calceolus*), волчье лыко (*Daphne mezereum*), пальчатокоренник Траунштейнера (*Dactylorhiza traunsteineri*), баранец обыкновенный (*Huperzia selago*), можжевельник обыкновенный (*Juniperus communis*), чина весенняя (*Lathyrus vernus*), клюква мелкоплодная (*Oxycoccus microcarpus*), клюква болотная (*Oxycoccus palustris*), горец змеиный (*Polygonum bistorta*), любка двулистная (*Platanthera bifolia*), купальница европейская (*Trollius europaeus*), валериана лекарственная (*Valeriana officinalis*), калина обыкновенная (*Viburnum opulus*), брусника (*Vaccinium vitis-idaea*).

В гербарии присутствуют растения, занесённые в Красную книгу: башмачок настоящий (*Cypripedium calceolus*), офрис насекомоядная (*Ophrys insectifera*), пальчатокоренник Траунштейнера (*Dactylorhiza traunsteineri*).

Гербарий музея имеет такие виды, как пальчатокоренник кровавый (*Dactylorhiza cruenta*), куманика (*Rubus nessensis*), гречиха татарская (*Fagopyrum tataricum*), которые указаны нами впервые для территории Переславского района.

В настоящее время гербарий Переславского музея насчитывает около тысячи образцов, относящихся к 78 семействам. Гербарий систематизирован в соответствии с системой Энглера, составлен его каталог.

К трудностям и недостаткам в работе с гербарием следует отнести недостаточное финансирование, в связи с чем отсутствует возможность монтировки гербарных листов и большая часть гербария находится в бумажных рубашках. Гербарий хранится в рабочем помещении сотрудников, в связи с чем нельзя использовать высокотоксичные вещества в борьбе с вредителями.

В настоящее время нами проводится работа по хорологии всех редких растений Переславского края и изучение их популяций. В перспективе мы надеемся продолжать работу по созданию тематического гербария популяций редких видов.

Доисторический облик природы европейской России и его антропогенные преобразования в голоцене

О. В. Смирнова, С. А. Турубанова

Возможность решения экологических и гуманитарных задач человечества в большой степени определяется состоянием природы. На значительной части Земли современное состояние природы — результат тысячелетнего опыта природопользования. В полной мере это относится и к европейской России.

Реконструкция доисторического облика наших лесных ландшафтов и выявление закономерностей устойчивого существования всего их природного многообразия — это основа для разработки методов экологически грамотного природопользования и восстановления оптимальной среды обитания человека.

Теоретическая основа такой реконструкции — представление о ключевых видах или видах-средообразователях. Эти виды образуют наиболее крупные и долго существующие популяционные мозаики. Они производят наибольшие преобразования в среде обитания и тем самым создают условия для устойчивого существования больших комплексов подчинённых видов.¹

В европейской России, на территории всего лесного пояса, главные ключевые виды — деревья. Общие черты популяционной жизни деревьев определяют сходную структуру первичных, девственных лесов, вне зависимости от их видового состава. Такие леса, не преобразованные человеком, состоят из мозаики «окон возобновления» — пробелов в лесном пологе, которые постоянно возникают вследствие смерти от старости одного или немногих рядом расположенных деревьев. В широколиственных и таёжных лесах европейской России размеры этих «окон возобновления» — от 100 до 2 500 кв. м. Вновь появившееся «окно» постепенно заполняется молодыми деревьями. По мере увеличения размеров «окна» после смерти окружающих его старых деревьев, молодые деревья проходят все свои этапы

¹ Смирнова, О. В. Популяционная организация биоценологического покрова лесных ландшафтов / О. В. Смирнова // *Успехи современной биологии*. — 1998. — Т. 118, № 2. — С. 25—39.

развития, стареют, умирают и сменяются новым поколением. И чем больше видов деревьев в лесном сообществе, тем разнообразнее размеры «окон», способы и темпы их зарастания.

Разные размеры и конфигурация «окон возобновления» создают в каждом из них специфический микроклимат. По этой причине в каждом «окне» формируется особое животное и растительное население из подчинённых видов: мелких позвоночных животных, беспозвоночных животных, кустарников, трав, грибов и прочего.²

Помимо этой мозаики, в первичных лесах возникает мозаика ветровально-почвенных комплексов (ВПК). Она образуется, когда падение дерева сопровождается выворотом корневой системы. При этом появляются новые мелкие местообитания: бугор земли, осыпавшейся с корней дерева, вывальная яма, разрушающийся ствол с кроной (валежина). В результате увеличивается разнообразие напочвенного покрова и почв.

Так, в широколиственных и таёжных лесах европейской России в пределах одного «окна» в пологе леса одновременно присутствуют: в западинах ВПК — виды переувлажнённых почв (мезогигрофиты), на буграх ВПК — виды, переносящие временное пересыхание субстрата (мезоксерофиты), на месте падения кроны — требовательные к почвенному богатству нитрофильные виды. Разложившиеся валежины во всех лесах представляют собой оптимальный субстрат для мхов, многих трав, кустарников, а в ненарушенных таёжных лесах — наиболее пригодный субстрат для возобновления ключевых видов: ели европейской и ели сибирской.

Устойчивое существование популяций ключевых видов деревьев в девственных лесах европейской России создаёт условия для существования лишь тех видов флоры и фауны, которые свойственны затенённым местообитаниям. Условия же для устойчивого существования светлюбивой флоры и фауны в доисторические времена создавались популяциями ключевых видов животных. Среди них наибольшее значение имели крупные фитофаги (зубры, тарпаны, туры) и бобры. За последние столетия они были почти полностью уничтожены, но опыты по реинтродукции зубра и бобра, а также исторические сведения позволили оценить интенсивность и способы преобразования среды этими животными.

² Восточноевропейские широколиственные леса / Ответственный редактор О. В. Смирнова; Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН. — М.: Наука, 1994.

Питание и территориальное поведение зубров предполагают наличие непосредственной близости сомкнутых лесных и открытых луговых сообществ и переходных зон — экотонов. В местах стоянок, на водопоях и тропах эти стадные животные уничтожают древесную растительность, здесь возникают лугово-опушечные и лугово-степные сообщества. Использование стоянок в течение одного-двух десятков лет приводит к сильному уплотнению почвы и развитию дерновинных злаков. Повреждение зубрами крупных деревьев и использование подроста в качестве корма вызывает гибель деревьев и кустарников. В лесах появляются крупные прогалины (зоогенные поляны от 0,1 до 3—5 га), которые соединяются широкими тропами с водопоями. После того как стадо зубров покидает старую стоянку и переходит на новое место, начинается её зарастание, в первую очередь пионерными деревьями и кустарниками.

Как видим, постоянное присутствие в доагрикультурных лесных ландшафтах зубров, туров и других крупных животных-фитофагов определяло их принципиально отличную от современной структуру: лесные участки чередовались с зоогенными полянами. В результате очень широко были представлены сообщества опушек, которые являются хранителями максимального видового разнообразия.

Полное истребление к XVI—XIX векам зубров и других мощных фитофагов привело к серьёзным последствиям для лесных ландшафтов европейской России. Крупные зоогенные поляны исчезли, стали преобладать теневыносливые виды, а светолюбивые виды растений и животных сохранились только в антропогенно созданных сообществах (на сенокосах, пастбищах, полях).

Особенности питания и территориального поведения бобров оказывают настолько сильное и специфическое воздействие на среду, что места их современного обитания получили название «бобровые ландшафты». Плотины бобров на ручьях и малых реках существенно преобразуют гидрологический режим лесных ландшафтов. Ручьи и речки превращаются в каскады прудов, причём площадь затопления лесов составляет от 0,2 до 30, иногда до 50 га. Мелиоративная деятельность бобров приводит к возникновению и длительному существованию низинных болот.

Использование деревьев, растущих вдоль крутых берегов рек и ручьёв, для питания и строительства плотин приводит к образованию незатопляемых прирусловых полей размером примерно 25 × 300 м. На них начинают преобладать лугово-опушечные травы. Прирусловые поляны с деревьями, окольцованными бобрами, да-

ют дополнительный корм диким копытным, зайцам, мышевидным грызунам. Бобровые пруды во время засух служат водопоями для птиц и зверей. Созданный деятельностью бобров особый «бобровый ландшафт» осваивают птицы. Мелководье и пруды обеспечивают отличные условия для нереста рыб и земноводных. В результате поддерживается высокое видовое разнообразие в долинах ручьёв и малых рек.

По нашим представлениям, описанные выше ландшафты преобладали в среднем голоцене (2 500—7 000 лет назад) на территории европейской России. Такое заключение явилось результатом не только натуральных исследований рефугиумов девственной природы в заповедниках европейской России, но и анализа палеонтологических данных об ареалах ключевых видов широколиственных (дуб, граб, ясень, клён, липа), темнохвойных деревьев (ель, пихта) и животных открытых, полуоткрытых и закрытых ландшафтов (рис. 1—2).³ Сравнение карт ареалов растений и животных подтверждает смешанный характер флоры и фауны европейской России и наличие в пределах одного региона ключевых видов, которые в настоящее время маркируют современные природные зоны тундры, тайги, широколиственных лесов и степей.

Весь этот сложно организованный растительный и животный мир подвергся в среднем голоцене воздействию нового мощного фактора — производящего хозяйства.⁴ Оно стало распространяться в Северной и Восточной Европе 5 500—6 000 лет назад. Сначала

³ Цалкин, В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. По данным изучения костных останков из раскопок археологических памятников лесной полосы европейской части СССР / В. И. Цалкин. — М.: Издательство АН СССР 1956.

Нейштадт, М. И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене / М. И. Нейштадт; Институт географии АН СССР — М.: Издательство Академии наук СССР 1957.

Турубанова, С. А. Изменение ареала ключевых видов животных в голоцене на территории бывшего СССР / С. А. Турубанова // VI съезд Териологического общества: тезисы докладов, Москва, 13—16 апреля 1999 г. — М., 1999.

⁴ Краснов, Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н. э. — первая половина I тысячелетия н. э. / Ю. А. Краснов. — М.: Наука, 1971.

Мерперт, Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья / Н. Я. Мерперт. — М.: Наука, 1974.

Восточноевропейские широколиственные леса / Ответственный редактор О. В. Смирнова; Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН. — М.: Наука, 1994.

была освоена территория Восточной Европы, где в настоящее время существует степь и лесостепь. Основным занятием населения в это время было скотоводство и отчасти земледелие, а также выплавка медных орудий. В процессе развития скотоводства и земледелия племена трипольской, древнеямной, срубной (5 500—3 500 лет назад) культур отодвигали границу доисторической лесостепи от побережий Чёрного и Азовского морей, от низовий Волги и Урала на север и северо-запад. В результате была сформирована зона степей шириной 400—600 км.

В течение бронзового века (5 000—2 500 лет назад) земледелие проникло на значительную часть территории современных хвойно-широколиственных лесов и южной тайги. Основной формой хозяйства было подсечное земледелие, которое отмечено в различных топографических условиях и на разных по механическому составу почвах.⁵ Помимо следов подсечного-огневого земледелия, на всех стоянках современной лесной зоны присутствуют костные остатки крупного рогатого скота. Скорее всего, в лесной зоне скот пасли повсеместно: в лесу, на заброшенных полях и на полянах, созданных и поддерживаемых ранее дикими копытными.

В результате расчисток и выжигания лесов под пашни производящее хозяйство бронзового века нарушало естественную мозаику «окон возобновления». В результате рубок оно предотвращало образование ВПК и мозаику микроместообитаний. Выпас в лесу уничтожал подрост, прерывая поток поколений деревьев, выравнивал микрорельеф и часто приводил к эрозии почв на склонах.

В начале позднего голоцена — в раннем железном веке (1 600—2 500 лет назад) ареалы широколиственных и темнохвойных видов деревьев ещё не претерпели существенных изменений и перекрываются на большей части территории в европейской России. Однако оценка количественного участия деревьев в споропыльцевых спектрах демонстрирует сокращение доли темнохвойных видов на юге и увеличение на севере, по сравнению со средним голоценом.⁶ Эти изменения косвенно свидетельствуют о начале процесса трансфор-

⁵ Краснов, Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н. э. — первая половина I тысячелетия н. э. / Ю. А. Краснов. — М.: Наука, 1971.

⁶ Нейштадт, М. И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене / М. И. Нейштадт; Институт географии АН СССР — М.: Издательство Академии наук СССР, 1957.

мации ареалов темнохвойных и широколиственных видов, который завершился оформлением зон тайги и широколиственных лесов.

На юге европейской России наступление железного века совпало с практически полным переходом скотоводческо-земледельческих племён к кочевому и полукочевому скотоводству. Такая эволюция производящего хозяйства привела к оформлению зоны пустынь и полупустынь.

Из южных районов европейской России скотоводство и земледелие всё шире распространялись в центральные и северные районы, где фиксируются значительные антропогенные преобразования, результат которых (в виде формирования зон) проявится в последующую эпоху — средневековье (V—XV века нашей эры).

Начало средневековья (V—VI века нашей эры) в лесной зоне отмечено двумя крупными событиями: распространением подсечного земледелия на севере (на территориях современных Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Новгородской, Псковской областей, республики Карелии и Коми) и развитием пахотного земледелия на юге лесной зоны. Хотя площадь одномоментно обрабатываемых участков была сравнительно невелика, а длительность подсечного цикла — большой, за сотни и тысячи лет огромные территории были глубоко преобразованы. На юге и в центре лесной зоны последствия подсечной системы особенно быстро отразились на территориях с лёгкими почвообразующими породами (в частности, на территориях полесий). На массивах песчаных почв были сформированы специфические пирогенные экосистемы, где в древесной растительности доминировала сосна.⁷ На севере развитие подсечно-огневого земледелия, сопряжённого с массовым выжиганием лесов,⁸ привело к отступлению на юг северных границ ареалов широколиственных видов (ильма, липы, дуба) и, в результате этого, к формированию собственно таёжной зоны. В это же время распространение домаш-

⁷ Михайлов, И. С. Исторические аспекты использования земель некоторых районов Нечернозёмной зоны РСФСР / И. С. Михайлов // Проблемы лесостроительства Нечернозёмной зоны. — М., 1977. — (Труды ГИЗР; вып. 16). — С. 62—71.

Осипов, В. В. Аграрное освоение и динамика лесистости Нечернозёмной зоны РСФСР / В. В. Осипов, Н. К. Гаврилова. — М.: Наука, 1983.

⁸ Елина, Г. А. Этапы развития растительности голоцена в Южной и Восточной Карелии / Г. А. Елина, Х. А. Арсланов, В. А. Климанов // Ботанический журнал. — 1996. — Т. 81, № 3. — С. 1—17.

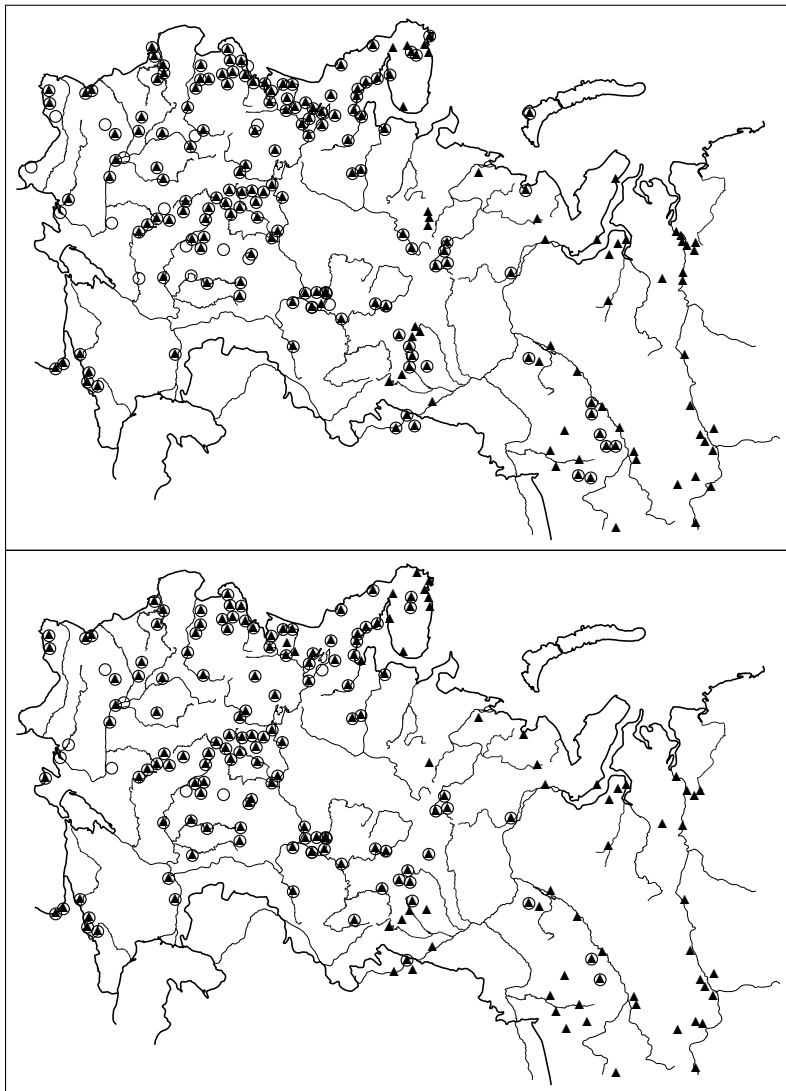

Рис. 1. Ареалы ключевых видов растений
в среднем (вверху) и позднем (внизу) голоцене.

Условные обозначения:

- ▲ темновойные виды (ель и пихта),
- широколиственные виды (дуб, ясень, клён, липа, вяз).

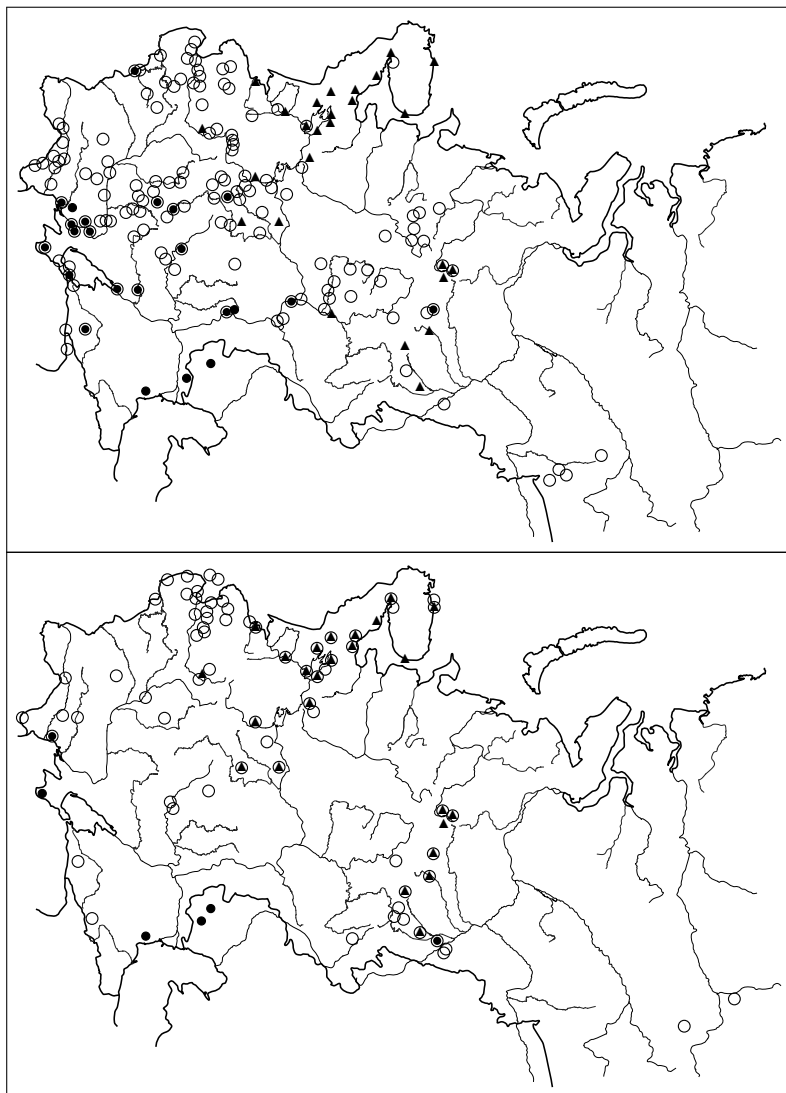

Рис. 2. Ареалы ключевых видов животных в среднем (вверху) и позднем (внизу) голоцене.

Условные обозначения:

- ▲ тундровые (северный олень), ● степные (сайгак, суслик, сурок),
- лесные виды (зубр, тур, тарпан, лось, кабан, бобр).

него оленеводства,⁹ также сопровождаемое усиленным выжиганием лесов на их северной границе, привело к развитию зоны тундр.

Одной из основных систем пахотного земледелия в Восточной Европе являлось трёхполье. Оно сравнительно быстро распространилось из южных районов в центральные и северные районы — вероятно, вместе со славянской колонизацией. Во второй половине I тысячелетия нашей эры пахотное земледелие охватило уже весь центр Восточной Европы — современную зону смешанных лесов.¹⁰

«Великая русская распашка»¹¹ привела к деградации почвенного покрова и изменению гидрологического режима территорий. Во многих районах, прежде всего северных, такие воздействия привели к заболачиванию лесов на водоразделах с высоким уровнем грунтовых вод и к развитию сосновых лесов на песчаных субстратах (пирогенные ландшафты). Повсеместно уменьшилась лесистость (в некоторых уездах центральной России даже до 6%, как сообщает Рожков),¹² что привело к появлению разрывов в ареалах деревьев. Наряду с земледелием, факторами преобразования природы были рубки и пожары. Важную роль в изменении состава и структуры лесов, а также в сокращении лесных пространств — может быть, даже не меньшую, чем выжигание под пашни, — сыграли вольный выпас в лесу и интенсивные заготовки веточного корма на зиму.¹³

В период развитого средневековья существование открытых и полукрытых пространств в лесной зоне, поддерживаемых ранее средообразующей деятельностью диких фитофагов, стало целиком зависеть от деятельности человека. К концу средневековья были практически полностью уничтожены тур и тарпан, значительно уменьшилась численность зубра и сайгака, массовая охота постепенно сокращала численность бобра. В целом в средневековье был

⁹ Городков, Б. Н. Материалы для познания четвертичных ландшафтов Арктики / Б. Н. Городков // *Ботанический журнал*. — 1954. — Т. 39, № 1. — С. 21—27.

¹⁰ Краснов, Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н. э. — первая половина I тысячелетия н. э. / Ю. А. Краснов. — М.: Наука, 1971.

¹¹ Кульпин, Э. С. Генезис кризисов природы и общества в России / Э. С. Кульпин, В. И. Пантин; Институт востоковедения РАН. — М.: Московский лицей, 1993. — Вып. 1: Решающий опыт.

¹² Рожков, Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке / Н. А. Рожков. — М.: Университетская типография, 1899. — С. 478—485.

¹³ Комаров, А. С. Этапы и факты эволюции растительного покрова чернозёмных степей / А. С. Комаров. — М.: Географгиз, 1951.

сделан наиболее крупный и, по сути, последний шаг к формированию современной зональности.¹⁴

Продолжая развитие, производящее хозяйство жёстко фиксирует лесные и нелесные земли (поля, сенокосы, пастбища), насаждает на обширных территориях одновидовую культуру на месте многовидовых, уничтожает гидромелиораторов (бобров). Всё это привело в настоящее время к ещё большему снижению биоразнообразия, к возрастанию риска повреждения культур в результате вспышек размножения патогенных бактерий и насекомых, к уменьшению почвенного плодородия, снижению почвозащитных и водоохраных функций экосистем.

В то же время в разных странах уже намечаются тенденции использования природных закономерностей для создания региональных программ экологически и экономически устойчивого природопользования. Можно надеяться, что и в нашей стране научный потенциал будет реализован в конкретных проектах, направленных на сохранение природы европейской России.

Исследования проведены при частичной поддержке грантов ГНТП «Биоразнообразии», РФФИ № 98-04-48846, РФФИ № 98-04-329.

¹⁴ Цалкин, В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. По данным изучения костных останков из раскопок археологических памятников лесной полосы европейской части СССР / В. И. Цалкин. — М.: Издательство АН СССР, 1956.

Сведения об авторах

Аронова Алла Александровна — к. иск., старший преподаватель, Институт культурной антропологии РГГУ, Москва, alla-aronova@yandex.ru.

Белозёрова Вера Георгиевна — к. иск., доцент, факультет истории искусства РГГУ, Москва, vera@belozerov.com.

Бикташева Наталья Николаевна — заведующая филиалом «Мемориальный дом-музей академика А. А. Ухтомского», Рыбинский музей-заповедник, Рыбинск, rmz@rybmuseum.ru.

Воробьёва Дина Павловна — студент, Университет города Переславля, Переславль-Залесский, dinarpv@mail.ru.

Галашевич Артур Адамович — к. иск., директор Учебно-научного центра реставрации и экспертизы, РГГУ, Москва.

Горохова Вера Васильевна — к. б. н., доцент кафедры ботаники, ЯГПУ имени К. Д. Ушинского, Ярославль.

Гузилова Тамара Васильевна — старший научный сотрудник, Переславский музей-заповедник, Переславль-Залесский, museum@pereslavl.ru.

Давиденко Дмитрий Григорьевич — аспирант, РГГУ, Москва, dgd975@yandex.ru.

Карнушин Александр Иванович — старший научный сотрудник, Переславский музей-заповедник, Переславль-Залесский, olga.karn@gmail.com.

Карнушина Ольга Георгиевна — старший научный сотрудник, Переславский музей-заповедник, Переславль-Залесский, olga.karn@gmail.com.

Каткова Светлана Сергеевна — искусствовед, ГП «Костромареставрация», Кострома.

Каулен Мария Елисеевна — к. и. н., ведущий научный сотрудник, Российский институт культурологии, Москва, sadmaris@yandex.ru.

Ким Елена Владимировна — научный сотрудник картинной галереи, музей-заповедник «Ростовский кремль», Ростов, kimgostov@mail.ru.

Колпакова Галина Сергеевна — к. иск., профессор кафедры всеобщей истории искусств, Российская академия живописи, ваяния и зодчества, Москва.

Костылёва Елена Леонидовна — к. и. н., доцент кафедры дореволюционной отечественной истории, Ивановский государственный университет, Иваново, elkos-ty-le-va@mail.ru.

Лесников Сергей Геннадьевич — аспирант, НИИ теории архитектуры и градостроительства, Москва, info@dominante.ru.

Лесникова Татьяна Александровна — преподаватель, РГГУ, Москва.

Павлович Марина Кировна — к. и. н., старший научный сотрудник отдела рукописных, печатных и графических фондов, музей-заповедник «Московский Кремль», Москва, pavlovich@kremlin.museum.ru.

Полякова Марта Александровна — к. и. н., доцент кафедры музеелогии, Институт культурной антропологии РГГУ, Москва, martapolyak@yandex.ru

Пуцко Василий Григорьевич — заместитель директора по научной работе, Калужский областной художественный музей, Калуга, artmuseum@kaluga.net.

Румянцева Марина Фёдоровна — к. и. н., доцент кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, Историко-архивный институт РГГУ, Москва.

Селивёрстова Нина Анатольевна — старший научный сотрудник, Переславский музей-заповедник, Переславль-Залесский, museum@pereslavl.ru.

Смирнова Ольга Всеволодовна — д. б. н., главный научный сотрудник, Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН, Москва, ovsinfo@gmail.com.

Смирнова Татьяна Васильевна — старший научный сотрудник, Сергиево-Посадский музей-заповедник, Хотьково, smirnowatw@mail.ru.

Сундиева Аннэта Альфредовна — к. и. н., заведующая сектором музейной энциклопедии, Российский институт культурологии, Москва, asundieva@yandex.ru.

Ткаченко Владимир Александрович — заведующий историческим отделом, Сергиево-Посадский музей-заповедник, Сергиев Посад.

Турубанова Светлана Афанасьевна — аспирант, Пушкинский государственный университет, Москва, svetlana.turubanova@gmail.com.

Уткин Александр Витальевич — начальник производственной группы по охране памятников истории и культуры, Управление культуры Ивановской области, Иваново.

Черкасова Марина Сергеевна — доцент кафедры отечественной истории, Вологодский государственный педагогический университет, Вологда, mscherkasova@mail.ru.

Шадунц Елена Константиновна — ведущий инженер службы рекреации и туризма, национальный парк «Плещеево озеро», Переславль-Залесский, matagangster@yandex.ru.

Ямщикова Наталья Борисовна — заведующая музея-усадьбы «Ботик Петра I», Переславский музей-заповедник, Переславль-Залесский, boat@boat.pereslavl.ru.

Географический указатель

- Азовское море 242
 Александров город 166
 Ансон деревня искусств 17
 Архангельск город 41
 Архангельская область 243
 Архангельское усадьба 52

 Бектышево село 66
 Берендеевское болото ... 235, 236
 Боголюбово посёлок 143
 Болшево деревня 236
 Большая Брембола село 104
 Бориловка деревня 120, 122
 Боровск город 165
 Боровская улица (Серпухов) .. 193
 Ботик усадьба 64, 66, 88, 229
 Бутаково деревня 236

 Вашутино озеро 236
 Византия 105
 Владимир город ... 4, 41, 112, 143,
 161, 205
 Владимиро-Суздальское княжество
 113
 Волга река 115, 117, 150—152, 242
 Вологда город 5, 8, 41
 Вологодская область 243
 Вольнь регион 94
 Воронеж город 52

 Городище село 236
 Городня город 79
 Горынь река 94
 Гремяч холм 64
 Грузия 81

 Давыдовское село 120—126
 Дворянская улица (Серпухов) . 193
 Дмитров город 162, 163, 165

 Дубно город 93
 Дьяково село 159, 160

 Екатеринбург город 41, 90
 Елизарово село 170
 Елпатьево село 236

 Жёлтые Воды город 92
 Житомир город 91

 Заболотье село 66
 Загорье село 66, 236
 Запорожье город 143
 Звенигород город 165
 Знаменское-Раёк усадьба 146
 Зубачево село 124
 Зубцовский уезд 147

 Иваново город 5, 8
 Ивановское болото .. 111, 113, 114,
 118, 236
 Иран 233

 Казань город 159
 Казённая улица (Серпухов) ... 190
 Калуга город 5
 Калужская улица (Серпухов) .. 193
 Карелия 117, 243
 Кёльн город 202
 Кёнгидо провинция 17
 Кёнджу город 16—18
 Киев город 109
 Кижигост 49
 Китай 13, 14
 Киучерский стан 120
 Кишинёв город 90
 Клязьма река 117
 Коломенское село 45, 49, 143
 Коломна город 81, 82

- Коми республика 243
 Комсомольская площадь (Москва)
 143
 Копнино село 124
 Корея республика 11—17
 Корсунь-Шевченковский город . 92
 Кострома город ... 5, 8, 52, 87, 172,
 177
 Красная площадь (Москва) . 50, 51
 Кубрь река 236
 Купань село 124
 Кусково усадьба 52
 Кухмарь урочище 69, 236
- Ленинград город 60
 Ленинградская область 243
 Литва 158, 165
 Лопасня река 198, 201, 202
 Львов город 92
- Маловысоцкий переулок
 (Серпухов) 195
 Меремиска река 202
 Милославль присёлок 120, 122, 123
 Мироносицкое село 190
 Москва город 5, 8, 25, 28, 29,
 52—54, 59, 60, 68,
 84—88, 107, 121, 140,
 143, 154, 158—162, 164,
 183, 184, 192, 199, 205,
 216
 Московская область . 187, 196, 205,
 209, 210
 Московская улица (Переславль)
 215, 223
 Московская улица (Серпухов) . 194
 Московское княжество 157
 Муром город 85, 86
 Мшарово посёлок 236
 Мюнхен город 55
- Нара река 187—190, 192
 Нерль Волжская река 233, 234
 Нерль Клязьминская река 111, 236
- Нижний Новгород город 143
 Нижний Тагил город 41
 Нижняя Серпейка улица
 (Серпухов) 194
 Нижняя Синячиха село 43
 Никитский стан 120
 Никольское-Черенчицы село .. 146
 Новгород город ... 52, 54, 140, 143,
 158
 Новгородская область 243
 Новинцы деревня 236
 Новосёлка село 66
- Одноушево деревня 176
 Ока река 115
 Оковцы село 165
 Осеченка река 116, 118
 Останкино усадьба 52
 Отрада усадьба 196—203
- Первомайский район 233
 Переславль-Залесский город 64, 88,
 111, 112, 167, 206, 207,
 215, 227
 Переславский район 167, 233, 236,
 237
 Переславский уезд ... 65, 120, 124,
 235, 236
 Петергоф город 143
 Пилява село 92
 Плещеево озеро 234, 236
 Плещеевская улица (Переславль)
 215
 Поволжье 205
 Половецко-Купанское болото . 236
 Польцо урочище 118
 Польша 91, 92, 94, 158
 Поникарово село 124
 Прямухино село 146
 Псковская область 243
 Пыханское болото 233
- Рамсар город 233
 Репки село 92

- Ржев город 153
 Ржевский уезд 147
 Рославичи село 93
 Ростиново деревня 120, 122
 Ростов город .. 5, 8, 86, 87, 90, 112,
 143, 183—185
 Ростовская улица (Переславль) 215
 Рыбинск город 20
 Рязань город 89, 90
- Самара город 27
 Санкт-Петербург город . 54, 59, 75,
 90, 143, 148, 192, 198
 Свердловская область 41
 Свободы улица (Переславль) .. 215
 Селигер озеро 165
 Селижарово посёлок 153
 Семендяйка село 65, 66
 Семёновское село 200, 202
 Сергиев Посад город 5, 8
 Серпейка река 187, 192, 194
 Серпухов город 187—195
 Серпуховское княжество 188
 Сеул город 12, 16, 17
 Сибирь 205
 Сиваныч ручей 236
 Силла королевство 16, 18
 Симак урочище 236
 Смоленск город 54, 143
 Собилово деревня 167
 Солигалич город 176
 Соловецкие острова 49
 Сомино болото 233, 234
 Сомино озеро 234, 236
 Старица город 146—154, 156—166
 Старицкий уезд 147
 Суздаль город 41, 87
 Сулимовка село 92
 Сушково присёлок .. 120, 122, 123
- Талашкино усадьба 143
 Тверь город . 41, 107, 147, 148, 153,
 154
 Тобольск город 143
 Торговая площадь (Серпухов) . 194
 Торговая площадь (Старица) .. 153
 Торжок город 146—149
 Тотьма город 41
 Трёхселище село 66
 Трубеж река 222, 236
 Тула город 88
 Тульская губерния 88
 Тульская улица (Серпухов) 191
- Украина 91—93, 148
 Урал река 242
 Урѳв урочище 236
 Усолье село 69, 206
- Федосово деревня 120
- Цаленджиха город 81
- Чернышевского улица (Серпухов)
 195
 Чехова улица (Серпухов) 195
 Чѳрное море 242
 Чуднов город 91—94
- Швейцария 200
- Югославия 110
 Юркино село 162
- Япония 11
 Ярославль город 5, 8, 90, 143, 183,
 184, 205
 Ярославская область 111, 114, 233
 Яхрома река 236

Именной указатель

Страницы, на которых приведены полные имя, отчество и фамилия, даны в указателе жирным шрифтом.

- Абрамов Д. М. историк 29
 Авилов М. И. художник 204
 Александр III царь 62
 Александр Невский князь 174
 Александров К. А. художник ... 204
 Алексей митрополит Московский
 173, 174, 176
 Альберти Л. Б. архитектор 139
 Альбицкий Г. П. чиновник 66
 Альтшуллер Б. Л. архитектор .. 166
 Ананьев Б. Г. психолог 24
 Ананьин Ф. Ф. архитектор 146
 Андре архитектор 202, 203
 Андрей князь Старицкий 158
 Андрей Рублёв иконописец 75
 Антонин (Чубарев)
 игумен Симонов 27
 Арендт В. В. историк 31
 Арманда дворяне 66
 Аронова А. А. преподаватель .. **142**
- Бабакин И. архитектор ... 201, 203
 Бабий А. Н. художник **89**
 Баженов В. И. архитектор **146**, 198
 Бакунин М. В. чиновник 146
 Барановский П. Д. архитектор . 31,
 35—37, 45
 Барщевский И. Ф. фотограф ... **169**
 Баталов А. Л. искусствовед 53
 Бельский И. Д. князь **121**
 Беляев Л. А. археолог 53
 Бенуа А. Н. художник 180
 Берингов М. М. художник 204
 Бланк К. архитектор 198
 Блуднов П. Б. художник 206
 Богоматерь Мария . 163, 209—214
 Болингброк Г. философ 95
- Борисов-Мусатов В. Э. художник
 179
 Боссе Г. А. архитектор ... **198, 199**,
 200, **202**
 Браговский Э. Г. художник
 205—207
 Бритов К. Н. художник 205
 Брюллов А. П. архитектор **199**
 Булгаков С. Н. богослов **209**
 Бучкин П. Д. художник 204
 Быковский М. Д. архитектор .. **197**,
 198, **202**
 Былинин Б. Г. режиссёр 229
 Бэкон Ф. философ 102
- Вавилов К. И. житель Серпухова
 191
 Вавиловы жители Серпухова .. 191
 Вагнер Г. К. искусствовед **84, 88, 89**
 Варенцов А. А. купец **215**
 Варенцов В. А. лесничий . 216, **235**,
 236
 Варенцова В. С. купчиха **216**
 Варсонофий II епископ Тверской
 174, 176
 Василий I великий князь 75
 Василий II Тёмный великий князь
 107, 176
 Василий III великий князь 108, 157
 Васнецов А. М. художник 36
 Вельямин Карачевец монах ... 121,
 126
 Ветлицкий А. А. архитектор ... **199**,
203
 Вздорнов Г. И. историк 53, 75
 Витрувий архитектор 139

- Владимир князь Старицкий ... 158,
159, 162, 164—166
- Владыкин М. А. художник 204
- Волков Е. И. дворянин 67
- Воробьёва (Комова) О. И.
художница 207
- Воронин Н. Н. археолог 69, 161
- Выготский Л. С. психолог 24
- Гагарины князя 66, 67
- Галашевич А. А. преподаватель **142**
- Галицкий Р. Н. художник 179
- Гегель Г. В. Ф. философ 96, 101, 103
- Георгий Победоносец святой .. 210
- Гёдике Р. А. архитектор .. **197, 199,**
200, 202
- Глебов Ф. И. генерал 146
- Глинка М. И. композитор 229
- Глинская Е. В. царица 157, 158
- Глухов В. А. художник 206
- Глухова И. М. художница 206
- Глушков С. А. художник .. 205, 207
- Глушкова О. С. учительница ... 207
- Годунов Д. И. боярин **178**
- Голубева Т. В. доцент **21**
- Голубинский Е. Е. историк **104**
- Гордеев Н. В. сотрудник музея .. **85**
- Гордеева И. Н. сотрудница музея **85**
- Горин К. дьяк 121
- Горохова В. В. доцент 236
- Горская Н. А. историк 122
- Горячев С. П. художник 205
- Грязнов Л. А. житель Серпухова
194
- Губонин М. Е. архивист 27
- Гурий архиепископ Казанский 174,
176
- Гурилёв Л. С. композитор **200**
- Гурилёва (Мартьянова) А. Л.
жена архитектора ... **200**
- Даниил Переславский святой . 108
- Даргомыжский А. С. композитор
229
- Девлет-Гирей хан 121
- Делла-Вос-Кардовская О. Л.
художница **204, 205**
- Джером Дж. К. писатель 97
- Дильтей В. историк 99, 100
- Дионисий Глушицкий святой .. 107
- Дмитрий князь Переславский .. 69
- Дмитрий Прилуцкий святой 75
- Достоевский Ф. М. писатель 23
- Дюркгейм Э. социолог 98
- Евфимий Суздальский святой . 107
- Екатерина II царица 7
- Ельдерев В. житель Серпухова 190
- Епифанов Г. Д. художник 179
- Ермолин В. Д. архитектор 173
- Ефанов В. П. художник 204
- Ефросиния княгиня Старицкая 158,
159, 164, 165
- Жилин М. Г. археолог 111
- Жилярди А. О. архитектор 199, 202
- Жилярди Д. И. архитектор 198,
199, 202
- Житников И. А. купец **217**
- Житников Н. А. служащий **217**
- Журавлёвы дворяне 65—67
- Забелин И. Е. историк 54
- Забелов Н. С. краевед 182
- Загорский М. В. священник ... **104**
- Закс А. Б. историк 61
- Зарецкий А. В. см. Леонид епископ
- Засс Н. С. купчиха **217**
- Зверьков Е. И. художник 205
- Зимин А. А. историк **166**
- Зосима монах 110
- Иван Грозный царь . 121, 157, 159,
162, 164, 165, 167, 172
- Иван Щуров крестьянин 122
- Иванов В. В. физик **86**

- Иванов В. И. художник ... 205, 207
 Иванов В. Н. директор музея **86**, 87
 Иванов Д. А. сотрудник музея .. **86**
 Иванов К. И. директор музея . 4, **8**,
 204
 Иванов П. С. сотрудник музея .. **86**
 Иванов С. Н. сотрудник музея .. **86**
 Иванова В. А. .. см. Смыслова В. А.
 Ивина Л. И. историк 120
 Игнатий епископ Ростовский . 174,
 176
 Изяслав князь Киевский 106
 Иисус Христос бог 108, 163,
 210—212
 Иоанн Кронштадтский святой .. 31
 Иоанн Предтеча святой 163
 Иона митрополит Московский 173,
 174, 176
 Иорданов архитектор 221
 Иосиф Волоцкий святой .. 107, 108
 Истома Щуров крестьянин 122
- Кавельмахер В. В. архитектор **161**,
162
 Казаков М. Ф. архитектор **146**
 Калачёва А. Т. директор дома
 пионеров 230
 Камерон Д. Ф. музеолог 43
 Камерон Ч. архитектор 146
 Карасик И. Н. искусствовед ... **185**
 Кардовский Д. Н. художник 5, **204**,
 205
 Каспар литейщик 92
 Каспаринская С. А. историк
 см. Овсянникова С. А.
 Кваренги Д. архитектор 146
 Ким Джин-бэ ювелир 18
 Ким Донг-хак ремесленник 17
 Ким Чонг-джин чиновник .. 17, 19
 Кирилл Белозерский святой ... 107
 Кириченко Е. И. историк **218**
 Кичберг С. врач 55
 Кищенко Л. И. художник 179
- Клабуновский И. Г. педагог 36
 Клейн В. К. историк 87
 Климова Н. П. искусствовед ... 208
 Ключевский В. О. историк 104, 156
 Козлов В. Ф. историк 29
 Кокурин В. Г. художник 205
 Коллингвуд Р. историк 102
 Кольцов А. В. поэт 52
 Комов И. О. художник 207
 Комова О. И. художница
 см. Воробьёва О. И.
 Конвей У. М. директор музея ... 40
 Конт О. социолог .98, 99, 101—103
 Котов П. И. художник 204
 Крайнов Д. А. археолог 111
 Крылов И. П. историк 146
 Кублановский Ю. М. поэт **21**
 Кузнецов В. А. художник 204
 Кузнецов П. В. художник 179
 Кузнецова К. К. художница **88**
 Куликов И. С. художник **86**
- Лазыкин А. А. художник 206
 Лаппо-Данилевский А. С. историк
100
 Легранд Н. Н. архитектор 149
 Леонид епископ Костромской . 177,
 178
 Леонтий епископ Ростовский . 174,
 176
 Леонтьев А. Н. психолог 24
 Леонтьевы дворяне 66
 Лифшиц Л. И. искусствовед ... 53
 Лихарева В. П. монахиня 229
 Лопухов Б. архитектор ... 201, 203
 Лотова И. Н. художница 207
 Лукьян Щуров крестьянин 122
 Лурья А. Р. психолог 24
 Львов И. Ф. архитектор .. **146**, **147**,
153, **154**
 Львов Н. А. архитектор .. **146**, **148**,
 149, 153, **154**, **155**
 Любимова Н. С. художник 207

- Магер-Паули В. В. чиновник . . . 66
- Майкова Т. П. художник 205
- Макарий архимандрит
Богоявленский 177
- Макарий Калязинский святой . 173
- Максимова Л. В. искусствовед 208
- Малицкий Г. Л. музеевед 61
- Мальков П. В. художник 204
- Малютин С. В. художник 205
- Малютина О. С. художница . . . 205
- Маневский А. Д. историк 61
- Мануил Евгеник иконописец . . . 81
- Мартиниан Белозерский святой
107
- Мартьянов И. Т. архитектор . . . 200
- Машковцев Н. Г. искусствовед . 179
- Мельник Е. А. чиновник 231
- Минин К. купец 52
- Михайлов А. В. звонарь 21
- Мишуков Ф. Я. реставратор . . . 84
- Молодая Н. Т. доцент МЭИС . . . 89
- Мотовилова О. И. художница
см. Воробьёва О. И.
- Мочальский А. Д. художник . . . 207
- Мочальский Н. А. художник . . . 207
- Мурашкина М. И. купчиха . . . 193
- Назаров Е. С. архитектор 153
- Нарышкины дворяне 66, 67
- Непостаев В. К. художник 205
- Никита Костромской святой . . 176
- Никитин архитектор 220
- Никитин В. В. археолог 116
- Никитина Ю. Я. сотрудница музея
229
- Николаева Т. В. историк 84
- Николай II царь 229
- Николай Мирликийский святой
210—212
- Никон епископ Вологодский . . . 109
- Никон Радонежский святой . . . 106
- Нил Сорский святой 107, 109
- Ницше Ф. философ 96—98
- Новотельнов Ф. В. художник . . 205
- Оболенский Овчина И. Ф. князь
158
- Оболенский Хромой Н. В. князь
158
- Овсянникова, Каспаринская С. А.
историк 56
- Орлов В. Г. граф 196, 201
- Орлов-Давыдов В. П. граф 196, 197
- Орлова-Давыдова М. В. графиня
197
- Орлова-Давыдова О. И. графиня
200
- Ослябя монах 35
- Осмёркин А. А. художник 205
- Острецов И. А. нотариус 227
- Охотина В. Н. сотрудница музея
236
- Охотина Н. Н. сотрудница музея
236
- Павел I царь 88
- Павел апостол 106
- Павел Обнорский святой 107
- Павлов И. П. академик 23
- Павлов Л. С. городской голова 221
- Павлов С. П. купец 215—217
- Палладио А. архитектор 145
- Панфилов В. И. сотрудник музея
220
- Пафнутий Боровский святой . . 108
- Пельцер садовник 202
- Пересвет монах 34
- Петров-Водкин К. С. художник 179
- Петровичев П. И. художник . . . 179
- Пехов В. И. издатель 85
- Пехова А. В. жительница Мурома
85
- Пётр I царь 64, 66
- Пётр митрополит Московский 173,
174, 176
- Пётр (Руднев) архимандрит . . . 27

- Пиксанов Н. К. литературовед .. 52
 Пожарский Д. М. князь 52
 Покровский Б. И. художник ... 204
 Полякова М. А. преподаватель **142**
 Померанцев Н. Н. реставратор . 28
 Попков В. Е. художник ... 205, 207
 Попов архитектор (Кострома) . 177
 Попов И. А. художник 205, 207
 Попова О. С. искусствовед 75
 Потап Федотов крестьянин ... 121
 Пунин Н. Н. историк **185, 186**
 Пуришев И. Б. архитектор **169**
 Пушкин А. С. поэт ... 53, 228—230
 Пфлаум архитектор 202, 203
- Равикович Д. А. историк 61
 Разгон А. М. историк 57, 61
 Разгулин В. Н. художник .. 206, 207
 Рождественский Н. топограф .. 194
 Романов Н. И. искусствовед **38**,
 43—45
 Ростовцев В. И. учитель 229
 Рубинштейн С. Л. психолог 24
 Руднев Н. Н. см. Пётр (Руднев)
 Руска Л. архитектор 148, 162
 Рылов А. А. художник 204
 Рябушинский С. П. банкир 216
- Савельев П. С. археолог 64
 Савич А. литейщик 91—94
 Садчиков В. М. доцент **21**
 Салтыков-Щедрин М. Е. писатель
 23
 Самойлов И. Д. директор музея 43
 Самсоновы дворяне 66
 Свешников И. П. купец 7
 Свешников Н. П. купец .. **222, 223**
 Святослав князь Киевский 106
 Семён Корелкин крестьянин .. 121
 Семёнов С. В. врач **21**
 Сен-Галли архитектор 202
 Сергей Радонежский святой .. 106,
 109, 176
- Серебрякова Т. А. врач **21**
 Сидоров В. В. археолог 116
 Симсон П. Ф. историк **190**
 Словцов А. Н. директор музея .. **42**
 Смирнов Б. В. художник 204
 Смирнов Г. Б. художник 204
 Смирнов Г. К. искусствовед ... **220**
 Смирнов М. И. историк .. **4, 5, 7, 8**,
65, 66, 67
 Смирнов С. И. историк **104**
 Смыслова (Иванова) В. А.
 искусствовед **86**
 Соболев П. В. директор фабрики
 229
 Соколова Е. Н. музыкант **85**
 Сорокин И. В. художник . 205, **206**,
 207
 Спиридонов Н. К. комендант
 Кремля **84**
 Старов И. Е. архитектор **146**
 Стернин Г. Ю. искусствовед 51
 Стефан Махрицкий святой ... 107
 Странский З. музеолог 55
 Суровцев А. П. художник . 206, 207
 Сусанин И. крестьянин 52
 Суслов В. В. архитектор .. **168, 169**,
170
- Терновская А. Н. художница **89**
 Товия архимандрит 110
 Толстой Л. Н. писатель 23
 Томилов Н. А. этнограф 59, 60
 Торопов С. А. архитектор 31
 Трапезников В. К. художник .. **184**
 Трифонов В. А. художник 207
 Троицкая церковь
 (Подмосковье) 210
 Троицкий В. И. директор музея . 31
 Трофимов А. А. архитектор ... 147
 Турунов Н. архитектор ... 201, 203
 Тутолмин А. Ф. генерал ... 147, 152
 Тутунов А. А. художник ... 205, 207

- Уваров А. С. археолог 64
 Успенский Д. И. библиотекарь . 84,
88
 Ухтомская А. Н. княжна **23**
 Ухтомский А. А. академик **20**,
 21—24
 Ушаков Д. А. директор музея ... **86**,
 181
- Федосеев С. А. чиновник **220**
 Феодосии Печерский святой .. 105,
 106
 Феодосий Косой монах 107
 Феофан Грек иконописец ... 75, 80
 Фёдор Иоаннович царь 167
 Фёдоров Н. Ф. философ 43, 44
 Франк А. литейщик 92
 Франк С. Л. философ **99**
 Фрейд З. психолог 100
 Фролов А. И. историк 58
 Фуников В. С. князь 188
- Хан Су-чанг ремесленник 17
 Хворостова Е. Л. археолог **161**
 Хмельницкий Б. М. гетман .. 91, 92
 Хмельницкий Ю. Б. гетман 94
 Хупер-Гринхилл Э. музеолог 44
- Ценгер архитектор 202, 203
 Цуканов А. В. архитектор 201, 203
- Чернов В. И. городской голова **220**
 Чернышёв М. Б. архитектор .. 157,
161, 162
- Чернятин М. А. архитектор ... **146**,
 147—155
 Чечелёвы купцы 221
 Чой Ча-ран ремесленница 18
 Чубарев А. .см. Антонин (Чубарев)
 Чугунов С. В. художник **89**
- Шакуров архитектор 200, 202
 Шандыбин О. Е. искусствовед . 207
 Шапиро А. Л. историк 123
 Шаров П. А. священник **89**
 Шаулфербергер архитектор ... 203
 Шепелёв В. В. художник 205
 Шереметев В. Б. боярин 91, 94
 Шестернёв В. И. чиновник 206
 Шиль В. К. врач **227**, 228
 Шилов Н. Д. директор завода . 206
 Шилов П. житель Серпухова .. 191
 Шляков Г. К. сотрудник музея .. **86**
 Шмаринов Д. А. художник 204
 Шмелёв П. П. художник 204
 Штаден Г. опричник 166
 Шухаев В. И. художник 204
 Шухмин П. М. художник 204
- Эдинг Д. Н. археолог **87**
 Эрзя С. Д. скульптор 205
- Юн Кван-джу реставратор 18
 Юрий Долгорукий князь 64
 Юрий князь Дмитровский 157
- Яковлев А. Я. художник 204

Предметный указатель

- антропогенные изменения
природы 243
- арсенал Петербургский 62
- архитектура в учебном процессе
140—142
- атеизм 33
- баптисты 35
- благородное собрание (Москва)
154
- благотворительность 106—110
- бобёр 239, 240, 246, 247
- болото 123, 233, 240
- больница в Переславле 223
- Великая Отечественная война .. 70
- ветровально-почвенный комплекс
239, 242
- выставки ремёсел в Корее 16
- гербарий 235—237
- гимназия в Переславле ... 221, 222
- голоцен 241, 242
- Грановитая палата 161, 173
- дворянское собрание (Тверь) . 153,
154
- дом Варенцова 216, 220, 222
- дом Житникова 218, 220
- Дом культуры (Переславль) ... 229
- дом Павлова 215, 218, 219
- Дом пионеров (Переславль) ... 230
- Дом творчества (Переславль) . 205,
207
- доминанта (психология) 20, 22, 24
- евангелие 69, 75—82
- земледелие 242, 243, 246
- землепользование крестьян ... 121,
123, 126
- Золотая Царицына палата 162
- зубр 239, 240, 246
- изразцы 37, 161, 162, 166, 169, 195,
216
- интернет 143
- интерпретация произведения
культуры 99—101
- историография 95, 96, 98, 102
- источник исторический 95, 99,
101—103
- керамика 16, 18, 66, 111, 112, 115,
117, 159, 161—163
- колокола 91—94
- комплектование фондов 101
- конференция ИКОМ XI-я 60
- конференция музейная (1919) . 63
- Красная книга России 234, 237
- Кремль (Москва) . 79, 84—88, 156,
157, 161, 162, 166, 171,
173
- культура Кореи 12
- модерн стиль .. 216, 218—220, 223
- монашество 27, 105—110
- монгольское нашествие .. 112, 113
- Московский учебный округ ... 220
- мотыга каменная, археологическая
находка 114—118
- музеефикация 39—42, 46
- музеи городского быта 41
- музеи промышленного наследия 41
- окно возобновления леса 238, 239,
242
- оружие, ружьё 88

- палладианство 145
- памятник искусства 52
- памятник культуры 48—50, 53
- Первая мировая война 62
- периодизация музееведения 55—63
- писцовая книга . 120, 121, 124, 126
- планировка городов 192
- позитивизм в историографии .. 99, 102
- потешная флотилия 64
- производящее хозяйство 241—243, 247
- пруд бобровый 240, 241
- птицы 234
- Пушкинский сад (Переславль) 227—232
- раскопки 64, 69, 111, 112, 114, 115, 160, 161
- растения охраняемые 237
- рационализм в историографии . 95, 96, 102
- репрезентация культуры .. 98, 101, 103
- реставрация в Корее 13, 18
- сайгак 246
- Сарское городище 87
- скотоводство 242, 243
- Смутное время .. 88, 112, 126, 172, 189
- социология 98, 99, 103
- съезд музейный (1930) 63
- съезд музейных деятелей (1912) 57, 62
- съезд русских художников (1894) 63
- тарпан 239, 246
- татары крымские 189
- Теремной дворец 166
- торф 234
- трёхполье 246
- тур (животное) 239, 240, 246
- усадьба как архитектура 197—203
- усадьба как памятник 51, 52
- училище женское 222, 223
- фабрика Павлова (Переславль) 217
- Чанмачонг, Чхонманджон
гробница 18
- часовня 33, 151, 167, 168, 170
- экспозиция музея . 95, 98, 101, 103
- ювелиры 90

Указатель организаций

- Академия художеств . . 62, 168, 198
 Антираелигиозный музей искусства
 36
 Археологическое общество 221
- Бодлеанская библиотека 76, 82
 Британский музей 81
- Вифанская семинария 104
 Владимирский губернский архив
 67
 Всероссийский музей декоративно-
 прикладного искусства
 184
- Главнаука . 7, 26, 28, 30, 32, 34, 35,
 181
 Государственный исторический
 музей . 64, 68, 77, 79, 164
- «Завод ЛИТ» 206
 Загорский музей-заповедник . . 158
- Ивановский областной музей . . . 69
 ИКОМ 60
 ИКОМОС 49
 Институт археологии . 88, 111, 161
 Институт истории материальной
 культуры 69
 Институт христианской культуры
 Средневековья 53
 Историко-архивный институт . 141
- Коломенское музей 37
 Комиссия по охране памятников
 Переславского уезда . . 66
 Комитет по охране памятников
 Ярославской области 215
 Кунсткамера музей 61, 62
- Международный комитет
 по музеологии 61
 Министерство культуры РСФСР 182
 Министерство культуры РФ . . 142
 Московская духовная академия
 104
 Московский губернский исполком
 34
 Московский Кремль музей . 84, 85,
 89, 90
 Московский отдел народного
 образования . . 30, 33, 35,
 36
 Московский совет депутатов 25, 34,
 36
 Московский университет . . 86, 104
 Московское дворцовое управление
 84
 Мособлреставрация трест 157, 161
 музей А. А. Ухтомского . . 20, 22, 23
 музей архитектуры имени Щусева
 86, 157, 161, 200
 музей в Симонове монастыре . . 28,
 29
 музей Деревни искусства 18
 музей Оптиной пустыни 40
 Муромский исполком 86
 Муромский музей 85
 Муромский райком ВЛКСМ 86
- Нагорьевский стекольный завод 70
 Наркомпрос 29
 отдел ИЗО 181
 Нижнесинячихинский
 музей-заповедник 43
 Нижнетагильский
 музей-заповедник . 41, 42
 НИИ культуры 58

- Оружейная палата, музей .. 26, 31,
62, 68, 84—88
- Пезанпроб общество 7
- Переславская городская дума . 227,
228
- Переславский исполком 229
- Переславский музей-заповедник 4,
7, 65—68, 91, 98, 104,
204—207, 220, 227,
235—237
- Переславский совет депутатов .. 66
- Переславское духовное правление
104
- Переславское духовное училище
67, 104
- «Плещеево озеро» национальный
парк 216
- Помгол, комитет помощи
голодающим 26
- Пролетарский районный совет . 36
- рабоче-крестьянская инспекция 33,
35
- РОСИЗО 207
- Российская национальная
библиотека 75
- Российский государственный
гуманитарный
университет 58
- Ростовский кремль, музей 87,
179—183
- Румянцевский музей 7
- Русский музей 62, 82, 185
- Рыбинская авиационная
техническая академия
(РГАТА) 21
- Рязанское художественное
училище 89
- Саратовский художественный
музей 179
- Серпуховская городская управа
193
- Серпуховский музей 194, 196
- Союз рабочих-металлистов 35
- Союз советских художников ... 204
- Старицкий музей 161
- «Старый Петербург» общество .. 40
- Товарищество ростовских
художников 179, 182, 184
- Третьяковская галерея .. 62, 80, 81
- Центральный антирелигиозный
музей 34
- ЦНРПИМ мастерские 161
- Черниговский исторический музей
92
- «Энергия» артель 70
- Эрмитаж музей 62, 64
- ЮНЕСКО 49
- Ярославский областной исполком
237
- Ярославский педагогический
университет (ЯГПУ) . 236
- Ярославский университет 86
- Ярославский художественный
музей 184

Церковный указатель

- Александра Свирского церковь
(Симонов м-рь) 33—35
- Андроников монастырь 156
- богородичные церкви
(Подмосковье) 209—214
- Богоявленская церковь
(Серпухов) 188
- Богоявленский монастырь
(Кострома) 172
- Богоявленский собор
(Кострома) 172, 173, 178
- Борисоглебский монастырь
(Торжок) 149
- Борисоглебский на Устье
монастырь 87
- Борисоглебский собор
(Старица) 147—150, 152,
159—162, 164, 166
- Василия Блаженного собор ... 143,
159, 162, 164
- Введенская Оптиная пустынь 40
- Введенский монастырь
(Переславль) 75
- Владычный монастырь
(Серпухов) 188
- Вознесения церковь
(Коломенское) 49, 143
(Кострома) 87
- Воскресенская церковь
(Давыдовское) 121
- Выдубицкий монастырь
(Киев) 92
- Высоцкий Боровский монастырь
(Боровск) 176
- Высоцкий монастырь
(Серпухов) 188—190
- Георгиевская церковь
(Подмосковье) 210
- Горицкий монастырь
(Переславль) . 4, 7, 67, 91, 93
- Григория Богослова церковь
(Ростов) 182
- Данилов монастырь
(Переславль) 67, 108
- Донской монастырь 34, 36
- Жён Мироносиц церковь
(Серпухов) 190
- Знаменская церковь
(Новоспасский м-рь) 152
- Иванишский монастырь
(Иванищи) 157
- Иоанна Предтечи церковь
(Дьяково) 159, 160
- Иосифо-Волоцкий монастырь . 108
- Ипатьевский монастырь
(Кострома) 178
- Казанский собор
(Москва) 50
- Киево-Печерская лавра 105
- Кирилло-Белозерский монастырь
143
- Костромская епархия 177
- Косьмы и Дамиана церковь
(Серпухов) 188
- Михаила Архангела собор
(Смоленск) 143
- Никитская церковь
(Елизарово) 170
(Москва) 34

- Никитский монастырь
(Переславль) 67
- Никола-Песношский монастырь
(Дмитровский район) 162
- Никольская церковь
(Подмосковье) 210, 212
(Серпухов) 188, 193
(Симонов м-рь) 34, 35
(Старица) 147, 153
- Никольский монастырь
(Переславль) 75, 229
- Новодевичий монастырь 34
- Новоспасский монастырь
(Москва) 152
- Оршин монастырь
(Тверская область) 157
- Переславская епархия 93
- Петра Митрополита церковь
(Переславль) 168
- Петропавловский собор
(СПб.) 93
- Покровская церковь
(Серпухов) 188
(Сулимовка) 92
- Покровский собор ... см. Василия
Блаженного собор
- Происхождения Древ церковь
(Симонов м-рь) 37
- Пульгукса монастырь
(Южная Корея) 16
- Пятницкая церковь
(Старица) 147, 150, 152
- Рождества Богородицы церковь
(Городня) 79
(Кострома) 178
(Подмосковье) 212, 214
(Симоново) 33—35
(Чуднов) 91, 93
- Рождества Христова церковь
(Юркино) 162
- Рождественская церковь
(Нижний Новгород) 143
- Рождественский монастырь
(Москва) 156
- Симонов монастырь
(Москва) 25—36
- Соккурам храм
(Южная Корея) 13
- Сольбинский монастырь
(Переславский район) 67
- Софийский собор
(Новгород) 143
- Спаса на Нередице церковь
(Новгород) 143
- Спасо-Преображенская церковь
(Дубно) 93
- Спасо-Преображенский собор
(Переславль) . 67, 69, 80, 168
(Синячиха) 43
- Сретенская церковь
(Кострома) 177, 178
(Серпухов) 188
- Тихвинская церковь
(Симонов м-рь) 32, 33
- Трёх святителей церковь
(Кострома) 172, 173
- Троице-Сергиева лавра . 76, 79, 82,
109, 110, 112, 120, 143,
173, 176
- Троицкая церковь
(Репки) 92
(Серпухов) 195
(Старица) 147
- Троицкий собор
(Серпухов) 188
- Успенская церковь
(Отрада усадьба) ... 198, 199,
202
- Успенский монастырь
(Переславль) ... см. Горицкий
(Старица) . 147, 152, 157, 166

Успенский собор	Фёдоровский монастырь
(Владимир) 143	(Переславль) 67, 171
(Дмитров) 163	Христа Спасителя собор
(Москва) 79, 161	(Москва) 143
(Симонов м-рь) 32, 33, 36	Чудов монастырь 162
(Старица) 156, 157, 161	

Содержание

Предисловие	4
Предисловие 1999 года	7

Секция 1

История, теория и практика музейного дела

Белозёрова В. Г.	
Роль традиционных ремёсел в современной культуре Южной Кореи	11
Бикташева Н. Н. Наследие академика А. А. Ухтомского в воспитании поколения XXI века	20
Давиденко Д. Г.	
Московский Симонов монастырь и его музей в 1920-е годы	25
Каулен М. Е. Обращение современного музееведения к идеям и опыту первой трети XX века	38
Полякова М. А. Современные тенденции сохранения культурного наследия: методологический аспект	48
Сундиева А. А. Проблема периодизации в российской музеологии (к началу дискуссии)	55
Ямщикова Н. Б. Формирование исторических коллекций Переславского историко-художественного музея (1920—начало 1950-х годов)	64

Секция 2

Региональная история и археология

Колпакова Г. С. Переяславское евангелие 1389—1425 годов: проблемы датировки и стиля	75
Павлович М. К. Документы личных фондов музея-заповедника «Московский Кремль» — источники по региональной истории	84
Пуцко В. Г.	
Переславский колокол 1649 года мастера Андрея Савича	91
Румянцева М. Ф. Музейный предмет и музейная экспозиция: подход источниковеда	95
Смирнова Т. В. Сергей Иванович Смирнов и дискуссия о монашеском служении миру	104
Уткин А. В. Находки средневековой керамики на суходолах Ивановского болота	111
Уткин А. В., Костылёва Е. Л.	
Льяловские сверлёные «мотыги» с Ивановского болота	114
Черкасова М. С. О земельных переделах в Переславском уезде в начале XVII века (по архиву Троице-Сергиева монастыря)	120

Секция 3

Исследования русского искусства и архитектуры

Аронова А. А. Памятник архитектуры как объект историко-культурного изучения в учебном процессе	139
Галашевич А. А., Мокрушина И. А. Старицкий архитектор Матвей Чернятин	145
Галашевич А. А. Удельное княжеское храмовое строительство Старицы XVI столетия	156
Карнушина О. Г., Карнушин А. И. К истории реставрации часовни Крест	167
Каткова С. С. Иконы в интерьере трапезной костромского Богоявленского монастыря	172
Ким Е. В. Картинная галерея Ростовского кремля и современная художественная жизнь города	179
Лесников С. Г. История деревянного зодчества Серпухова XVI—XX веков по архивным материалам	187
Лесникова Т. А. К изучению архитектуры усадьбы Отрада	196
Селивёрстова Н. А. Формирование коллекции современной живописи в Переславском музее-заповеднике	204
Ткаченко В. А. Почитание Пресвятой Богородицы на северо-востоке Московской области с XIV до начала XX века (по посвящениям храмов)	209
Шадуңц Е. К. Памятники модерна в Переславле-Залесском	215

Секция 4

Естественно-исторические исследования

Воробьёва Д. П. Из истории Пушкинского сада в городе Переславле-Залесском	227
Горохова В. В. Болото Сомино как особо ценный объект охраны и изучения международного значения	233
Гузилова Т. В. Гербарий Переславского музея	235
Смирнова О. В., Турубанова С. А. Доисторический облик природы европейской России и его антропогенные преобразования в голоцене	238
Сведения об авторах	248
Географический указатель	250
Именной указатель	253
Предметный указатель	259
Указатель организаций	261
Церковный указатель	263

Научное издание

Смирновские чтения

Доклады научной конференции, посвящённой 80-летию
Переславского музея-заповедника, 28—29 мая 1999 года

Под общей редакцией
директора Переславского музея-заповедника О. Н. Пычина.

Редакционная коллегия:

Н. Р. Герасимова, Т. В. Гузилова, Н. Ю. Кондратьева,
Н. В. Левицкая, Г. М. Петровнина, Н. Л. Сергеева,
О. Б. Сокольская, С. И. Сотникова, Л. Б. Сукина.

Редактор А. Ю. Фоменко.

Электронное издание.

Подписано к использованию 22.12.2023.

Объём 2,2 МБ. Гарнитура Хартия.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 14,1.

Тираж 50 экз.

Переславский музей-заповедник
152024, Россия, Ярославская область,
г. Переславль-Залесский, Музейный переулок, д. 4.
Телефон (48535) 3-81-00.

Наши страницы в интернете

<https://www.museumpereslavl.ru>

<https://vk.com/club10191782>

<https://ok.ru/museumpereslavl>

<https://t.me/museumpereslavl>